

Чередой, за вагоном вагон...

Павел Малов

2025-08-14

Contents

«Чередой, за вагоном вагон...»	1
Часть первая	
Опасные друзья	1
Павел Малов	

«Чередой, за вагоном вагон...»

Криминальная повесть

Часть первая Опасные друзья

1

...Тоска! Зелёная тоска, как тот крокодил из глупого эстрадного шлягера, название которого не удержалось у Золотарёва в памяти. Вертелись только обрывки текста типа: «...а мне опять приснился крокодил зелёный. Зелёный-презелёный, как моя тоска...» Глупейшая песня!

Игорь с отвращением отбросил свежий номер «Литературной газеты», который рассеянно просматривал и в котором, как всегда, не было ничего интересного, разминаясь, прошёлся по комнате.

«Что же делать-то?.. Напиться разве опять – может, полегчает?.. Хандра накатила – хоть вешайся. Чертовщина какая-то... Прямо пропасть!..»

Достав из валявшейся на подоконнике пачки «Примы» сигарету, закурил и снова бросился на софу.

«И верно, бухаю последнее время по-чёрному! Докатился, кореш... По утрам, с похмелья, ужасное состояние! Ничего не мило... Глаза бы ни на что не смотрели. Опостылела уже такая жизнь! Скука смертная... Работать и то лучше, хотя тоже не мёд... Зато время быстро бежит – не успеваешь оглянуться. Всё чем-то занят... Делом каким-нибудь... С ума просто можно сойти в эти выходные. Одуреешь от пьянок!.. Что за жизнь пошла? Раньше ведь не так было. В армии... Трудно было, но жил. Потому как интерес к жизни имелся. Цель была – домой вернуться! Каждый день до дембеля считал, иголкой в календаре прокалывал. А домой приехал – заплакал! Ротных ребят вспомнил: дагестанца Магомедова, замкомвзвода Бориса Клыкова, чуваша Терентьева... Что ни говори – дружба армейская не забывается!.. А что сейчас? Просто не знаешь, куда себя деть, чем заняться! Мысли какие-то дурацкие в голову лезут... Может, жениться?.. Можно, конечно, вот только на ком? Да-а, проблема... Как говорит отчим, жениться – не напасть, лишь бы женатому не пропасть!.. Или бросить всё, уволиться к чёрту с работы да махнуть куда-нибудь в дальние края на заработки? БАМ, например, построить...»

Резкий звонок в дверь прервал его тягостные размышления.

– Слава богу, пришёл кто-то!

Игорь пулей слетел с софы, побежал открывать. На пороге стоял Серёжка Соколов – Сокол по-уличному – давний товарищ Игоря, учились в одном классе. В армию тоже призывались в один год, и даже служили оба в Германии, в ГСВГ, правда, в разных частях.

Сокол, как всегда, чуть-чуть подёргивал правой ногой, как будто выстукивая ею какой-то танцевальный ритм. Он ни минуты не мог устоять на месте.

– Привет, Золотарь! Чем занимаешься? – Сергей протянул синюю от наколок руку враз ожившему Игорю и бесцеремонно ввалился в квартиру.

– Скучаю, Серый! Хорошо, что зашёл. Ты с работы?

– Какая работа, Золотарь? От работы лошади дохнут! На больничном я. Червонец доктору зарядил – и дело в шляпе!

- Сергей похлопал товарища по плечу и для чего-то спросил, кивая в глубину квартиры: - Ты один?

- Один, а что?

Игорь провёл его в свою комнату, нажал клавишу магнитофона.

- Эмигранты, Серый... Во кайф! Послушай... Недавно у Мишки Шумея переписал.

Комнату заполнил дробный стук вагонных колёс, и приятный «блатной» баритон с надрывом затянул:

Чередой, за вагоном вагон,

С лёгким стуком по рельсовой стали

Спецэтапом идёт эшелон

С Украины в таёжные дали.

- Ничтяк музыка, Золотарь, - похвалил песню Серёжка, падая вслед за Игорем на софу, прямо на развёрнутую «Литературку», и сейчас же закуривая сигарету. - Я такие люблю. Не то что всякие «Песняры» или там «Битлы».

- Я тоже, - поддакнул Сергею Игорь.

Сокол между тем оседлал своего любимого конька:

- Ещё одесситы хорошо поют, - «На Дерибасовской» знаешь? А Аркадия Северного слышал? Нет? Ну даешь - полжизни потерял!.. А последний концерт Высоцкого? Там песня есть - подохнешь! Про джина. Из бутылки вина вылез... Кроме мордобития, говорит, - никаких чудес!

- Дашь переписать? - загорелся Игорь.

- Да это не моя кассета, я сам у Седого брал, - ответил Серёжка и искоса, изучающе поглядел на приятеля.

- Он что, отсидел уже?

- Давно, ещё перед Новым годом откинулся. Отстаёшь от жизни, Золотарь.

- Работаю, - уклончиво ответил Игорь.

Помолчали.

- Ты, кстати, когда теперь в ночь дежуришь? - зачем-то спросил Соколов.

- Послезавтра.

- На своём автобусе?

- Да, а что?
- И всю ночь как привязанный или отлучиться куда можешь?
- уклоняясь от ответа, продолжал свои туманные расспросы Серёжка.
- Да зачем тебе всё это? - не выдержав, взорвался Золотарёв. - Мне эта работа - во где сидит!.. Вспоминать тошно! Уволюсь я оттуда, Сергей.
- Что вдруг?
- Да не могу больше! Как извозчик... Поехали туда - поехали сюда! Привези то - отвези это!.. Надоело всё!
- Терпи, казак, атаманом будешь!
- Да ну его к чёрту!..
- Опять помолчали.
- Тебе «бабки» нужны, Золотарь? - спросил вдруг, загадочно взглянув на товарища, Соколов.
- У тебя что, лишние завелись?
- Я у тебя спрашиваю, - нужны?
- Конечно, нужны, о чём разговор! Кому не нужны деньги?!
- А сколько б ты хотел, Золотарь? - продолжал изъясняться загадками Сергей.
- Сколько?.. - Игорь задумался. - Тысяч сто для начала... Или пятьдесят.
- Ну, раскатал губу, - усмехнулся Соколов.
- А что ты всё спрашиваешь? - встрепенулся Игорь. - Денег мне дать, что ли, хочешь?
- Ага, - кивнул головой Соколов, - только не пятьдесят кусков, это ты загнул... Тысячу хочешь?
- Ты что, Серый, разбогател? Банк, что ли, ограбил? - попробовал пошутить Игорь.
- Ты не смейся, старик, я серьёзно. - Сергей ближе пододвинулся к другу. - Банк не банк, а магазин грабануть можно. У нас всё уже подготовлено, в натуре тебе говорю, Золотарь! Послезавтра ночью можно будет взять. Автобус нужен, понимаешь?.. Выручай! Ты ведь ночью работаешь... Всё в ажуре будет, старик, не понтуйся. Колька Седой на это «дело» идёт. Сам знаешь, он магазинов этих!.. Что ему магазин? Угрюмый рассказывал, он инкассаторов в Краснодаре брал! С деловыми

чуваками тусовался!.. Пошли, – они с Угрюмым в пивной ждут. Побазарим.

– Ты что, с ума сошёл, Серый? Никуда я не пойду, – испугался Игорь. – Твой Седой привык по тюрягам скитаться, а мне это совсем ни к чему. Я за решётку не желаю, уволь!

– А я, думаешь, хочу туда, дурак? – разозлился Сокол. – Ты пойми, чудо, магазин не в центре – где-то на Западном. Грузчик – свой парень. Обещал сигнализацию отключить. Там глушь – как у нас в Лесхозе! И магазин такой же: продукты, промтовары – всё вместе. Автобус нагрузим – и к Угрюмому. Он тоже идёт. А после – хана, Золотарь, никаких дел! Свою долю хапанёшь – и концы в воду. Не заметут – два месяца готовимся... Сто процентов даю, что не повяжут!

– А вдруг? – испуганно спросил Игорь.

– Всегда ты вот так, Золотарь: если бы да кабы!.. Что загадывать и заживо себя хоронить? Как говорится, если б знал где упасть – соломки бы подстелил! Кто не рискует – тот не пьёт шампанское по утрам. Сам ведь говорил: лучше умереть на мешке с деньгами, чем под пивной бочкой!

– Это не я говорил, – поправил друга Золотарёв, – Самосюк из банды Толстопятовых.

– Вот это чуваки были, – сверкнул глазами Сергей Соколов, – ничего не боялись! Не то что ты, Золотарь.

– Ну и где они сейчас?..

– Неважно. Мы убивать никого не собираемся.

– Не, Сокол, я не пойду, не уламывай, – наотрез отказался Игорь.

– Добро. Так Седому и передам! – с угрозой в голосе процедил Соколов. – Только ты гляди, Золотарь, урки таких фраеров не любят. Знаешь, как это у них делается?.. Ну, если там кто-нибудь ссучится или заложит... У них это просто! Секим башка, как говорят татары... Седой рассказывал, как они на зоне одного тихого козла пришили. «Стучал», сука...

– Не пугай, – угрюмо проговорил Игорь.

– А я и не пугаю. Пока!

Сергей направился к выходу. На пороге, обернувшись, посоветовал:

– Ты всё-таки хорошенько подумай, Игорь! Такое дело срываешь...

- Сказал уже, что не пойду - и точка! Да и тебе, Сергей, не советую, - отрезал Игорь.

- Ну хорошо, не хочешь на дело - чёрт с тобой, не ходи, - переменял тон Соколов. - Погнали хоть пивка вмажем, посёлком прошвырнёмся. Или Седого боишься?

Сергей испытующе смотрел в глаза Игорю.

- Ничего я не боюсь, - передёрнул плечами Золотарёв. Немного помедлив, добавил: - Жди, сейчас выйду.

Пока Соколов обувался в коридоре, Игорь быстро напялил потрёпанные джинсы, запутался в рукавах рубашки. Руки дрожали, с трудом отыскивая петельки и пуговицы, сердце учащённо билось... Игорь всё-таки боялся Седого. Понимал, с кем ему предстоит встретиться в пивном баре.

О Кольке Седове, попросту Седом, ходили в посёлке легенды. В свои двадцать восемь лет он имел уже три судимости, причём первый раз был осуждён за групповую квартирную кражу, когда ему не было ещё и шестнадцати. Отбыв, как несовершеннолетний, полгода в колонии, Колька не уgomонился и через два года сел снова - за изнасилование. Последний срок схлопотал за вооружённый грабёж. В то время в Ростове орудовали знаменитые «фантомасы» - банда братьев Толстопятовых. В поисках «фантомасов» милиция перевернула весь город и попутно ликвидировала дюжину мелких преступных шаек. Вот тогда-то и попался Колька Седой...

На лестничной клетке Игорь резко схватил Сергея за руку.

- Сокол, хватит дурака валять, натрепался ведь всё про «дело»? Ну скажи, что натрепался! Ведь так? Скажи... Издеваешься ведь, да?

- Погнали, узнаешь, - тянул его за собой Сергей.

- А если попадётся? Ведь засыпетесь же, Серый! - вскрикнул, встряхивая товарища, Игорь. - Подзалетите ведь, пойми - посадят!

- Не ори, дурак! - зажал ему рот воняющей рыбой ладонью Сокол. Поманил из подъезда.

Приятель вышел на улицу. Сразу прищурили глаза от яркого солнца. Была середина апреля. На деревьях начинали распускаться почки. Прохожие разгуливали кто в чём: кто в зимних пальто и шапках, кто в плащах и куртках; на головах

фуражки или шляпы, кто вообще без головных уборов, как Игорь с товарищем.

- И опять же, волков бояться - в лес не ходить! - продолжал прерванный разговор Сергей. - Ну чего расшумелся: посадят, посадят! Раньше сядешь - раньше выйдешь, старик... Что, страшно? А читал вчера в «Вечёрке» - водитель междугородного автобуса пассажиров побил? Десять лет как минимум!.. А ты говоришь - посадят... Ты ведь, Золотарь, тоже за баранкой. Ну и соображай. Сам не влетишь - другой в тебя врежется, мало дураков? Мой пахан, царство ему небесное, двадцать лет за баранкой отпахал. «Решётку, - говорил, - за спиной возишь...» А впрочем, если боишься - мы силком никого не тащим. Хозяин - барин, как говорится. Можешь продолжать, Золотарь, на своём автобусе по мелочёвке калымить, гривенники сшибать. А я от такого случая не откажусь. Пить - так бочку, а воровать - миллион!.. Да у меня годика через два свой «жигуль» будет! Представляешь, Золотарь: машина, биксы, шампанское по утрам, Чёрное море... Мечта поэта!

Игорь, тяжело переставляя ставшие вдруг непослушными ноги, шёл вслед за другом. Всю дорогу его не покидала мысль о нереальности происходящего. «Розыгрыш какой-нибудь», - думал он.

В пивной Игорь сразу заметил Кольку Седого и Василия Рыскаля, который, оправдывая свою уличную кличку Угрюмый, почти никогда не улыбался, сохраняя на зловещем, со сдвинутыми к переносице бровями, лице угрюмое выражение. Они стояли за угловым столиком, прихлёбывали из бокалов пиво и тщательно разделявали сухую рыбину, перебирая её, как шофера автомобиль, - по косточкам.

Парни эти были примерно одного возраста. Седой чуть пониже ростом, но пошире в плечах, с огромными жилистыми кистями рук. Без головного убора, острижен под ёжик или, как это называется, «под зека». Черты лица имел грубые, усов не носил. Под левым глазом - глубокий синеватый ломаный шрам, на подбородке - щетина. Одет был Колька незатейливо: простые магазинные туфли ростовской фабрики, такие же брюки; куртка, правда, импортная - на кнопках, но поношенная. Зато во рту при улыбке - горело! Игорь заметил четыре золотые коронки.

Друг Седого Угрюмый был усат, волосы носил длинные, по моде. На нём был старый кожаный пиджак (голубая мечта Игоря Золотарёва) и новые джинсы.

Игорь перед этим частенько встречался с Рыскалём, даже выпивали порой вместе, несмотря на то что Васька был старше

его года на четыре. Угрюмый пользовался на посёлке большим влиянием, к тому же – «сидел», и водить с ним дружбу считалось немалой честью. Игорь познакомился с ним благодаря Сергею Соколову, который со школы постоянно льнул к старшим ребятам, особенно к такой отъявленной шпане, как Седой и Васька Угрюмый.

Седого Золотарев знал постольку, поскольку его знали все поселковые пацаны, – как грозу района. Разговаривать же никогда с ним не приходилось, а тем более – выпивать. И сейчас, оказавшись с глазу на глаз со знаменитым Колькой Седым, Игорь заметно стушевался.

Сергей, наоборот, держал себя в этой компании свободно и непринуждённо. Он был здесь как рыба в воде. Подведя Игоря к столику, за которым стояли Седой с Угрюмым, Соколов тут же, не спрашивая разрешения, взял один из бокалов с пивом и пододвинул товарищу.

Золотарёв робко поздоровался с Седым, с Угрюмым – за руку и замер, не зная, что делать дальше. К предложенному пиву не притронулся.

– Это ты, что ли, Игорь? – первым нарушил тягостное молчание Колька Седой, пристально разглядывая Золотарёва.

Игорь поёжился под этим взглядом и быстро отвёл глаза в сторону. Он не выносил прямого взгляда в глаза.

– Будем знакомы – Николай, – с ухмылкой проговорил Седой, продолжая внимательно изучать парня, и протянул свою огромную заскорузлую лапу. Во рту у него при этом засияло...
– Мне про тебя Сокол всё рассказал. Ты, звонят, на «дело» хочешь?

Игорь испугался и отчаянно замотал головой, отказываясь:

– Нет, не хочу! Кто сказал? Никуда я не хочу.

Тут в разговор встрял молчавший до этого Угрюмый:

– Не трепись, Золотарь. Помнишь, две недели назад в «Восходе» гужевались? Что ты мне тогда плёл, а? Память отшибло? – Угрюмый обратился к Седому: – Говорит мне: давай сберкассу грабанём или магазин на уши поставим. Я, гонит, блатной в доску!

– Да ну? – приятно удивился Седой.

Игорь густо покраснел, ему захотелось провалиться от стыда сквозь землю.

- Ничего не помню, пьяный был, – буркнул он еле слышно.

- Седой, может, сообразим? – Сергей Соколов слегка щелкнул себя пальцами по кадыку. – А то на трезвянку такой разговор не катит.

- А что, можно, – согласно кивнул Седой и обратился к смущённому Игорю: – Пацан, ты бухать будешь?

Золотарёв был рад перемене темы разговора. С готовностью приняв предложение, он сразу же выложил на столик зелёную трёхрублевую бумажку.

Здесь же – на площади, в гастрономе – купили две бутылки водки, но назад в пивную не вернулись. Угрюмый предложил пойти через рощу в шашлычную. Все его поддержали...

По пути Седой спрашивал у Сергея Соколова, как бы продолжая прерванный разговор:

- Пятого не подобрал, Сокол?

- Да есть один на примете – ничего чувак...

- С посёлка?

- Да, здешний. Мы с ним в параллельных классах учились... Федька Зозуля.

- Клёво его знаешь?

- Как себя!.. Он вечно на учёте в детской комнате состоял... Ещё тот парень!

- Побазарь с ним, но осторожно... Если что – смотри!..

- Понятно.

В шашлычной, которая стояла в довольно живописном месте на бугре, на окраине Берберовки, расположились прямо на траве, под деревьями. В тёплое время года так поступали почти все завсегдатаи этого «райского уголка». Сокол быстро сбежал за пивом. Угрюмый заказал шашлыки и принёс стаканы.

Когда все приготовления были закончены, Седой ловко, со знанием дела скрутил белую головку у первой бутылки «Экстры» и разлил питьё по стаканам.

- За знакомство, пацан! По сто грамм, – обратился он почему-то к одному Золотарёву.

Игорь привычно вылил в себя «водяру», жадно глотнул бешеного, вспенившегося в бокале пива. Колька Седой снова внимательно впился в него изучающим взглядом. Он явно

сомневался, не торопился принимать окончательное решение, но выхода не было... Приходилось рисковать.

- Ты как, пацан, уже в курсе?.. Нужна твоя помощь. Вон Сокол за тебя башкой ручается... да и сам я секу - ничтяк кореш! Так идёшь, что ли?..

Игорь встrepенулся, как будто ужаленный гадюкой, и хотел было снова сказать «нет», но его сбил с панталыку Сокол.

- Стой, Золотарь, не говори «да», тормози, - замахал он руками перед самым лицом Игоря, пьяно кривляясь и паясничая. - Ещё по чуть-чуть, для храбрости!.. Верно, Седой?

Игорь снова глотнул из стакана... В голову резко и приятно ударил хмель, мир зашатался... На душе стало радостно и легко, о невзгодах больше не думалось. Впереди зрело ещё что-то... загадочное и непривычное, остро распалляющее воображение.

- Чёрт с вами, орлы, согласен! - решительно кивнул Игорь давно не стриженной шевелюрой и жадно приложился к бокалу с мутно-коричневым пивом...

2

Всю ночь Игорю снились кошмары. Он то блуждал по какой-то больнице, превратившейся потом в школу, где он учился до восьмого класса, то убегал от каких-то наводнивших всё здание людей с пистолетами. У Игоря тоже оказался в руке пистолет, и он стрелял в этих людей и убегал от них по коридорам, по лестницам, врывался в какие-то комнаты-классы...

Потом он выпрыгнул в окно прямо на деревья, росшие на кладбище, возле которого находился автобусный парк, где он работал вот уже около шести месяцев. Игорь, как обезьяна, прыгал с дерева на дерево, снова стрелял в своих преследователей. Выбравшись из лабиринта кладбищенских кварталов, увидел ехавшую по просёлочной дороге легковую машину. Игорь её тут же остановил и, открыв переднюю дверцу, убил водителя. На заднем сиденье в испуге вскрикнули какие-то люди... Погоня отстала.

Золотарёв сел за руль и погнал машину прочь с кладбища, выжимая из двигателя предельную скорость. Причём скорость он ощущал даже физически, всем своим существом. Почти как наяву... Да он и был уверен, что всё происходит не во сне, а в действительности. Он даже вспомнил, что позади сидят люди - должно быть, семья убитого водителя - и, следовательно, их

тоже нужно застрелить. Игорь обернулся и нажал на спусковой крючок...

Потом появилась река и перегородила ему дорогу. Моста нигде не было. Игорь бросил бесполезную теперь машину и принялся лихорадочно метаться по берегу, который походил скорее на старинный морской порт со всякими канатами, бочками и тюками... Здесь он повстречал вдруг Светку Леонову, с которой порвал ещё до армии, и, ничуть не удивляясь её появлению, прильнул к ней в неясном, неудержимом порыве... Светка вырвалась – красная, злая, – начала трясти его за плечи и приговаривать:

– Вставай, оболтус! Вставай...

Игорь проснулся, ошалело моргая глазами.

– Вставай, на работу опоздаешь! – встряхнула его в последний раз мать и, шаркая тапочками, удалилась в кухню.

«Приснится же такая мура!» – вспомнил сон Игорь и, сладко зевнув и потянувшись, соскочил с постели.

За завтраком, хрустнув, обломился сгнивший уже на треть зуб – оставил острый, цепляющийся за язык осколок.

– Ну не везёт, и только! – сплюнул с досады Игорь и, бросив недоеденный завтрак, начал собираться на работу.

Впопыхах забыл на столе деньги и вспомнил об этом только в троллейбусе, с тоской ощупав пустые карманы. «Ничего, как-нибудь... В первый раз, что ли!..» – успокоил себя.

На следующей остановке, как назло, появилась контролёр. Игорь сдался без сопротивления и даже предложил вместо рубля своё водительское удостоверение, предварительно вывернув его из обложки, дабы доказать, что и там не затаился этот злополучный, трижды помятый рубль штрафа. Но тучная, с большой коричневой родинкой на мясистом носу контролёрша ему не поверила и, указывая коротеньким перстом-обрубком на смущённого Игоря, объявила на весь троллейбус:

– Молодые, а уже не плотют! Денех у них нема... На водку небось находят, алкаши чёртовы, а четырёх копеек нема! Тунияццы!..

Игорь покорно сглотнул «комплимент», но в душе шевельнулась обида: пусть он формально не прав, пусть он нарушил, но зачем же так унижать?! Уж лучше – десять рублей штрафа...

– Пораспустили!.. Сталина на них... – продолжала бесноваться глупая женщина.

Ей сочувственно поддакивали пассажиры, а какой-то интеллигентного вида лысый очкарик предложил даже сдать Игоря в милицию. «Чтоб другим неповадно было...»

Не дожидаясь развязки, Золотарёв выскользнул из салона на первой же остановке. Уж лучше – пешком, чем такое слушать!

До автопарка было ещё далеко. Настроение испортилось окончательно. Игорь шёл и думал: какое право имела эта карга с родинкой на носу поносить его последними словами, как будто и не человек он был вовсе, а какая-нибудь там бездомная дворняжка! Ведь он не сопротивлялся, не грубил ей. Он готов был понести наказание по закону. Нет у него рубля сейчас, ладно – можно потом высчитать из зарплаты. Но выслушивать оскорбления?..

Незаметно Игорь переключился на вчерашнее и невольно содрогнулся при одной только мысли о последствиях своего опрометчивого поступка... Но отступать было некуда. Мосты за спиной горели...

За несколько метров до автобазы Игорь поспешно достал из кармана лавровый лист – испытанный способ шоферов – и стал тщательно заедать выпитую вчера водку.

Вопреки опасениям, медицинский осмотр он прошёл благополучно и, начиная уже сомневаться в пророчестве давешнего, дурного, по его предположению, сна, – получил вдруг от судьбы удар в самое сердце! Его автобус стоял с пробитым передним скатом.

«Ну что ты будешь делать?! Нет – я родился под несчастливой звездой!» – обречённо решил Игорь и, быстро переодевшись в грязную спецовку и засучив рукава, принялся за ремонт колеса. Не успел он вставить в покрышку новую камеру, как откуда ни возьмись появился механик колонны Полунин.

– Золотарёв? Ты ещё не выехал?

– Вот – колесо монтирую. Напарник вчера оставил, гвоздь поймал, – дружелюбно взглянул на него Игорь.

Полунин схватился за голову:

– Это всё... Крах! Конец! Гибель! В девять ноль-ноль машина должна быть у райотдела милиции... Пятнадцать минут, Золотарёв!.. Ты понимаешь меня – пятнадцать минут!.. Иначе...

Потеряв дар речи, механик только замахал руками и, поминутно хватаясь за голову, дробно затрусил в ремзону. Через минуту оттуда прибежал слесарь-моторист четвёртого разряда – известный всему гаражу Васька Калдырь.

- Золотарь, на «рваный» делов! Даёшь? Кури, я его мигом!..
- Давай в долг, Калдырь, сейчас нету, - виновато развёл грязными руками Игорь.

Васька ошалело уставился на него и, с трудом сглатывая раскалённую, тягучую слюну в пересохшем горле, взмолился:

- Хоть на пиво, Золотарь... Неужели на кружку не наскребёшь?
- Говорю же - ни копейки! - Игорь для убедительности вывернул оба брючных кармана.

Калдырь посмотрел, горько вздохнул и взялся за дело.

- К обеду хоть найдёшь?
 - Постараюсь, Калдырь. Пару раз смотаюсь, бабушек на базар отвезу - будет на пиво, - как мог утешил бедного слесаря Игорь.
- Снова, трясая животом, прискакал Полунин.
- Ну что, Золотарёв, выезжаешь?
 - Три свечи не работают, только что выбросил, - соврал, пользуясь моментом, Игорь.

Механика унесло с разворота...

- Новые даст, - угрюмо заметил из-под автобуса Васька.
- Сейчас карбюратор попрошу, - решился на отчаянный шаг Игорь, - наш уже ни к чёрту - чихает и кашляет!
- Держи карман! - загробно отозвался Калдырь. - Поликарпыч вчера последний за червонец Витьке Цыгану загнал, сам видел.
- Вот свечи, - как из-под земли вырос механик, дышащий загнанной лошадьё. - Быстрее, Золотарёв, быстрее!..

В райотдел милиции Игорь успел, благодаря героическим усилиям Васьки Калдыря и Полунина. Была пятница. Обычный милицейский рейд...

Посматривая через салонное зеркало на сотрудников, среди которых было и несколько молодых симпатичных сотрудниц, Игорь внимательно прислушивался к их разговорам. Мысленно уже переступив роковую черту, которая отделяет обыкновенного смертного от преступника, он теперь вживался в свою роль, как бы репетировал её... Игорь не представлял себе ещё в полной мере всей серьёзности вчерашнего разговора с уголовником Николаем. Для Золотарёва это была пока только игра... Собственно, самих денег, щедро обещанных Соколовым, ему было не нужно. Игоря во всей этой истории привлекал

прежде всего риск. Деньги он мог зарабатывать и без Николая с Соколом...

Вечером, после дежурства в райотделе милиции, подвернулся «левый» рейс. Игорь отвёз за пятнадцать рублей шумную, подгулявшую компанию в роддом и обратно. Захотелось кутнуть самому...

Мишка Шумей – давний друг-одноклассник – встретил его с распростёртыми объятиями.

– Игорь, вот клёво, что заскочил! Идём с нами. В ДК сегодня чёткий фильм крутят: «Опасные друзья». Про зеков, говорят.

Игорь вспомнил своё вчерашнее знакомство в пивной и утвердительно кивнул головой:

– Действительно опасные...

– Кто? – не понял Шумей.

– Да друзья, кто же ещё...

По дороге в Дом культуры авиаработников зашли к Андрею Горохову, или просто к Гороху – самому сильному, тихому и неуклюжему парню из их бывлой неразлучной троицы. С детства дружил с ними Игорь и буквально всё до подноготной мог поведать о каждом. Но хоть и говорится, что старый друг лучше новых двух, с каждым годом Игорь воочию убеждался, что не друзья они ему – Мишка Шумей с Гороховым... Нет, не настоящие друзья. Разные они были по характеру с Игорем Золотарёвым.

Не было у Шумея и Горохова той бесхитростной и широкой русской природы, которая имела у Сокола, Васьки Калдыря и, возможно, у нового знакомого – Седого. Не способны были Горохов с Шумеем на бесшабашный поступок, на какой-нибудь сумасшедший трюк. Что-то прагматичное проглядывало в их характерах. Потому-то и редко встречался с ними Игорь после армии. Шёл к ним только тогда, когда хотелось отдохнуть от беспробудных запоев с Сергеем Соколовым.

Сейчас Игорь, как всегда, привязался к Горохову, который был постоянным объектом его насмешек:

– Ну что, Андрюха, как житуха? Чувиху себе ещё не нашёл?

– Очередями стоят! – наигранно выскалится невезучий по женской части Горохов. Он зачем-то поправил свою и без того безукоризненно прилизанную шевелюру и через силу зевнул, давая, видимо, понять, что чувихи для него – Андрюхи Горохова – дело привычное и довольно скучное.

- Тогда, мужики, просто необходимо обмыть это дело. Горох бабу себе нашёл! Сенсация! Происшествие века! К Горохову бабы очередями стоят, с вечера записываются. - Игорь подмигнул Шумею: - Ну что, Миша, обмываем? «Бабки» у меня есть. У меня сейчас денег - куры не клюют! Я, конечно, понимаю, что вы трезвенники-язвенники - не пьёте, но, как говорится, на халтуру и уксус сладкий! Так что, берём, что ли, «озверина»?

- Нет, Игорь, в кино - так в кино! - решительно воспротивился его затее Мишка Шумей. - А вот в следующее воскресенье забегай, у меня водочка припасена. Вон Андрюха ещё прикупит. Посмотришь, как мы не пьём!

- Миша, - Игорь с наигранной жалостью взглянул на товарища, - в следующее воскресенье меня приглашает бабушка на поминки моего троюродного прадедушки, который отдал богу душу от белой горячки, когда служил на почте ямщиком, и я буду там пить такие деликатесы, которые вам могут присниться только во сне, да и то лет через тридцать. Кстати, ты, Горох, в тридцать жениться думаешь или чуть позже?.. Нет, я всё понимаю, не нужно маленьких дурить: Горохов ищет принцессу! Дездемону!.. Ах, любовь... Всё понимаю, Горох. Могу тебе предложить одну мою хорошую знакомую, - правда, у неё глаз косит и ноги разные, она одета, как уборщица, но ты, Андрей, скажи, что тебе плевать на это хочется!

Не переставая балагурить, Игорь забежал чуть вперёд и, делая комические ужимки, скалил зубы перед самой недовольной Андрюхиной физиономией.

- А ну тебя на фиг, - делая почему-то особое ударение на последнем слого, отмахнулся Горохов и, вновь неестественно зевнув, поглядел на свои «золотые». - Пойдёмте быстрее, а то ещё билетов, чего доброго, не достанется.

- Успеем, - заверил его Мишка и с улыбкой подмигнул Игорю: - Го-рох!..

Фильм был действительно захватывающий. Про зеков, как выражалась шушукавшаяся в первых рядах малышня. Игорю нравились такие фильмы. Особенно «Калина красная». При одном воспоминании об этом фильме у него на глазах наворачивались непрошенные слёзы, а к горлу подступал ком...

И вот теперь - «Опасные друзья». Золотарёв как замороженный смотрел на экран, позабыв обо всём на свете. Рядом нетерпеливо ёрзали в креслах Мишка Шумей и Горохов. Им тоже, видимо, было интересно, но не до такой степени, как Игорю. Они ещё успевали перешёптываться, обсуждая какие-то свои бытовые

проблемы. Да и что понимали они, по мнению Золотарёва, в жизни?.. Эти великовозрастные дети, обыватели, спасшиеся от службы в армии в авиатехническом училище...

Игорь злился, искоса поглядывая на приятелей. Андрей Горохов то и дело зверски зевал, тупо уставившись в светящееся окно киноэкрана. О чём он думал в этот момент – бог его знает, возможно, что о предстоящем сытном ужине. Помешанный на охоте, аквариумных рыбках и певчих пернатых, Мишка Шумей просто убивал глупыми, циничными репликами в адрес актёров... Всем своим поведением они как бы плевали в ранимую душу Золотарёва, нисколько об этом не подозревая. Они были как дети, не замечающие своей жестокости...

«Нет, не было у меня никогда настоящих друзей! – думал раздосадованный Игорь, сидя в полутёмном зале кинотеатра. – Ну и пусть... Пусть будут лучше опасные друзья, чем вот такие самодовольные, бесчувственные истуканы, удел которых – хорошая зарплата, толстозадая жена под боком и стопка коньяку по великим праздникам. Нет, нет и нет!..»

3

На следующий день, как и договаривались, ровно в два часа ночи, Игорь увидел неподалёку от Ботанического сада – вблизи мемориала жертвам фашизма – ссутулившуюся фигуру Сергея Сокола и, притормозив, открыл дверь своего «пазика».

– Здорово, шеф! – ловко прыгнул тот на подножку и, обернувшись, швырнул на асфальт недокуренную сигарету. – Едем к молкомбинату за Седым. Потом дальше по программе... Вот номера. Сверни куда-нибудь в тёмное место – заменим.

Игорь только сейчас заметил в руках Сокола газетный свёрток. Тяжело вздохнув, он нажал на сцепление и, включив вторую передачу, дал газ. Автобус с гулким урчанием тронулся. Вскоре нашли неосвещённый, глухой переулок. Долго возились с номерами.

– Чёрт бы побрал эту железяку! – чертыхался в темноте Сокол, неловким движением сбив обо что-то палец. Игорь угрюмо помалкивал.

Когда снова поехали, Сергей долго с подозрением вглядывался в хмурое лицо Золотарёва, понимающе покачивал головой, а потом вдруг спросил напрямик:

– Ты что, Золотарь, боишься, да? Вижу – боишься... Кишка тонка. Может, на попятную повернёшь?.. Но смотри тогда!.. Слово ведь

давал. Седой этого не любит!

Сокол и сам побаивался – Игорь прекрасно это видел, – и потому слова Сергея вывели его из терпения.

– Заткнись, сволочь, не то выброшу к чёртовой матери из автобуса! Не боюсь я ничего: залетим так залетим, семь бед – один ответ!.. Надоело уже всё – к чёрту!.. Уж лучше в тюрьгу, чем гнить заживо!.. Работа, пьянка, сон – снова работа... Надоело! Всё к чёрту!..

Игорь расшаркался не на шутку, так что Серёжка даже отшатнулся от него в притворном страхе и приложил палец к губам.

– Тихо ты, Игорь, тихо! На улице слышно! Молчи... Пошутил я, не кипятись. Что ты – шуток не понимаешь?

– Пошёл ты со своими шуточками...

– Да ты не думай, Золотарь, магазин – это ведь чепуха. Седой и не такие дела проворачивал, всё с рук сходило. Магазины он так – ради спортивного интереса обносит.

– Что ж сидел?

– Фортуна задом повернулась!

Сергей закурил новую сигарету.

– Дурак ты, Золотарь, – продолжил он затем, выпуская дым прямо на Игоря, – тебе-то чего трусить? Ты – в первый раз. Тебе, если что, вообще, может, только условно дадут: ты – чистенький. Это мне срок горит, у меня уже есть судимость.

– А может, ну его... Серый?! – повернулся вдруг к нему Игорь. – Давай не поедем, а?

– Нельзя, старик, нельзя! – мотнул головой Сокол. – Седой!..

«Влип!» – с ужасом понял Золотарёв...

Некоторое время ехали молча. Наконец Игорь прервал молчание, задал мучивший его вопрос:

– А как вы в магазин попадёте, Сокол? Замок, что ли, взломаете? Слышно ведь будет! Всех собак разбудите.

– Ни фиги, Золотарь, – с ноткой превосходства в голосе ответил Сокол, – замки мы трогать не станем – это кустарщина. Всё делается гораздо проще: берётся обыкновенный пчелиный мёд и обыкновенная газета, намазывается мёдом витринное стекло, сверху – газету, и стекло легко и бесшумно выдавливается. Как говорит Седой – чистая работа! Этот способ ему один старый

домушник на зоне открыл. Тот ещё при Сталине по тюрьмам скитаться начал. Тогда воры не такие, как сейчас, были – профессионалы!.. Берю добрым словом поминал за амнистию пятьдесят третьего года...

– Берия – гад! – глубокомысленно изрёк, прикуривая сигарету, Игорь. – Сколько людей, сука, на тот свет отправил! Мой дед сидел после войны за плен – рассказывал...

– Не знаю, мне лично всё равно, – искренне признался Сокол, – мне лишь бы «бабки» были, а там – хоть трава не расти! Берия ли, Брежнев – какая разница? Все они одним миром мазаны.

– Здорово ты, Сокол, изменился после армии, я и не заметил. Вместе ведь в школе красные галстуки таскали... Всё равно ему...

– Ты, может, и таскал, а я лично ещё в шестом классе эту красную тряпку перед всеми на стол в учительской бросил и сказал, чтоб исключали из пионеров. Классная ещё, помню, за сердце хваталась. Была халва этот ошейник носить!.. А Ваську Угрюмого – он тогда уже в десятом учился – так того из комсомола выгнали. Он крест фашистский где-то откопал, на шею под кашне нацепил и так в школу приканал. И ещё орал на перемене в сортире: «Хайль Гитлер!» Вот шухеру было... Помнишь, небось?

Игорь утвердительно кивнул головой.

– Кстати, с нами сегодня ещё Федька Зозуля будет, из «А» класса, – продолжал Сокол, – не забыл его?

– Спрашиваешь! – скривившись, без энтузиазма проговорил Игорь.

Ещё бы он не помнил этого отчаянного хулигана, крутых кулаков которого несколько раз довелось отведать и ему самому...

Седой ждал их в условленном месте. Рядом с ним были ещё двое: Васька Угрюмый и Зозуля. Последний сжимал под мышкой внушительных размеров газетный свёрток. Игорь сразу узнал Федота Зозулю, хотя последний раз видел его очень давно, едва ли не два года назад, после демобилизации из армии. Золотарёв редко бывал на том краю посёлка, где жил Зозуля, – в так называемых «аксайских» домах (район, в отличие от частного сектора, застроенный старыми «хрущёвскими» трёхэтажками)...

При виде этих парней, профессионально прыгнувших в автобус, на Игоря повеяло такой обнажённой правдой жизни, что он невольно содрогнулся. До этого момента он ещё подленько

надеялся на нереальность происходящего, как будто всё это было игрой. Сейчас Золотарёв вдруг окончательно пришёл в себя и понял: свершилось что-то ужасное и непоправимое, что непременно повлечёт за собой ещё более ужасные последствия!

Больше всего он боялся, что после «дела» их непременно будет искать милиция и – рано или поздно – обязательно найдёт и арестует. И тогда – тюрьма... колония для заключённых... Это была пропасть...

Игорь вёл автобус почти автоматически, не замечая дороги, машинально сворачивая – куда приказывал Седой. Тот громко разговаривал с Васькой Угрюмым, давая последние указания:

– Не забудь после табаком всё посыпать. Без перчаток ни к чему не притрагиваться. Это всех касается – убью!.. – Немного помолчал, посетовал: – Хреново – ночь лунная. Видать всё как на ладони.

– И плохо, что дождя нет, – подал голос Федька Зозуля, – тогда б никакой чёрт не догадался...

– А он прав, Седой, – взглянул на главаря Угрюмый.

– Не гавкай, – сердито оборвал его Колька. Однако призадумался.

«А ведь верно, – во время дождя лучше б было! – подумал вдруг, хватаясь за спасительную идею, Игорь. – Что ж он, Николай, такой простой вещи не предусмотрел? Дождя нужно было дожидаться!»

Настроение испортилось окончательно. Он уже почти не сомневался, что сегодняшний день – последний его день на воле.

– Тормозни-ка здесь, кореш! – вывел вдруг Игоря из задумчивости жёсткий приказ Седого.

Золотарёв, выключив скорость, плавно остановил автобус около какой-то рощи. Улица здесь была широкая, но незаасфальтированная, грунтовая. Фонари горели лишь кое-где, – как и лампочки во дворах частных домов. Зато луна щедро разливала вокруг предательский молочный свет. Впереди прошли двое запоздалых прохожих, свернули в переулок.

– Магазин вон там, за углом, – указал Седой в сторону переулка. Вопросительно уставился на Угрюмого...

– Да ну! Ты что, Колян, сдурел? Я не пойду! – отчаянно замотал головой Васька. – Это же верная решётка! Точняк... Ты позырь, какая луна: всё как на ладони. Нет! Хоть убей – не пойду!

- Так, сука!.. - угрожающе процедил Седой и быстро утопил в кармане правую руку, сверля глазами враз помертвевшее лицо Угрюмого.

«За «пикой» полез!» - ужаснулся Золотарев, помнивший из Серёжкиных рассказов о том, что ножи уголовники всегда носят в правом кармане.

Но Седой вытащил носовой платок и громко высморкался.

- Значит, не идём?..

- Дождя нужно подождать, Седой, - поддержал Угрюмого Сокол.

Седой думал, пристально вглядываясь в залитую лунным светом улицу.

- А может, рискнём? - робко предложил Федька Зозуля.

- Дурак, рисковать с умом нужно! - несильно хлопнул его по затылку Угрюмый.

Зозуля обиделся.

Золотарёв сидел за рулем ни жив ни мёртв от внутреннего напряжения. Он мысленно молил бога, чтобы Седой отложил «дело»... Хотелось хоть на несколько дней оттянуть роковое событие!.. Что там - хотя бы на день, на час... Только бы не сегодня, не сию минуту!!!

«Господи, помоги! Сделай так, чтобы Седой уехал, чтобы отложил дело! Господи...» - про себя молился Игорь.

- Едем домой! - как будто вняв его молитве, мрачно произнёс наконец Седой.

У Игоря словно гора с плеч свалилась. Чуть не вскрикнув от радости, он завёл двигатель и тронулся восвояси...

Дождя ждали долго. За это время Золотарёв успел три раза отработать в ночную смену. В конце концов, устав ждать, решили ехать при любой погоде, иначе «дело» вообще грозило не состояться.

В назначенный день, с утра, Игорь снова встал с больной головой. Мысли о предстоящем этой ночью «деле» причиняли невыносимые душевные муки. Временами хотелось повеситься или заснуть и больше не просыпаться... Подойдя к окну, Золотарёв закурил, взглянул на улицу и вдруг радостно вскрикнул:

- Ура! Дождь!

Всё стекло было в кривых дождевых потёках...

Он приободрился, но затем, с каждым мгновением, которое приближало его к семи часам вечера, когда предстояло заступать на смену, оптимистическое настроение покидало его. А когда вечером Игорь снова оказался на том самом месте – последние остатки решимости оставили его, и он затрясся, как в лихорадке.

– Да ты погляди, Седой, он понтуется! Дрожит – как сучка, – с презрением кивнув на Игоря, прохрипел Васька Угрюмый.

Николай метнул хищный взгляд сначала на Сокола, потом на сидящего за рулём «ПАЗа» Игоря, доверительно проговорил:

– Ничего, – это от холода, Угрюмый.

Затем Седой положил свою тяжёлую, узловатую пятерню на хрупкое плечо Золотарёва и, несильно сжав его, предупредил:

– Смотри, пацан, будешь делать всё, что велют. И не вздумай смуться – «пером» пощекочу, понял?! «Тачку» поставишь вон там – между деревьями. Свет потуши и жди... И чтобы смотреть в оба! Будешь на шухере. Чуть что – без нас не уезжать! Гляди мне, щенок, – из-под земли тогда достану!..

Оставив Игоря, Седой обратился к примолкшим сообщникам:

– Зозуля, хиляй вперёд по переулку. Чтоб ни одна собака не пробежала. Сгною!.. Угрюмый и Сокол – со мной. Была не была, орлы. С богом!

Четверо под монотонный шелест дождя бесшумно выскользнули из автобуса и направились к видневшейся метрах в двадцати боковой стене какого-то здания, вероятно магазина. На улице, поливаемой тугими струями весеннего ливня, не было ни души. Грунтовая дорога раскисла, что сразу же отметил Игорь. Продолжая трястись, как в ознобе, он сделал всё, что приказывал Седой. Сердце колотилось в груди как сумасшедшее, душа ушла в пятки. Вспоминая угрожающий шёпот Васьки Угрюмого, Золотарёв в который уже раз проклинал себя за слабость и бесхарактерность...

«Ведь не должно же быть середины. Не должно, не должно, не должно! – с горечью твердил про себя Игорь. – Выбирай: или – или. Или с Андрюхой Гороховым и Шумеем – или с Соколом и Седым!.. Колька Седой – орёл! Ничего не боится. А я... Кто я?.. Ни рыба ни мясо?! Нет! К чёрту. – Игорь страшно скрипнул зубами. – Выбрано! Будь что будет!.. Воровать – так миллион... К чёрту!..»

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем из серой мокрой темноты вынырнул с каким-то ящиком Васька Угрюмый. Следом

пришлепывал по лужам, таща что-то в обеих руках, Сокол.

- А ну-ка, пацан, принимай! - передал Игорю тяжёлую ношу Васька.

Ватными, непослушными руками Игорь схватил ящик, в котором позвякивали бутылки, оттащил его на заднюю площадку салона.

Потом они носили и носили какие-то узлы, тюки материи, коробки, чемоданы... Игорь не успевал укладывать всё это в автобусе. Он то и дело со страхом справлялся, когда уезжать, но Угрюмый только злобно ругался по матери, а Седой угрюмо молчал. Можно было подумать, что они собрались увезти с собой весь магазин.

У Игоря кружилась голова, перед глазами всё расплывалось. Происходящее походило на кошмарный, мучительный сон. Но что самое ужасное - проснуться было уже невозможно!.. Земля начала медленно уходить из-под ног, лицо разом покрылось холодной испариной. Он чуть было не упал, слыша в то же время подсознанием сиплый, пропитый голос Угрюмого:

- Да держи ты, сынок! Обессилел? Пришью!

Тяжёлый узел едва не выпал из ослабевших от волнения рук Золотарёва. Собрав в кулак всю силу воли, он, пошатываясь, со злостью потащил узел в глубь салона. Про себя в отчаянии решил: «Всё! Сейчас брошу их и уеду!..» Но тут, как бы в унисон его мыслям, издали, сквозь яростный шум проливного апрельского дождя, до Игоря донёсся тихий, но отчётливый свист Зозули: «шухер»!

Игорь сейчас же завёл двигатель и, не зажигая фар и габаритных огней, вывел «ПАЗ» из-под деревьев на расплывшуюся, залитую водой дорогу.

Подбежали, таща последние ящики и узлы, Седой со своими подручными. Зозуля прыгал уже на ходу. Игорь дал полный газ, и автобус юзом начал выбираться из раскисшего, вязкого грунтового плена...

4

Игорь ещё спал после сумасшедших ночных походов, поддетски зарывшись головой в подушку, когда пришла баба Лиза - мама его матери и двоих Игоревых дядек: Валентина и Толика, которых он видел очень редко, да и то в основном по великим праздникам.

Стрелки на будильнике, сделанном под «золотой ключик», показывали без четверти четыре дня.

Судя по голосам, доносившимся из коридора, баба Лиза пришла не одна, и Золотарёв, сильно потянувшись в постели, всё-таки поборол всегашнюю лень, поднялся и спешно начал приводить себя в порядок. Торопливо натягивая джинсы, Игорь нащупал вдруг в правом кармане что-то твёрдое и увесистое, как булыжник. Достав, он сразу всё вспомнил...

Опять, как и вчера, щемяще заныло сердце, отдаваясь нестерпимой болью в каждой клетке тела. На ладони у него красовались сунутые ему вчера впопыхах Соколом дорогие электронные часы. Порывшись в другом кармане, Золотарёв достал новенькую газовую зажигалку и двадцать пять рублей...

- Игорь, до тебе можно? - послышался между тем старческий, дребезжащий голос за дверью.

- Можно! - крикнул Игорь, испуганно пряча под подушку часы и деньги.

В комнату вплыла, по-особенному, с лукавинкой, улыбаясь, баба Лиза, а за её спиной...

Игорь сморгнул от неожиданности и ошарашенно уставился на вошедших. За бабкиной спиной стояла девушка... Не девушка - само воплощение женственности и чистоты! Невысокая, черноволосая, стройная, так и пышущая молодым румяным здоровьем, - она, казалось, источала вокруг себя незримые потоки живительной энергии, от которой кружилась голова и сладко щемило сердце.

- Вот познакомься, Надя, - это мой унучёк, - медовым голосом пропела баба Лиза.

Игорь смущённо представился и, робко взглянув в бездонные колодцы карих девичьих глаз, стушевался ещё сильнее. Даже покраснел от неловкости...

«Боже, как она хороша, как прекрасна! А глаза, глаза - жуть! Утонешь в таких... Цыганка!.. Нет, что я - это не для меня. Куда мне!» - подумал он, не зная куда девать взгляд. С трудом пересилив робость, пригласил девушку присесть, включил, как всегда, музыку.

Бабка, немного потолкавшись и пояснив мимоходом, что Надя - её квартирантка, незаметно вышла. Игорь остался с глазу на глаз с незнакомкой.

Разговор вначале не клеился.

Золотарёв сосредоточенно слушал слышанные уже много раз песни, дичился, односложно отвечал на вопросы. Но потом мало-помалу разговорился, повеселел; Надя оказалась на редкость общительным собеседником, и через какой-нибудь час он знал уже о девушке многое. Что родом она с севера, что учится в их городе в сельхозмашиностроительном техникуме и даже то, что за время учёбы ни с кем ещё не познакомилась...

Мать между тем накрыла на стол. Отчим, как обычно, по случаю выходного будучи уже «на взводе», купил два «пузырька» своего любимого «Лучистого». Позвали Игоря с Надей.

- Айн момент! - увидев «Лучистое», скривился Игорь и опрометью бросился в гастроном. Вернулся он с коньяком и огромной коробкой шоколадных конфет для Нади.

- Гулять так гулять!..

Застолье затянулось допоздна. Оставив отчима в кухне допивать дармовой коньяк (мать ещё раньше пошла провожать бабу Лизу), Игорь снова уединился с Надей в своей комнате.

Лицо... Он никогда, казалось, не видел такого божественного лица!.. Чувственные, слегка припухлые губы, смуглый румянец щёк, аккуратная ямочка на подбородке, пушок, чуть-чуть оттеняющий верхнюю, капризно вздёрнутую кверху губу и глаза - коричневые, большие, выразительные...

И всё это сейчас принадлежало ему, Игорю...

Золотарёв не видел в темноте, как она раздевалась. Он только слышал лёгкий шелест девичьего белья, и шелест этот повергал его в сладостную дрожь и смятение.

Игорь отказывался верить, что это происходит именно с ним! Он слышал, правда, что такое... должно когда-нибудь случиться со всеми ребятами... Урывками что-то где-то видел, читал... Казалось, с ним это произойдёт когда-нибудь потом, чуть ли не в иной жизни, - так всё, на первый взгляд, было сложно и неправдоподобно. На сверстников, хвалившихся в школе и после - во время армейской службы - своими любовными подвигами, смотрел как на мифологических героев Древней Эллады - почти как на полубогов!..

И вот - ласковое шуршание девичьего белья. Тайна приоткрывалась, и стоило только протянуть трепещущую от волнения руку, чтобы прикоснуться к ней - к этой тайне, скрывавшейся ранее за семью печатями, - кончиками пальцев...

Надя перестала шелестеть одежками и тихо легла в его постель.

- Игорь!..

Его снова забила дрожь. Как тогда - у магазина в автобусе. Он подошёл к ней и сел рядом. Он молчал. Было слышно только частое, прерывистое дыхание Нади да бешеный стук его сердца. Игорь непослушной рукой отвернул край одеяла и коснулся её упругого тела...

- Я люблю тебя, Надя! - зашептал он, жадно прижимая к себе эту хрупкую, плачущую от счастья девушку, доверившуюся ему, и ощущая на лице электрический ток её поцелуев.

«Откуда вдруг сразу - столько света и счастья?! Уж не сон ли это опять? И если сон, то стоит ли вообще просыпаться?.. Надя. Надюша... Моя!!! Вот она лежит - рядом. Жена!.. Господи, неужели это моя жена?! Неужели ты там - в этом чёрном зловещем космосе - увидел мою горькую, безрадостную, никому не нужную жизнь и послал - Её!..»

Игорь осторожно, чтобы нечаянно не потревожить счастливо спавшую Надю, поднялся с постели и, не одеваясь, как был, нагой, на цыпочках подошёл к окну.

За окном бушевал ветер. Яростно скрипели, раскачиваясь, полувековые тополя, по земле метались обезумевшие, не знающие куда укрыться от непогоды, тени. Накрапывал дождь. Где-то далеко за городом, в районе Аксая, по небу огненными фломастерами чёркали фиолетовые молнии. Было страшно, как перед концом света.

Игорь испугался, что может сейчас потерять Надю, что вдруг она исчезнет так же внезапно, как и появилась! Припомнилась предыдущая ночь: чёрные, воровато крадущиеся к магазину фигуры, автобус, дождь...

Услышал вдруг резкое, оглушительное тиканье ночного будильника, словно, материализовавшись, само вселенское Время ворвалось в его комнату...

Часы... Электронные часы под подушкой...

5

Вслед за часами у Игоря вскоре появились переносной кассетный магнитофон «Весна», транзисторный приёмник «Океан», дорогой польский костюм и ещё целая куча нужных и ненужных, дорогих и дешёвых безделушек, принесённых Серёгой Соколом, - Игорёва доля в недавней добыче.

Золотарёв заврался перед матерью, которая, впрочем, не сильно интересовалась его делами, что по ночам много «калымит» на автобусе. Он с ужасом ожидал, что вскоре снова придётся идти на «дело»... Сокол уже подавал призрачные намёки, но, видимо, и сам ждал сигнала от Седого.

Денег у них сейчас, как и обещал Сокол, было и вправду много, но Игоря это уже нисколько не радовало. Дороже и ценнее всего на свете была Надя! Однако Золотарёв понимал, что попал не в свою колею и что обратного хода нет.

Две роковые ночи, следовавшие одна за другой, в корне перевернули всю его жизнь.

Он всё рассказал ей.

- Что делать, Надя? Меня, наверно, посадят! Скоро уже – я чувствую... Если бы можно было всё это замять, куда-нибудь уехать. Послать к чёрту Сокола и Седого! Но как это сделать?.. Боже, что же со мной теперь будет?!

- Игорёк, – Надя ласково погладила его по спутанным волосам, – ты больше не пойдёшь с ними – ведь правда?

- Не знаю, Надя! Не знаю! Не знаю! – Игорь в отчаянии схватился за голову. – Этот бандит Седой!.. Угрюмый... Я их боюсь!

За стеной, в кухне, ругались, как всегда выпивавшие на пару, мать с отчимом.

- Они меня заставят, Надюша! – Игорь обнял её и крепко поцеловал в губы. – Давай спать...

- Нет, Игорь, я пойду. – Надя огорчённо кивнула на стенку. – Меня там обсуждают твои родители. Проводи, пожалуйста!

- Ты что, Надюша? Это же Водолаз – отчим!.. Он пьяный, как всегда. Останься!

- Нет, проводи, завтра поговорим, – настояла она на своём.

Проводив Надю, Игорь вернулся злой как собака. Заорал, не владея собой, на родителей:

- Ну что, что вам от меня нужно? Что, я вас спрашиваю? Что вы, как надзиратели, за каждым шагом моим следите?!

- Да что я? Я ничего! – растерянно залепетала мать. – Это вот он... Нажрался, алкаш, и выступает. А я ничего, я не против... Это он кричит: с проституткой связался – в первую же ночь ночевать осталась. Познакомила тёща на свою голову!

Скрипнув зубами, Игорь в бессильной ярости ударил кулаком по двери.

Из кухни молодым кочетом выскочил раскрасневшийся от выпивки отчим, прозванный Водолазом за его давнюю службу на речной спасательной станции.

- Ты тут мне не стучи! Моя квартира!.. Салага. Ишь - не нравится... Собирай манатки - и уматывай!

- Дур-дом! - только и смог отрешённо вымолвить Игорь.

- Шмар всяких уличных подбирает! Развратами занимаются! - не унимался разбушевавшийся Водолаз. - Завтра же чтоб не было в моей квартире! Мотал я всё... И козу на лисапете...

6

Незаметно пришло лето. Разъехались на море и в дома отдыха счастливые отпускники, повалили на каникулы не менее счастливые школьники и пэтэушники, приступили к практике студенты, курсанты и «технари». Город опустел.

С Соколом Золотарёв не виделся уже около двух месяцев и когда увидел его в автопарке (Игорь скучал в кабине своего автобуса в ожидании очереди на мойку) - сразу всё понял.

- Салют, Золотарь! Пашешь? - поздоровался, заскакивая в салон, Сокол.

- Как видишь, - не глядя, угрюмо буркнул Золотарёв. Он был не рад его появлению.

- Кури! - Сергей достал пачку сигарет «Кэмэл», поиграл перед глазами массивной золотой печаткой.

- Что нового, Сокол? Что не заглядывал? - Игорь взял протянутую сигарету, мельком покосился на новую джинсовую куртку, облежавшую угловатые плечи Сокола.

- Да вот, Золотарь, дельце имеется. - Сергей весело и нахально взглянул в поблэкшие сразу глаза Игоря, понизил голос: - Седой о тебе спрашивал. Не забыл ещё?.. Дело, Игорь, фуфловое - квартирная кража, групповая. От двух до семи... Да ты не дёргайся - шучу! Всё будет в ажуре - как с магазином... Очкастого частного собственника шмонать будем! Дело верное. Грабь, как говорится, награбленное! Ну так что, Золотарь? Романтика...

- Иди ты к чёрту! - яростно оборвал его Игорь и вышвырнул в окно недокурный «кэмэл». - Не могу я, Сокол, пойми...

Чувствую – залетим! Чувиха у меня к тому же. Недавно познакомился. Хочу жениться!

– Да ты что, Золотарь? – обалдело уставился на него Сокол. – Какая чувиха? О чём базар?.. Таких, знаешь... Свистни – целый табор прикатит! За три рваных любая снимется...

– Да что ты ко мне прибодался! – почти закричал от досады Игорь.

– Значит, не идёшь? – сухо осведомился Сергей. Выжидающе уставился в лобовое стекло автобуса.

– Нет! – решительно отрезал Золотарёв.

– Ну что ж... – Сокол медленно, как бы нехотя, встал с сиденья. С сожалением проговорил: – Вольному воля... Смотри, Игорь, я предупредил: Седой тебе этого не простит! Лучше сваливай подобру-поздорову из города.

– А что? Ну что он мне сделает, твой Седой? – взорвался вдруг Золотарёв. Аж руки заплясали на баранке.

– Кишки на «пику» наматает – вот что! – ляпнул, с ненавистью взглянув на него, Сокол.

Игорь помертвел.

– А ты как думал? – продолжал Сергей. – На халяву хотел проканать? «Бабки» притырил – и в сторону?.. Не получится, Золотарь. Сам видел, с кем связывался... Мы – чуваки с понятиями, у нас свои законы!.. Зачем первый раз на «дело» пошёл? Моча в голову стукнула? Кайфовой житухи захотелось?.. Отказался бы тогда – ничего б не было. А теперь – хана!.. Седому автобус нужен.

Забыв про мойку, Золотарёв резко крутнул руль вправо, обогнул вереницу выстроившихся у ремзоны автобусов и автомобилей и припарковал «пазик» к забору в самом дальнем краю автобазы.

– Ты чё, Золотарь?.. Чё психуешь? – забеспокоился враз сменивший тон Сокол.

Игорь кошкой прыгнул из кабины в салон и решительно сгрёб Сергея за грудки – так, что затрещала его новая джинсовая куртка.

– Что ты сказал, падла? Не надо было на дело идти?.. А не ты ли меня уламывал?! Из-за тебя ведь всё получилось! Если б не ты...

– Пусти, дурак! – вырвался из рук Игоря взъерошенный, раскрасневшийся Сокол.

Игорь, тяжело дыша, набычившись, смотрел на Сергея.

- Подзалетели мы, Золотарь, о чём разговор! Фраернулись, - примирительно посетовал Сокол. Сплюнув под ноги, буркнул: - Ты на меня не дуйся. Нечего теперь кипеш поднимать - виноват, сам знаю... Но другана в беде никогда не брошу, знай! Это я так... А тебе, Золотарь, нечего было язык распускать при Угрюмом. Помнишь, зимой в «Восходе»?.. Сам тогда трепался: сяду, на зону - плевать! В этом государстве жить невозможно - смрад и тленье!.. Вот и накаркал на свою голову. Очень даже свободно можем на шконку попасть!.. Ты в СИЗО никогда не был? Возле параша с петухами не спал? Дубиналов по почкам не пробовал?.. Мне лично приходилось. Однако это всё - лучше пера Седого!

- Что же делать? - в отчаянии спросил Игорь.

- Что делать? - задумался Соколов. - Ждать с моря погоды, что же ещё... Покайфовать в своё удовольствие. Я лично после «дела» в Ялту покачу гулять. Биксу сниму и поеду, а после видно будет. Может, там и останусь. Как говорят умные люди, главное в нашей ситуации - вовремя смыться!

- А если не ждать? Чего ждать, Сокол? - встрепенулся Игорь. - Пока менты наручники наденут?.. Сматываемся сейчас, ну его к чёрту!

- «Бабок» мало, Золотарь, - с чем ехать? - ответил Соколов. - Давай договоримся: ещё одно дело - и шабаш, завязываем!.. Ты пойми: Седой опытный вор, с ним - гарантия, что не засыпемся! Глупо такой шанс упускать, где ещё столько заработаешь? На заводе?

- Значит... идём? - вопросительно уставился на него Игорь.

- Молоток, Золотарь! - хлопнул его по плечу повеселевший Сокол. - Ты думаешь - мне к хозяину охота? Баланду хавать?.. Ничего, прорвёмся... Война - мура, главное - манёвры! Держи хвост пистолетом!..

Еле отработав смену и чуть не умерев от жажды, Золотарёв, приехав в посёлок, первым делом направился к ближайшей пивной. Там, к приятному его удивлению, «утоляли жажду» Мишка Шумей и Андрей Горохов. Внешне они никак не вписывались в кабацкий пейзаж.

- Снова в кино? - с усмешкой поинтересовался Игорь. - Какое там нынче? «Убийство лысого в подвале пустым мешком по голове»? Или «Подводная лодка в степях Украины»?

- «Сыщик», Игорь! - наслаждаясь очередным глотком пива, ответил Мишка Шумей. Ответил на полном серьёзе, не воспринимая иронию Золотарёва. - Идешь с нами?

- Лады, только сначала - в гастроном! Ты как, Горох? - подмигнул Игорь Андрюхе, вытаскивая из бумажника наугад две измятых пятёрки и несколько трояков. - Я тебя, Андрей, ни разу ещё пьяным не видел. Вмажем, что ли, в честь праздника?

- А какой праздник? - поинтересовался Шумей.

- День святого лентяя, - не знали разве?

Андрюха, как всегда, тупо уставился в пивную кружку... Шумей чуть-чуть загорелся. Уловив, Игорь быстро передал ему деньги.

- Давай, Миша, бутылочку водочки - даже пару - и что-нибудь закусить. Мы ждём.

Шумей, помявшись, всё-таки взял деньги...

- Учись, сынок, жизни! - Игорь гордо взглянул на осиротевшего враз Андрюху. - Денег у меня - куры не клюют! Не знаю куда их девать. Стены, что ли, оклеивать вместо обоев? Машку снял, как говорил ещё Остап Ибрагимович Бендер, - мечта поэта! Сплю с ней, как с женой; пропадает у меня на хате. Запиши, Горох, - гражданский брак называется. Короче, не жизнь, а малина! А ты... Эх, Андрюха, Андрюха! Жаль мне тебя! Невезучий ты парень. Вешаться ещё не думаешь? Я бы на твоём месте давно уже повесился! Или застрелился бы... Вон у Шумея ружье есть охотничье...

- Трепло ты, Игорь, несусветное! - Андрюха отхлебнул пива и строил на лице зевательную гримасу. - Натрепался ведь всё, как пить дать...

- Не веришь, Андрюха? - обиженно взглянул на него Игорь и, не удержавшись, улыбнулся. - Ну давай-давай - спи дальше. Всю жизнь так и проспишь. Мне с вами от тоски выть охота! Уж лучше с Соколом набухаться!

- Вот-вот: два сапога пара! - снова зевнул Горохов.

- Пить-то хоть будешь? - с сочувствием взглянул на него Игорь...

7

- Игорь! Ну что с тобой, Игорёк?.. - Надя, прильнув, отчаянно трясла его за поникшие плечи. - Тебе ведь в ночь на работу. Зачем ты пьёшь? Ну скажи: зачем?

- Пойдём прошвырнёмся? – устало проговорил Игорь. – Голова что-то раскалывается. Как чугунная!.. Со вчерашнего дня бухаю, жена. Запой у меня, понимаешь.

Вышли из бабкиного двора на улицу. Надя взяла его под руку, жалобно и в то же время как-то по-собачьи преданно заглянула в глаза.

- Игорёк, ну что ты себя и меня мучаешь? Сколько можно! Пойми, мне уже всё это осточертело! Да и ночёвки эти... Ночевать я больше у тебя не буду, пойми меня правильно... Грязь это какая-то, Игорь.

- Надюша, сегодня снова иду на «дело»! – Игорь пьяно икнул. – Вот ей-богу, не треплюсь! Банк будем брать.

- Перестань, Игорь! – Надя брезгливо поморщилась. – Иди лучше домой, выпись, а потом что-нибудь придумаешь на работе. Скажешь, что зуб заболел... Я тебя прошу, Игорь!

- Да что ты ко мне пристала с этой работой? – сердито взглянул он на неё. – И вообще, это всё ерунда! Я вчера здорово нажрался с Гороховым и Шумеем... Вот они – люди, Надюха! А я – так, пустое место. Пойдём со мной на «дело», а, Надь?..

Разговаривая, они незаметно приблизились к роще, лежащей по правую сторону шоссе. При последних словах Игоря девушка вдруг остановилась и со слезами на глазах взглянула на него.

- Игорь!.. Игорёк, что же ты делаешь? Не надо так со мной. У меня ведь ребёнок будет! Твой ребёнок, Игорь... Брось всё, очнись, милый! Понимаешь – беременная я!

- Ребёнок? – удивлённо переспросил Золотарёв. – Какой ещё к чёрту ребёнок? Не хочу!.. Надюха, сделай аборт, я денег дам! У меня много денег.

- Аборт?! – вскрикнула Надя, глядя во все глаза на Игоря, и растерянно отшатнулась назад. – Аборт сделать?..

- А что? Сделай! Или рожать хочешь? Так рожай, – я не против. Мне теперь всё до лампочки. Меня всё равно посадят! – Он матерно выругался. – Пошли, что стоишь?

- Я не пойду, Игорь.

- Да-а, видно, нам и правда не по пути! – Золотарёв сплюнул и, покачиваясь, пошёл в глубь рощи. – Я таких видал... Ребёнки какие-то... Какие ребёнки? Аборт – и точка! Как все делают.

Игорь шёл, не оглядываясь на рыдающую позади Надю. Пьяно бубнил, разговаривая сам с собой:

- Прибежишь, никуда не денешься! Моя теперь: что хочу - то и сделаю. Захочу - женюсь, захочу - брошу!.. Нет, не женюсь, рано ещё. Таких на каждом углу!.. У меня денег - куры не клюют... Любая моя будет!

Асфальтированная дорога, по которой шёл Золотарёв, огибая взметнувшийся к небу на высоком постаменте реактивный истребитель - памятник погибшим в Великую Отечественную лётчикам, вела в знаменитую берберовскую рощу.

В дневное время по ней бродили редкие парочки влюблённых, которым здесь было сущее раздолье, да добродушные старушки с внучатами, оставленными на их попечение. С наступлением сумерек роща заполнялась местными и «залётными» проститутками, ворами, наркоманами, пьяницами, бомжами, онанистами и прочей публикой, на которую доблестная ростовская милиция регулярно, в целях профилактики, устраивала шумные и бессмысленные облавы.

Золотарёв не раз бывал в этой роще, однажды даже чуть не попал в переплёт, но всё равно испытывал некоторый трепет всякий раз, когда вторгался в её пределы. Так было и сейчас, тем более, что впереди - в нескольких десятках метров - сидела на лавочке какая-то подозрительная компания.

Золотарёв внутренне насторожился и, не будь он сильно пьян, наверняка повернул бы вспять, но пьяному, как известно, море по колено. К тому же было ещё светло и компания вряд ли решилась бы нападать на главной аллее.

Как бы то ни было, Игорь поравнялся с лавочкой, на которой, развалясь, курили сигареты четверо незнакомых парней со специфическими для Берберовки короткими «зековскими» причесонами и синими от наколок квадратными кулаками-кувалдами. Те с интересом наблюдали за ним, и по их зловещим, недвусмысленным взглядам Золотарёв понял, что дело его - табак!

- Стой! - коротко приказал вдруг один из них и, не вставая, поманил пальцем.

Игорь, парализованный животным ужасом, покорно повиновался.

- Курить есть? - спросили с лавочки.

Трясущимися руками он вытащил начатую коробку «Столичных».

- «Бабки»!

Золотарёв отдал тринадцать рублей - всё, что оставалось от двухдневной пьянки.

- Попрыгай!

Он выполнил приказание, с ужасом услышав предательский звон мелочи.

- Косанул, сука! - взъярился один из четвёрки и, вскочив, сгрёб Золотарёва за шкуру. - Бозян, что делать со щенком? Проколоть?..

- Подожди, Костомаха, успеешь. Дай я его...

Черномазый, похожий на негра, невысокий Бозян оттеснил дружка в сторону и, коротко размахнувшись, снизу вверх ударил в зубы. Перед глазами Золотарёва всё завертелось, как в дьявольском калейдоскопе. Земля из-под ног ушла вверх - на место неба, а небо, в свою очередь, провалилось под землю. Рот наполнился горячей приторной жидкостью, перемешанной с острыми, ранившими небо и язык, осколками. Всё тело пронзила острая боль...

Только под утро, провалявшись почти всю ночь в роще, он кое-как доковылял к дому. Мать в страхе всплеснула руками, завывала в голос, как по покойнику. Отчим, приподняв склонённую над неприбранным столом хмельную голову, что-то нечленораздельно пробубнил, громко икнул и снова ткнулся осоловелой мордой в тарелки. Игорь, с горем пополам обмывшись, рухнул на софу и заснул как убитый.

8

Целую неделю Игорь не выходил на работу - с его физиономией стыдно было показываться на улице - и, запершись в комнате, запоем писал стихи. Душа его требовала излития чувства, и он изливал, исписывая один тетрадный лист за другим.

Писать Золотарёв начал давно, ещё в седьмом классе. Делал это просто так - для себя, по настроению. Уже перестал тешиться несбыточными мальчишескими иллюзиями насчёт того, чтобы стать когда-нибудь настоящим поэтом...

...Фатой тебя покрою поднебесной,

У Марса вырву меч в защиту чести.

Венерой станешь ты моей прелестной,

Все ангелы к ногам падут от лести!

Поспоришь даже с Евой красотой,

Затмишь сиянье солнца чудным взглядом.

В Эдеме я дворец тебе построю,

И древо жизни бог посадит рядом...

«Надюша!.. – Игорь, мечтательно вздохнув, представил её образ. – Люблю ведь, безумно люблю! Как же это случилось?.. А может, уже всё кончено? Может, я сам растоптал своё счастье? Растоптал!..» – Рука потянулась к карандашу.

Разгоралась в Ростове заря,

Майским пухом перрон выстилался.

Там с конвоем в чужие края

Заклѳчѳнных этап отправлялся...

Тоска! Зелѳная тоска!.. Игорь пишет и пишет. Выходит из-под его пера грустная повесть о таѳжных краях, о лагерях и зеках, о верной любви и смерти от пуль конвоиров. Горькая тюремная романтика...

Он припоминает недавнее. Сокола с горящими, как у тигра, яростными глазами, слушающего его исповедь о переделке в роще, Седого...

Где их теперь найдѳшь – костоправов этих? Хотя Седой наверняка должен их знать – Бозяна с Костомахой. Он всю Берберовку как свои пять пальцев знает. Не тех, так других отмочит, – за ним не заржавеет... Нужно было бить первому, а потом уже – ноги!

В комнату, морщась и отмахиваясь от чего-то невидимого, вплыла мать.

– Фу, накурил-то, Игорь! Разве так можно, в самом деле? Курит и курит. Всю квартиру уже прокоптил своим куревом. А вдруг из людей кто зайдѳт – вонь эту нюхать? Открой сейчас же окно. И что это ты привычку взял до полудня вылѳживаться? Вставай, тебе говорят!

– Мама, уйди, пожалуйста! – не вставая с софы, деревянным голосом попросил Игорь. – Как ты мне уже надоела своим брюзжанием. Уйди с глаз, ради бога, не до тебя!

– С Надей не ладили? – поинтересовалась, уходя, мать. – Бабка говорит, плачет твоя невеста. Что у вас с ней, Игорь?

– Водолаза своего спроси. – Игорь устало потянулся за сигаретой.

– Всѳ! Закрой дверь с обратной стороны!

Взгляд его нечаянно упал на часы – нет, не на те, электронные, утерянные неделю назад в роще, а на обыкновенный будильник...

Одиннадцать!

Игорь приблизился к зеркалу. Физиономия его уже почти вошла в привычные очертания, если не считать предательски портивших композицию синяка под глазом да рассечённой губы. Прикрыв «фингал» пришедшимися кстати очками – массивными, с тёмными квадратными стёклами, – Золотарёв вышел на улицу...

Сокола он застал дома, во дворе, за довольно-таки необычным занятием.

– «Ява?..» Угнал, Серый?!

– Купил, – поправил Сокол. – Зажигание что-то не фурычит. Ты, Золотарь, не в курсе?

– Не, я в этом дуб! – признался Игорь. И без обиняков предложил: – Давай вмажем!

У магазина, в центре посёлка, неожиданно наткнулись на Витьку Ковальчука – бывшего одноклассника. Когда-то он слыл грозой класса и преподавателей, состоял на учёте в инспекции по делам несовершеннолетних, и Золотарёв с Соколовым преклонялись перед ним, беспрекословно признавая Витькин авторитет и лидерство. После армии Витька поутих, работал в РСУ автослесарем, вскоре женился, а сейчас, по слухам, стремительно спивался, занимая, тайком от жены, тройки до аванса. Без отдачи, конечно...

Ковальчук был с каким-то небритым оборванным субъектом, смахивающим на бомжа. Улыбаясь своей чумазой, горящей нездоровым чахоточным румянцем физиономией, Витька горячо пожал руки приятелям.

– Здорово, пацаны, я вас уже полгода не видел! Да нет, треплюсь, я вас уже год не видел!..

Игорь потянул носом воздух, стараясь по запаху, щедро исходившему от Витьки, определить ассортимент и качество находящейся в винном отделе местного гастронома продукции.

– Нет, чуваки, я вас уже три года не видел! – продолжал повышать ставки Ковальчук, пока Сокол, поняв его, не вынул, наконец, из кармана аппетитно хрустнувшую в пальцах десятку.

– На, Витёк, водяры купи!

– Это мы мигом! – оживился, бросив трудную арифметику встреч и расставаний, Витька и, поманив своего «телохранителя», исчез за дверями гастронома.

- Вермута наберёт, - вяло заметил Золотарёв, - ему лишь бы побольше пьяни.

Витька и взаправду набрал вермута. Бутылок пятнадцать, а может, и больше. А на закуску - всего два пирожка с повидлом.

- Не хавать сюда пришли - наливай да пей! - весело подмигивал Ковальчук.

Вопреки мрачноватым опасениям Игоря насчёт непомерно большого количества остро отдающей гнилыми яблоками жидкости, вермута оказалось даже мало. Как всегда в таких случаях, в школьном саду, где шла гулянка, собрались многочисленные любители дармового угощения, и Соколу пришлось доставать на свет божий вторую десятку...

Потом, вместе с Ковальчуком и его напарником, которого называли Косым, завалили в пивную в «аксайских» домах. Здесь произошла свалка... Ковальчук ударил кого-то пивным бокалом, потом били самого Витьку. Игорь под влиянием выпитого смутно разбирался в происходящем. Однако он вовремя сообразил, что второй раз подряд попадать под рихтовку не стоит, и благоразумно ретировался... Вслед за ним из пивной выскочил Сокол с разорванной на груди рубашкой. После - на кулаках - «вынесли» Косого. Потеряв равновесие, тот ткнулся головой в стенку сортира, стоявшего в нескольких шагах от пивной, упал и больше не поднимался. Последним, отбиваясь на ходу от густо облепивших его преследователей, показался Ковальчук...

Пошли зачем-то через рощу на Берберовку, а оттуда - на Сельмаш. Витька всю дорогу требовал нож и то и дело порывался кого-то резать. Редкая выпивка с его участием заканчивалась без мордобоя.

Соколов громко икал, так что от него шарахались прохожие. Золотарёв казнил себя в душе за новое проявление трусости, в то же время мучительно сознавая, что катится в пропасть...

- Пить! - жалобно захрипел Ковальчук, не прекращая паясничать и кривляться. - Умираю, чуваки, - сушняк долбит. Полжизни - за стакан газировки!

Игорь тотчас почувствовал нестерпимую жажду - как будто огонь внутри загорелся. Как назло, в подвернувшемся автомате «газвода» не оказалось стакана. «Трёшек» тоже не нашлось. И тогда поспешил со своей, как всегда, наполовину идиотской идеей скорый на выдумки Сокол.

- Витёк, ты нагнись к автомату, я разок стукну - вода тебе прямо

в рот побежит!

Так и сделали. Но сколько Серёга ни бил кулаком по стенке автомата, вода в широко разинутую Витькину пасть так и не побежала.

- А ну - дай я, - отстранил Сокола Игорь и со всей дури врезал по автомату ногой.

Мимо шли какие-то, явно под хмельком, мужчины. Один из них зло посоветовал:

- А вы головой, головой об него побейтесь! Что ногами-то?

Снова всё произошло мгновенно, как и давеча - в пивной. Задетый «борзостью» мужика за живое, Ковальчук, как пантера, бросился на новую добычу. Бешено замелькали руки, ноги, разъярённые, багровые физиономии...

И тут Игорь, сам того не желая, подхваченный всеобщим бойцовским порывом, тоже храбро ринулся в гущу свалки...

Неожиданная злость его была столь велика, что мужчина, на которого он налетел - возможно, что и совершенно посторонний, - не успел даже опомниться, как очутился распластным на асфальте, а Золотарёв уже искал очередную жертву...

В милицию их с Ковальчуком приволокла толпа негодующих «граждан» во главе с подвернувшимися некстати дружинниками. Соколов, не участвовавший в драке, последовал вслед за ними в отделение милиции сам, из солидарности.

9

До этого Игорю казалось, что он уже привык ко всякой работе. Армия... Армия научила кое-чему. Даже сортир, помнится, на первом году приходилось драить. Что может быть ещё отвратительнее?

Так он думал до того момента, пока зелёный милицейский фургон, в каких обычно возят пятнадцатисуточников, не остановился, резко взвизгнув тормозами, у городского морга.

Золотарёв содрогнулся. Заметивший его замешательство широкоплечий старший сержант незлобно подтолкнул в спину.

- Давай, давай, парень, не трусь! Как говорил, по-моему, еще Наполеон - мёртвые не кусаются!

- Это говорил не Наполеон, гражданин старший сержант, а Джон Сильвер, - поправил его с напускной бравадой Золотарёв. - И я -

да будет вам известно – не боюсь никого, кроме Джона Сильвера, потому что его боялся сам Флинт!

– Ну, ты, юморист, – одёрнул его милиционер, – топай, без разговоров!

Одна только мысль о том, что ему сейчас предстоит прикоснуться к чему-то неживому, холодному как лёд, повергала Золотарёва в панический ужас. Чувство это было сродни тому, когда, измученный бессонными ночами из-за одуряющей зубной боли, он при одном только намёке на зубного врача враз покрывался холодной испариной и готов был собственноручно, слесарными пассатижами, вырвать этот четырежды проклятый зуб, лишь бы...

Да! Что угодно, но только не это... Только бы не притрагиваться к покойнику!..

Игоря тошнило и рвало даже весь последующий день. Ковальчук вначале крепился, но потом вдруг, побледнев, как свежестыранная простыня, вслед за Золотарёвым ретиво побежал к «параше»...

Соколов, просачковавший, по его выражению, весь день на какой-то стройке, отпускал в их адрес язвительные остроты. В камере он был, что называется, свой парень и порой начинал даже сердито покрикивать на других. Здесь помещались в основном пожилые мужчины – непутёвые отцы семейств, попавшие сюда из-за пагубного пристрастия к алкоголю. В других камерах спецприёмника была и молодёжь, а в одной – даже две женщины.

Сергей с первого же дня принялся разыгрывать роль уркагана, напропалую похвалялся выдуманными воровскими «подвигами», красиво врал о тюрьмах и лагерях, в которых он якобы «чалился», почерпнув всё это, видимо, из рассказов Седого. В конце концов – достиг цели, и его стали не то чтобы побаиваться, но в какой-то степени уважать.

Удивительный всё-таки человек был этот Сокол. Чувствовал он себя здесь как дома, ничуть, казалось, не тяготился неволей. Иной раз просто доканывал шуточками своих приунывших приятелей.

Ковальчук огрызался и грозился побить ему морду. Но делал это вяло, без энтузиазма, скорее по старой памяти бывшего жоака, а не от злости. Его больше занимали мысли о выпивке, которую – он точно знал – умудрялись проносить в спецприёмник женщины. Игорь молчал. Он не обижался на Сокола, сознавая его полное превосходство: ведь тот, не участвуя в злополучной драке, сам

явился в милицию. Поступил бы так он, Игорь? Скорее всего, нет.

В душе у Золотарёва назревал перелом. Впервые вплотную соприкоснувшись с неволей, он ужаснулся, зримо представив ту «романтику», которая ждёт его за колючей проволокой, на зоне...

- Золотарь, там, наверно, ничтяк - в морге?.. Кругом жара, а там - как в холодильнике, - ехидно хихикал Сергей, готовя очередную подковырку.

Но вдруг он насторожился. Быстро обернувшись назад, уставился в лицо щупленького, похожего на общипанного в драке воробья, мужичишку лет пятидесяти, что-то торопливо запихивавшего в рот. Сидел тот в углу, на крайней кровати...

- Эй, Федосейкин, что хаваешь? Живо ломай половину, не то всё отберу!

Получив добрый «кусман» батона, рванул его на три почти равные части.

- Рубайте, урки, пока добрый! Сил набирайтесь. Завтра - снова покойнички и - тишина!.. Помнишь, Коваль, в «Неуловимых мстителях» Крамаров выдавал: мёртвые с косами, говорит, стоят, и - тишина!.. Да-а... Золотарь, заснул, что ли? Слышь, что говорю: недавно песню Высоцкого слышал. Умрёшь - песенка! О покойнике. Там, короче, трое везли хоронить одного. После аварии. Все, и шофёр, получили увечья, только который в гробу - ничего! Вилы!.. Ещё, говорит, всех нас когда-нибудь кто-то задавит, за исключением тех, кто в гробу!..

Игорь засыпал под его треп, постепенно отходя от пережитых за день ужасов. Как из морга, откуда-то издалека, из холодной зловещей темноты, до него доносился голос Соколова:

- Завтра побег устроим. Разденем Золотаря и - вместо покойничка - в гроб. И по башке ещё чем-нибудь отоварим, чтоб правдоподобнее было. А на кладбище...

10

- На кладбище нонче была, - проговорила баба Лиза, зайдя в каморку, где жили её квартирантки, - с дочкою ездили, с Натальей. - Баба Лиза незаметно покосилась на читавшую книгу Надю и продолжила: - Ты знаешь её. Так послухай, что расскажу. Игорь-то ихний в милиции сидит! Да-а...

Девушка выронила книгу.

- За что, бабушка?

- За что?.. - Баба Лиза, сразу переменяв тон, осуждающе покачала седой головой. - За тебя, за что же ещё?! То бегала каждый день к нему, ночевать оставалась... Голову парню заморочила, а после - как отрезало! Вот он с того и напился. Подрались они с кем-то на Сельмаше, - их и посадили на пятнадцать суток. Вот такие пироги... Познакомила на свою голову!

- Оставьте, бабушка, - закрыв лицо, резко попросила Надя.

- Ну-ну... - Баба Лиза ещё раз осуждающе качнула головой и, напомнив насчёт мытья полов и поздних гулянок, вышла из комнаты.

- Связалась ты, Надька! - сочувственно заметила молчавшая до этого подруга Анна и, вздохнув, посоветовала: - Иди, пока не поздно, в больницу...

- Замолчи! - гневно глянула на неё Надя. - Не говори так, Аня! Всё образуется, вот увидишь. Он ведь не такой, как все, - он хороший! Через лужу на руках как-то переносил...

- Мальчик-одуванчик? - цинично ухмыльнулась лежавшая на кровати Анна.

- Ты понимаешь, - он человека во мне увидел. Прежде всего человека, а потом уже - всё остальное! Это редко сейчас, пойми. - Надя тяжело перевела дыхание.

- У вас что - любовь с ним, как в дрянных дореволюционных романах? - Анна, потрянув белыми кудрявыми волосами, неестественно рассмеялась. Наигранно подкатив красивые голубые глаза, мечтательно продекламовала: - Ах, любовь!.. Безумная, испепеляющая страсть... Он и Она... Клятвы, слёзы, стишки в альбом, письма в заграничку!.. Забыла, Надь?..

- Юра? - Надя смутилась. - Нет, не забыла. Пишу.

- Служит?

- Служит. - Надя растерянно потёрла виски. - Как сложно устроена жизнь... Аня, ты понимаешь, Юрий для меня друг! Добрый, верный, хороший друг - и всё. С Игорем что-то другое... Я чувствую, что нужна Игорю больше, чем Юрию!

- Не ври хоть себе, Надька! Ты просто фантазёрка, - с сочувствием проговорила подруга. - Фантазёрка и неисправимая мечтательница. Ты много думаешь, Надя, а жить нужно легче, - не думая! Разочарования тебя погубят.

- А ты, Анна, - неужели ты не веришь в любовь?

- Любовь?.. - Анна вновь мечтательно закатила накрашенные глаза. - Ах, любовь, любовь... Ромео и Джульетта!.. Сентиментальности всё это, сопливое сюсюканье. Эх, Надюша, постельная у нас, баб, любовь!.. И мужикам мы нужны только для этого... самого! А для чего же ещё?.. Знай: не нужна ты ему, Игорю этому. Так, минутное увлечение...

- Нет! - сверкнула глазами Надя. - Неправда! Ты слишком злая, Анюта... А я верю Игорю. Он вернётся, вот увидишь! Он обязательно ко мне вернётся!

- Если после пятнадцати суток не заработает что-нибудь большее! - съязвила в ответ Анна. - Глаза у него нехорошие, Надька. Воровские какие-то... Поверь моему опыту. У меня был один такой хахаль в Воркуте, после оказалось - рецидивист!..

Часть вторая

Золотой кулон

1

После пятнадцати суток Игоря сняли с автобуса. Дали временно грузовик «ЗИЛ-130» - старую, побитую клячу, переменившую на своём веку не один десяток шофёров и побывавшую, вероятно, не в одной аварии.

Игорь затосковал... Помимо всего прочего, отчаянно тянуло к Наде - она по-прежнему не показывалась. Пересилив гордость, он на второй же день свернул машину на «бабкину» улицу. Нади дома не оказалось. Золотарёв, отмахнувшись от назойливого бабкиного приглашения, стремглав прыгнул в кабину и, со злостью хлопнув дверью, рванул рычаг коробки передач. Машина с рёвом понеслась в гору, развивая такую скорость, на которую только была способна в свои пятнадцать с лишним лет.

Баба Лиза, глядя вслед, только укоризненно покачала головой и, в который раз казня себя за это никчёмное и даже «вредное» знакомство с Надей (которому она была главной виновницей), засемила во двор. На ходу решила, что с этим как-то нужно кончать.

«Прочищу же я эту шалаву, чтоб парню голову не морочила! - прикидывала она своим уже по-старчески недалёким умом. - Что за время пошло? Непонятно. То бегают к нему каждый вечер, ночевать остаётся, а то вдруг, ни с того ни с сего -

как отрезало!.. И свет до двенадцати ночи палит. Свет-то в копеечку мне выходит... А он сам – хорош фрукт, ничего не скажешь. Нет бы по-хорошему, как у людей... Расписались бы. Так им нонче другое подавай, молодым-то... Разбаловали их родители, ох разбаловали! Нас не так в своё время умуразуму-то учили. Пряжкой! Вот... И совесть потому имели. А им, вишь, и шикалады, и одёжу всякую... И то им и сё, а они и рады стараться – на голову сесть норовят! Макухой нужно было кормить, сухарями... Что-то ещё будет, господи!..»

Игорь весь день проработал на городской стройке, куда его направили из гаража, и вечером, усталый и злой как собака, встретил на своём посёлке Витьку Ковальчука с Косым, который тащил трёхлитровый баллон пива без крышки.

– Игорь, я тебя уже две недели не видел! – обрадовался встрече Ковальчук, принимаясь, как всегда, за свою пьяную арифметику.
– Нет, треплюсь, я тебя уже месяц не видел.

– Два месяца, – вторил ему Косой, что-то мучительно прикидывая в уме, отчего его небритая, затасканная физиономия приобрела ещё более тупое, бессмысленное выражение.

«Возьму Витьку с собой, – решил Игорь, намеревавшийся снова нанести визит бабе Лизе. – Только больше не пить – крышка! Мириться – значит мириться!»...

После пива, как всегда, потянуло на вермут, и через каких-нибудь полчаса они уже брели, потеряв где-то Косого, покачиваясь из стороны в сторону. Крепко облапив друг друга, орали на всю улицу блатные и неблатные песни известных и неизвестных композиторов. Прохожие, глядя на приятелей, посмеивались, да, к слову сказать, и было отчего. В то время как обладавший кое-какими вокальными данными Витька Ковальчук старательно затягивал: «Мы с тобой два тополя у одной реки», Игорь нечеловеческим басом «подпевал», выкрикивая припев популярной пиратской песенки из кинофильма «Остров сокровищ»: «Йо-хо-хо, – и бутылка рому!..»

Остановившись посреди тротуара, Витька с пафосом вопрошал, варьируя тему:

– Мы с тобой, Игорь, друзья до гроба? – и с силой хлопал приятеля по плечу, в результате чего тот падал, не удержавшись на непослушных ногах. Вслед за ним валился и Ковальчук...

Игорь, кое-как поднимаясь, в свою очередь хлопал Витьку – и всё повторялось по новой...

У самой бабкиной калитки, вспомнив что-то важное, Золотарёв

вдруг остановился и путано заговорил, обращаясь к приятелю:

- Витёк, знаешь, я сегодня женюсь! Точно так... На Надьке женюсь, она обалденная бикса!.. Ей-богу, не вру, я давно обещал жениться. Уже накачал её, знаешь, ребёнок будет... И ты, Коваль, тоже женись. У Надьки подружка - мечта поэта! Ничтяк бикса... Ты ведь тоже поэт, Витёк?

- Нет! - отчаянно мотал кучерявой башкой Витька. - Мы с тобой два тополя на одной Плющихе!..

- Три! - Игорь для убедительности показал три не совсем чистых пальца и, подмигнув, вынул из кармана бутылку «Ароматного».

- Здравствуй, милая моя, я ж тебе дождалси, - дико завыл Витька, радостно разведя в стороны руки...

Открыла им Анна и, в знак приветствия кивнув Игорю, перевела изучающий взгляд на Витьку...

Через каких-нибудь полчаса знакомства (благо бабы Лизы не было дома) Витька уже обнимал Анну в кухне, за печкой, чем привёл Игоря в немалое удивление. Признаться, Золотарёв был почему-то уверен, что у того ничего с Анной не выйдет, во всяком случае - так скоро. Она производила приятное впечатление, внешне всегда была строга. Хотя кто их разберёт, этих женщин! Они непостоянны, как мода. Да и сам Витька - Игорь хорошо это знал - был везучим по женской части. Золотарёв исподволь убедился в этом ещё со школьной скамьи, когда частенько в душе завидовал многочисленным и сравнительно лёгким сердечным победам Ковальчука.

Надя встретила Игоря подчёркнуто сухо.

- Празднуешь возвращение на свободу?.. Бабушка мне за «любимого внучка» житья полмесяца не давала.

- Надь, мелу хочешь? - паясничая, проговорил Игорь и даже провёл пальцем по недавно побеленной стене. - Мел, говорят, при беременности нужен - ребёнку кости укрепляет. Попробуй... А хочешь, пошли второго забацим - до кучи! Раз пошла такая пьянка - режь последний огурец! Я всегда готов. Как пионер... Люблю детей, Надька! - Он попытался её обнять.

- Иди спать! - с неприязнью отшатнулась Надя.

- Здесь? - Игорь, дурачась, опустился на колени. - Надь, а Надь, дай подушку и какой-нибудь половичок, я буду, как собака, спать у входа в твою опочивальню.

- Игорь, если ты человек, а не... собака - уходи! - отрезала та и, покусывая губы, чтобы не разрыдаться, вскочила со стула. -

Уходи, Игорь, слышишь? Я видеть тебя не могу! Уходи!

– А я всё равно никуда не уйду, потому что я собака, – «рогом» упёрся хмельной Золотарёв, продолжая стоять на четвереньках.
– Я даже лаять буду. Гав-гав-гав!.. Вот видишь, Надя, я – собака!
У тебя, случайно, нету ошейника?

– Боже мой, какой кошмар! – схватилась она за голову.

Поняв, наконец, что переиграл, Игорь поднялся на ноги и со злостью взглянул в глаза Нади.

– Что, не нравится? Уйти, говоришь?.. Но знай: если я отсюда уйду – больше ты меня никогда не увидишь! Хочешь?

– Да, да, хочу, уходи! – торопливо заговорила Надя, покачивая сжатой ладонями головой, как пьяная.

– Что ж, я уйду. Но уйду совсем, навсегда! – закипел Игорь. – Я покину этот глупый и скучный мир, как Есенин. Чао, золотая рыбка!

Хлопнув что есть силы дверью, он выскочил на улицу. Надя, упав на кровать, разрыдалась.

2

«Вот и всё! – с отчётливой ясностью думал на следующий день Игорь, вспоминая детали разыгравшейся вчера драмы. – Всё кончено и никогда больше не повторится, никогда!..»

Он чувствовал себя ограбленным до нитки... нагим и одиноким. И в то же время с ужасом понимал, что сам себя ограбил и всё погубил, сам...

«С Надей всё кончено, – мучительно соображал, ворочаясь в постели. – Кончено?.. А как же ребёнок? У неё ведь будет ребёнок! От меня...» – Игорь с радостью ухватился за эту мысль, как будто утопающий за соломинку. И верно, ребёнок-то от него, от Игоря! Он отец, и, значит, ещё не всё потеряно. Он женится, бросит пить, завяжет с друзьями... и всё обойдётся. Они с Надей уедут в другой город, где не найдут их Седой с Угрюмым; начнут новую жизнь – чистую и радостную. У них будет трое детей. Да, да, непременно трое: два мальчика, чтобы всегда стояли друг за друга против всяких седых и прочей шпаны, и девочка... «Но стоп, – снова пал духом Игорь, – ведь она может и не родить моего ребёнка! Это сейчас так просто... Да, я ей больше не нужен! И ребёнок мой – тоже. Всё кончено!.. Да и сам-то я, что ж, разве завяжу с этими?.. Как бы не так. Придёт Серёга Сокол, напомнит про Седого с Угрюмым, и снова – куда

прикажут!.. Кабала... Господи, это же рабство! Хотя, если рассудить, зачем я им теперь без автобуса нужен? Боятся, гниды, что заложу... Заложу? Чушь собачья – никогда стукачом не был! Да и не в этом дело. Боюсь... Седой не дурак, хорошо это знает. Влип, кореш, доигрался! Блатной романтики захотелось? Получи... Да и что теперь голову понапрасну ломать? – связан с ними одной верёвочкой, которую, быть может, уже разматывают в уголовном розыске. А в общем – теперь всё равно! С Надей кончено, что ещё может быть хуже?! Тюрьма? Что ж, оттянул армию – не умер, стало быть, и в тюрьме не загнёмся! Сидят же люди. Эх, пропадай моя жизнь к чёртовой матери! Скорее бы только... скорее бы только брали»...

Сергей, как всегда, появился неожиданно и очень рано, по-субботному выбритый и причёсанный, с белой полоской лейкопластыря на нижней губе.

– Заканчивай отдыхать, начальник, вот билеты на электричку – поедем в Новочеркасск. – Сергей предупредительным жестом остановил попытавшегося возразить Игоря. – Никаких вопросов, Золотарь, сам всё расскажу по дороге.

– С губой, Серый, что? Бритвой порезал? – равнодушно поинтересовался Игорь, облачаясь в свой «походный», выдавший виды джинсовый костюм.

– Бритвой, а может, и нет, не имеет значения, Золотарь. Ближе к телу, как говорил Мопассан, – скороговоркой зачастил Сокол, – у нас в запасе всего сорок минут. Быстрее, мы должны ещё пропустить по паре бокалов пива у Филиппа в «аксайских» домах. У меня после вчерашнего – обалденный сушняк.

– С Седым «гудели»? – выйдя из квартиры и захлопнув дверь, спросил Игорь.

– Угадал. – Сергей, поморщившись, зачем-то потрогал залепленную губу. – Чтоб у него, у гада, руки отсохли!..

Быстро пройдя по главной улице посёлка к «аксайским» домам, завернули в забитую уже в этот ранний час пивную. Её, как и все ближайшие пивбары, шашлычные и закусочные, местные завсегдатаи любовно называли по имени «хозяина» – пивной Филиппа или просто Филиппом. Выражались они примерно так: «Сосед, ты случайно не знаешь: к Тарасу вчера вечером свежее пиво не завозили?» – «Нет, сосед, у него вообще никакого нету, а если и есть – то наверняка тёплое, как моча. Если уж и идти куда, так только через рощу к Сурену или к Филиппу – у них всегда свежее пиво. И стоит двадцать четыре копейки, а не тридцать шесть, как у Тараса в Лесхозе».

Взяв по паре бокалов «с повтором», отошли к раскидистой алыче и пристроились за один из стоявших на улице высоких столиков. Сергей с жадностью, одним духом опорожнил первый бокал холодной тёмно-жёлтой пенящейся жидкости и второй уже потягивал не торопясь...

- Ничтяк пиво, Золотарь, я балдею после вчерашнего.

- Зачем в Новочеркасск, Серый? - задал наконец-то мучивший его всю дорогу вопрос Игорь.

- По делу, Золотарь, не буксуй, по дороге всё объясню, - уклонился от прямого ответа Сергей и подал приятелю пустые бокалы. - Сбегай-ка лучше, повтори, да двинем на электричку. Время!..

В вагоне Сокол пристроился возле окна, на задней скамейке, бесцеремонно закурил и вполголоса начал:

- Выйдем на Хотунке, Золотарь, я там недавно одну чувиху снял - мечта композитора, как ты любишь трепаться! У меня с ней сегодня свидание. Сходим в кино. У них там, кстати, «Экипаж» идёт. Говорят, клёвый фильм. Позырим... Твоё дело, Золотарь, при чувихе ничему не удивляться, что бы я ей ни гнал. Так надо! Можешь изредка кивать головой в знак согласия. Главное, всё запоминай. Особенно дорогу к её дому, когда провожать похилиаем... Людям в глаза не смотри, чувихе тоже. На вот, очки надень. Седой велел. Понял?.. - многозначительно поглядел на него Сокол.

- Понял, что ж не понять, - тяжело вздохнул действительно всё сразу уразумевший Золотарёв и с тяжёлым предчувствием сунул в нагрудный карман джинсовой куртки фирменные итальянские очки-капли...

Фильм не понравился. Может быть, Игорь был слишком занят собственными мыслями, может, повлияло выпитое пиво, клонившее в сон, но он совершенно ничего не понял. Загадочным было и поведение приятеля. Как и обещал в электричке, Сокол зачем-то потянул Игоря провожать свою довольно-таки симпатичную подругу. Болтал всякую чушь о её родителях, куда-то уезжающих через неделю; о себе - будто бы командированном на Новочеркасский электровозостроительный завод инженере-конструкторе; об Игоре, которого он называл коллегой по какой-то там научно-исследовательской деятельности и о многом другом.

Игорь понимал, что вся эта галиматья нужна для их очередного «дела», но какова его суть - в толк взять не мог. Не убивать же собрались Седой с Соколом эту симпатичную девушку?..

Помня Серёгин наказ, Золотарёв старательно ему поддакивал. В то же время он украдкой поглядывал на девушку и, как нарочно, встречался с ней взглядами. Прислушиваясь к голосу новой знакомой, которую Сергей называл Раечкой, Золотарёв по тону догадывался о её симпатиях к Соколу. Точно такие же нотки звучали и в голосе Нади в дни их первых встреч. Тем разительнее было поведение Сергея, в каждом слове которого сквозили ложь и притворство...

- Ну и как она тебе? - проводив Раису, спросил по пути к железнодорожной станции Сокол.

- Ничего девочка, - не выдавая своих истинных чувств, уклончиво ответил Золотарёв. - К чему только я зря с вами тусовался? Была бы с ней подружка, а так...

- Это всё мур, Золотарь, ты адрес запомнил?

- Ну, - начиная догадываться, взглянул на него Игорь.

- Будешь ездить в Новочеркасск каждый день - пока ночью, даже с закрытыми глазами, этот дом не найдёшь... Седой велел, - таинственно понизил тон Соколов. - Домик что надо, сам видел. Папа с мамой - шишки на ровном месте. В хате - золота, «бабок», барахла всякого!.. Папаша-то директор столовой. Через неделю отбывают на юг на собственной «Волге». Дочка в институт поступает, задерживается... Сынок у них ещё есть, шофёр «Скорой помощи». Дождёмся, когда в ночь будет дежурить, и... возьмём их хату! Соображаешь? Золото, бриллианты, а?.. Я с Райкой хоть до утра могу гулять. Я её уже трахнул... «Фомку» к воротам подобрали. В доме, правда, английские замки и дверь, железом обитая... Зато забор - видал, какой высокий? Никто ни черта не увидит. Как в магазине - стекло выставим... У ворот, в будке - псина, но собаку я беру на себя... У тебя, кстати, Золотарь, в больнице знакомых нету? - изменил вдруг тему Соколов.

- Нет, а что?

- Снотворное нужно, дурак, - собаку усыпить, - раздражённо ответил Сергей. - Ничего, это моё дело. За неделю достану... На «дело» впятером пойдёте. Пятый - Сатана с нашего посёлка, знаешь? В школе вместе учились. Он на стрёме будет. Тебя Седой с собой берёт; смотри, Золотарь, чуть что - и крышка! У Седого «пушка» на кармане... Ты как вообще, ничего?.. В первый раз на такое...

Игоря передёрнуло, но он сдержался. Недовольно буркнул:

- Какая тебе разница? Сказано - сделано, пойду, чёрт с вами! Не

отвяжетесь ведь. Чувиху только жалко...

- Ты Седого не знаешь, - поморщился Сокол и, вдруг на что-то решившись, неожиданно предложил: - Сядем вон лучше, расскажу кое-что...

Они уселись на лавку под акацией в тихой аллее.

- Чувиху жалко, говоришь? - зло продолжил прерванный разговор Соколов. Его прорвало, чего до этого не случилось. - А вот это ты видел?! - ткнул он пальцем в залепленную пластырем губу. - Седой это мне... за пятнадцать суток. Бойтись засыпаться... А всё из-за вас, козлов позорных! Тоже дурака сваял - сам в ментовку припёрся... Смыться нужно было - и дело в шляпе. Тебе бы Седой навешал!

- Да что мне твой Седой?! - почти истерически, не сдержав захлестнувшего всю его душу ужаса перед всесильным главарём, выкрикнул Золотарёв. - Что ты, гад, с ним носишься, как с писаной торбой? Кто он тебе? Сват, брат, отец родной? Откуда ты только с ним взялся, паскуда!

- Ну, ты меня не паскудь, - вскипел и Сокол, - не дорос ещё, сынок! А насчёт Седого слушай да на ус мотай. Сволочь он порядочная! Волчара, - только овцой прикидывается. Мокрое дело, говорят, за ним есть. Лет десять уже, считай, по зонам оттянул... Я ему в карты проиграл, понимаешь! По пьяни. Всё жадность... Верно свистят, что жадность фраера губит. Много я ему продул, Золотарь. С полочки на хате «торчали», на Берберовке. Бухали всю ночь, в очко резались... Меня Угрюмый туда привёл, я тогда с ним тусовался. Тоже зараза... В школе не таким был. За кореша всегда постоять мог, а теперь - «шестёрка» у Седого. Что тот скажет, то и сделает... Рассказывал мне: Седой с чуваками как-то здесь, в Новочеркаске, такой скок залепил - одних «бабок» кусков пять взяли, чистоганом! Да фирменный «видик» в придачу, да «Шарп», да кожи с катонном - на две штуки, да «рыжего»! Но бог с ним... Не помню, короче, что там, на Берберовке, в тот раз было - «торчал» по-чёрному. Наутро - они мне туфту заправляют, что будто я мать свою проиграл... - Сокол с ожесточением сплюнул. - Волки позорные! Думаешь, на фига мы им нужны? «Хлебать за цинку»! В случае чего они подорвут, а мы по их делу похиляем. У них главное - свою шкуру сберечь. У кого кулак больше - тот и сверху... А на зону попадёшь - хана, «шестеркой» у таких, как Седой, будешь или пидором! Ему же, суке, человека пришить - всё равно что курицу...

Золотарёв с ужасом, широко раскрыв глаза, глядел на разговорившегося Сокола, силясь что-то спросить, но язык

отказывался повиноваться, как будто его приклеили к небу универсальным клеем. Наконец, с невероятным трудом, заикаясь, он смог выдать слова упрёка:

- А что же ты меня... Я-то что ж... Меня ты, значит, за компанию?.. Чтоб одному не скучно тонуть было? Что ты наделал, гад?! Я ж из-за тебя жизнь свою угробил, ты понимаешь?

- Ни хрена, - отрешённо качнул головой Сокол, - ты ведь, Золотарь, сам согласился... А что в «Восходе» Угрютому предлагал - забыл?.. То-то и оно. Я что - я у них на подхвате... Да и сам ты дуру сколько раз гнал: не хочу на партию ишачить, на дело хочу, чтобы миллион сразу... Вот и сбылась твоя голубая мечта. Что теперь крайнего искать - головой нужно было думать, а не задним местом! Сам согласился, я тебя за язык не тянул. Так ведь, Золотарь? Ну скажи, что так...

- Оправдываешься? - презрительно взглянул ему в глаза Игорь.
- Хреновые наши дела, Сокол, хреновые...

3

Витька Ковальчук, забежав в обеденный перерыв в пивную точку на аэровокзале (после вчерашней пьянки раскалывалась голова), остановился в нерешительности с двумя бокалами в руках, выискивая свободный столик. Внимание привлекли две знакомые, сгорбившиеся над внушительной горой вареных раков, фигуры.

- Ба-а, кого я вижу, Шумей с Гороховым! Салют одноклассникам!

Витька решительно пристроился к ракам...

- На рыбалке вчера были, на Маныче, - похвастался Мишка Шумей, пододвигая Ковальчуку отборную пару краснокорых животных с огромными, похожими на ножницы по металлу, клешнями. - Угощайся, Витёк, хавай! Мы с Андреем ведра три вчера натаскали. Пахан рыбы наловил. Здорово отдохнули!

- А я нажрался вчера, - гордо заявил Ковальчук. - С Косым пили... А в среду чувиху снял и в ту же ночь спал с ней. Темпераментная, скажу вам, баба!.. Там ещё одна была, Игорь Золотарёв кружился, кружился вокруг неё да так и ушёл, дурак, несолоно хлебавши. Отшила она его... Вы Игоря случайно не видели?

- Нет, мы бормотуху не пьём, - качнул головой Андрюха и чуть не подавился раком. Прокашлявшись, закончил: - Он, наверное, с Соколом где-нибудь под забором валяется.

- Жадность фраера губит! - значительно произнёс Ковальчук и с силой хлопнул Горохова по горбу. - Ну, кенты, я побежал. Увидите Золотаря - привет передавайте!

Витька торопливо допил своё пиво, не спросив, подцепил целую жменью аппетитных маньчжурских раков, чем привёл обоих приятелей в полнейший конфуз, и испарился.

- Во нахал! - удивился Мишка Шумей. - Берёт, как своё собственное.

Андрей, ни слова не говоря, принялся лихорадочно считать оставшееся в их распоряжении раковое богатство.

- Семь раков утащил, алкоголик, - объявил он затем с сожалением.

- Чтоб он ими подавился! - пожелал Мишка. - Давай, Андрей, сворачиваемся, а то ещё кого-нибудь чёрт принесёт. Того и гляди, Золотарь с Соколом нагрянут. Лучше-ка мы ко мне домой баллончик пива возьмём. Там и посидим на балконе.

- Это дело, - сразу же согласился с ним Горохов и принялся помогать складывать в целлофановый пакет поредевшее раковое войско.

4

На новочеркасском «деле» чуть не засыпались. Седой впоследствии говорил, что такое случается один раз в жизни...

В Новочеркасск, чтобы зря не рисковать, прибыли втроём - без Угрюмого и Зозули. Те должны были подъехать чуть позже.

С ними, как и предупреждал Сокол, был Юрка Канторович по кличке Сатана - парень из того же посёлка. Он был года на два младше Игоря, но уже успел побывать на зоне. В школе отчаянно хулиганил, дрался и, говорили, даже курил «дурь».

Игорь в душе ужасался этому катастрофическому разрастанию их группы. Люди втягивались по цепочке, от приятеля к приятелю. Юрку Канторовича привёл к Седому, вероятно, Федька Зозуля, издавна водивший с ним дружбу. Сатана непременно потянет своих дружков - известную поселковую шпану, те ещё кого-нибудь...

Пацаны в компанию Седого подбирались все под стать друг другу. Многие уже «тянули». Им-то что, им не привыкать. Как в фильме «Джентльмены удачи»: украл, выпил - в тюрьму!.. А каково Игорю с ними?.. Хотя, что греха таить, было время,

когда страшно завидовал... Кажущейся романтике их жизни завидовал, их показному братству – когда при одном только крике «наших бьют!» бросались они дружно на пацанов с враждебной Берберовки или другого посёлка. Игорь тогда мало ещё кого здесь знал – его семья только что получила квартиру в недавно выстроенной на посёлке пятиэтажке. Дом этот, как остров, возвышался в окружении бескрайнего моря одноэтажного частного сектора, где кипела скрытая от посторонних глаз, опасная, но интересная жизнь поселковых мальчишек. В то время Золотарёв и носу не показывал по вечерам на улицу, не без основания опасаясь местного хулиганья, и вот – кто бы мог подумать!..

Угрюмого с Зозулей встретили, как и условились, неподалеку от станции Хотунок. Ещё не смеркалось, хоть было уже поздно... Васька Угрюмый с чёрным «тубусом» в руках (в каких студенты и конструкторы обычно носят свёрнутые в трубку чертежи) пошёл впереди всех. Он, как и Золотарёв, знал дорогу к намеченному дому, так как приезжал сюда несколько раз. Остальные, с красными, как у дружинников, повязками на рукавах, держались несколько поодаль. У каждого на кисти руки, на ремешке, болталась маленькая чёрная сумочка, которая при желании легко превращалась в большую сумку.

Седой всю дорогу сокрушался, что не удалось угнать машину: тогда не пришлось бы ночью «рисоваться» в городе с полными сумками. Но машину угонять тоже опасно.

Колька был в парике, с бородой и усами, отпущенными за то время, пока Игорь его не видел, так что Золотарёв в первый момент даже его не узнал.

– Богатый буду, – пошутил Седой, хищно ощерив крупные прокуренные зубы...

Угрюмый, который всё время носил большие, опущенные книзу усы на манер «песняров», наоборот, сбрил их. Зозуля был в кепке, надвинутой на самые глаза. Сатана с Игорем – в очках.

Все, в общем, как-то законспирировались, но Седой всё равно был недоволен. Он вообще редко когда бывал в духе. Всё время что-нибудь происходило не так, не по его! Всё время он чего-нибудь опасался.

Сейчас он проявлял недовольство почти всем, и только непреодолимая алчность не позволяла ему отменить намеченное «дело». Куш обещал быть довольно жирным!.. Да и подготовились вроде на совесть. Тем не менее Седому не нравился студенческий «тубус» Угрюмого – сей предмет на обратной дороге легко

мог привлечь внимание любого милиционера. Не нравилась собака во дворе намеченного дома. Не нравилось, что не удалось подобрать ключи к английским замкам, что придётся выдавливать стекло старым способом, который уже известен в милиции. Что на «дело» идёт этот новичок, Сатана; хоть и «сидел» уже, но с ним, Седым, идёт в первый раз... Не нравилось, что в дом приходится брать Золотаря – хоть и был уже на «деле», но на него надежда плохая.

Седой любовно погладил в правом кармане свой выдавший виды наган образца 1895 года, всего с четырьмя патронами в барабане. Подумал, что неплохо было бы достать милицейский «макаров» с парой запасных обойм. Прикинул, что при желании достать, конечно, можно... И даже не один. Тогда не нужно будет шараться от каждого шороха. Отойти-подвинься!..

На землю между тем спустились густые сумерки. Выждав немного за тополями на противоположной стороне улицы и оставив «на стрёме» Сатану, вчетвером они благополучно проникли во двор большого одноэтажного кирпичного дома под шиферной крышей. Собака даже не выглянула из будки, только негромко проскулила, загремев цепью.

– Порядок! – Седой запер за собой металлическую калитку.

Быстро обогнули дом и, поставив на одном углу Золотаря, на другом – Зозулю, принялись возиться с оконным стеклом тыльной стороны дома.

Кирпичный забор был действительно высок, так что из соседних дворов их вряд ли могли увидеть. Но всё равно сердце Золотарёва колотилось от страха: казалось, ещё чуть-чуть, и оно вылетит наружу через горло.

– Золотарь, сюда! – позвал его приглушённым, свистящим голосом главарь.

Игорь молча повиновался. Всё происходящее он воспринимал как во сне. Он потерял реальное представление о времени: казалось, что прошло уже несколько часов – так долго, по его мнению, возились Седой и Угрюмый со стеклом.

Сильные руки, подняв Золотарёва высоко над землёй, посадили его на карниз и почти толкнули в зияющее могильной чернотой окно. Игорь попал рукой во что-то липкое, вероятно мёд, и, не удержав равновесия, неловко, как мешок, свалился в темноту. Он задел трюмо, которое с грохотом полетело на пол. Раздался звон разбитого зеркала...

Игорь больно ушибся коленкой и, похолодев, притаился на полу,

как заяц. Он был готов сейчас к самому худшему и с минуты на минуту ожидал, что его схватят чьи-нибудь безжалостные руки. Однако ничего не случилось...

Через некоторое время в окно бесшумно скользнули Седой и Угрюмый.

- Убью, козёл! - услышал Золотарёв зловещий шёпот склонившегося над ним главаря, и в ту же минуту лицо его обожгла короткая, но сильная пощёчина.

Игорь помертвел и, вжав голову в плечи, с ужасом ждал новых ударов, но его больше не тронули. Чья-то рука, грубо сграбастав за шиворот, легко, как пушинку, поставила его на ноги и подтолкнула вперёд, в глубь комнаты. Вспыхнул слабый луч фонарика.

- Сумку раскрывай, живо! - приказали Золотарёву.

Игорь начал было приходить в себя, но не успел ещё как следует оглядеться и освоиться в темноте, как на улице послышался вдруг резкий скрип тормозов остановившейся около двора машины. Поработав немного, замолк двигатель. Хлопнула автомобильная дверца.

Золотарёв похолодел. Притаились, прислушиваясь, и Седой с Угрюмым. Загремев, отворилась металлическая калитка, кто-то вошёл во двор.

Канторович почему-то не подал сигнала опасности, и все с ужасом слышали шаги, быстро простучавшие по асфальтированной дорожке сада...

В коридорное окно Николай успел заметить подходившего к дому человека, должно быть старшего брата Раисы, и, схватив одуревшего от страха, ничего не соображающего Игоря, потащил по длинному коридору в темноту. Вслед за ними последовал и Угрюмый.

Дверной замок в ту же секунду щёлкнул, отзываясь в Игорево мозгу пистолетным выстрелом, и он застыл в неудобной позе за дверью, в какой-то тесно заставленной мебелью комнатухе, боясь не то чтобы пошевелиться - вздохнуть полной грудью. Притаившийся рядом Седой взвёл курок. Игорь почему-то с облегчением понял: пистолет! Что сейчас должно было произойти, он ясно себе представлял: драка, шум опрокидываемой мебели, выстрелы, кровь...

«Бежать!» - мелькнула в голове шальная мысль, но, как бы разгадав её, Николай ещё крепче, словно железными клещами, сжал руку Золотарёва...

Вошедший зажѣг свет в прихожей. В зал, где зияло выдавленное окно и валялось опрокинутое трюмо, не заходил. Он что-то искал в прихожей, роясь в ящиках, которые доставал с антресолей. Топал своими туфлями, казалось, на весь дом...

До Игоря долетали только слабые отблески огня, и он начал понемногу успокаивать себя мыслью, что прибывший, ничего не подозревая о происходящем в доме, возможно, не заметит их, даже если пройдёт совсем рядом. Только бы не зажѣг свет в зале...

Сколько прошло времени с момента его прихода, Игорь не знал. Может – пять, может – десять, а возможно, и все пятнадцать минут. Казалось, что минула целая вечность. Он устал бояться, свикшись с мыслью о нависшей над ними дамокловым мечом опасности. В голове Золотарёва проскальзывало даже некоторое подобие гордости от сознания, что он принимает участие в самом натуральном воровском «деле»; что вот, рядом с ним, стоит самый настоящий бандит – Седой, с настоящим боевым пистолетом, не боящийся ни бога, ни дьявола, что в любую минуту могут прогреметь роковые выстрелы...

То были остатки былой, по-детски наивной, но такой соблазнительной блатной романтики, которой в своё время болеют многие городские мальчишки. И начинало казаться, что не так страшен чѣрт, как его малюют, – стоит только однажды переступить порог... И что он, Игорь, наверняка выдержит всё... что начинается там – за колючей проволокой... Тем более, Сокол говорил: «За первый раз много не дают». А уж он что-нибудь в этом да понимает – всю жизнь возле шпаны отирался.

Ничего, Игорь всё выдержит! Должен, во всяком случае... А там, кто его знает, может, амнистия какая подвернѣтся? А то, может, и освободят досрочно, как это нередко бывает – «за хорошее поведение и ударную работу». На «химию» выпустят...

Вернѣтся он в родной город, как некогда возвращался со службы в ГСВГ и, возможно, так же, как и тогда, заплачет, вспомнив друзей-приятелей, с кем хлебал лагерную баланду и «по фене ботал». Хотя нет, вряд ли он будет тосковать по этому заведению. Сохрани нас, боже, от суммы и от тюрьмы!..

Но выдержит ли он всё же, если случится самое худшее, или нет?.. И когда это случится? А вдруг – сейчас?! Как же тогда Надя?..

Свет в прихожей внезапно погас. Шаги растворились за дверью. Дождавшись замочного щелчка, Николай облегчѣнно вздохнул:

– Пронесло!..

Брали самое ценное: деньги, золото, драгоценности. Из вещей в припасённые сумки торопливо сваливали найденные в шифоньере меха, шапки, укладывали хрусталь.

Игорь снял с вешалки в прихожей кожаный пиджак, зачем-то сунул за пазуху подвернувшийся под руку целлофановый свёрток...

Седой при свете карманного фонарика лихорадочно обшаривал потайные места в мебельной стенке.

Застёгивая молнию набитой до отказа сумки, Игорь вдруг заметил какой-то неуверенный блеск у гнутой ножки журнального столика. Протянул руку, нащупал цепочку с кулоном и, воровато взглянув на занятых своим делом Седого и Ваську Угрюмого, быстро сунул находку в носок...

Уходили по одному, с оглядкой. Сначала Игорь, потом Угрюмый, Николай. Зозуля шёл замыкающим. Молча двигались по разным сторонам шоссе, таща в руках каждый по тяжёлой сумке. Откуда-то из темноты, из-за сарая, побитой собакой вынырнул Сатана. Николай не удостоил его даже взглядом и, молча всучив Канторовичу свою сумку, последовал дальше.

В сквере, густо усаженном акациями и каштанами, остановились перевести дух – шли очень быстро, чтобы поспеть на последнюю электричку. Седой, по-прежнему не произнося ни слова, приблизился к враз «поджавшему хвост» Канторовичу, резко и точно ударил его в зубы... Игорь сразу же понял за что и, втянув голову в плечи, испуганно отшатнулся. Главварь был в эту минуту страшен...

Парней обступала глухая, тёмная, но по-летнему тёплая южнорусская ночь. Сквер – как вымер. Только далеко впереди, слева, изредка разрезали улицу золотые палаши лучей, отбрасываемых фарами случайных автомобилей...

Сатана не сопротивлялся. Закрываясь от жестоких ударов, так и сыпавшихся на его голову, он что-то невнятно бормотал в своё оправдание, но Седой был неумолим. Покончив с Канторовичем, он зло обернулся к Игорю:

– Ко мне, щенок! Живее – закопаю нагад.

Игорь, парализованный животным ужасом, как кролик к удаву, приблизился к разъярённому главварю.

– Дело чуть не завалил, сука! – свистящим шёпотом яростно заговорил Седой и, схватив левой рукой парня за грудки, легко, как пушинку, привлёк к себе. – Тихо нужно было в окошко прыгать, без шухера! Соседи... падла!..

В ту же минуту Игорь почувствовал страшный, как кувалдой, удар в подбородок и, зажмурив глаза, из которых, казалось, так и сыпанули искры, полетел на землю...

5

...Игорь вскочил на ноги и побежал по скверу. Сквер начал быстро густеть, раздаваться вширь... В то же время ветви деревьев переплетались, цепляясь за волосы, за одежду. Игорь еле пробивался сквозь сплошные зелёные заросли, а позади всё явственнее чувствовалось сиплое, зловещее дыхание настигавшего его Седого. Игорь обернулся, но – о ужас! – вместо Николая он увидел огромного матёрого волка с головой Седого и свирепо оскаленной пастью, с длинными, похожими на ножи, острыми когтями на сильных лапах. Волк уже совсем близко, ещё рывок, ещё...

Игорь в страхе, как на крыльях, перелетает через забор, прямо через окно врывается в дом и... спасение! Это дом бабы Лизы. Но странно, она его почему-то совсем не узнает... Глухо, как будто издали, доносится её дребезжащий голос: «Игорь, верни золотой кулон моей внучке! Сейчас же верни...»

Рядом с бабкой появляется вдруг Надя. Она протягивает к нему руки и с улыбкой просит: «Игорь, отдай мне кулон! Зачем он тебе нужен?»

«Но ты же совсем не её внучка!» – хочет в отчаянии закричать Игорь, но голоса нет... Да и всё тело отказывается повиноваться ему. Как парализованный, он не может двинуть ни рукой, ни ногой. И тут вместо бабы Лизы опять является Николай с волчьей мордой. Он протягивает к Игорю громадную волосатую лапу, а в ней – всё тот же злополучный золотой кулон...

«Нужно проснуться! – твёрдо решает Игорь. – Это всё только сон. Вот проснусь – и всё будет совсем не так, всё обернётся по-старому!»

Седой вдруг яростно бросается на него – и Игорь, сделав невероятное усилие, просыпается.

«Вот и всё! Это ведь был просто-напросто кошмарный сон, – с радостью думает он, – а наяву нет никакого «дела», нет Николая, золотого кулона и прочей невесты откуда взявшейся чертовщины». Он, Игорь, – в армии. Кругом – привычные лица сослуживцев...

Как же всё-таки хорошо сознавать, что не гонится больше за тобой получеловек-полуволок Седой и не нужно больше ни от кого

спасаться! Всё, что было до этого, – всего лишь ему приснилось, а сейчас – служба...

Но самое радостное и приятное то, что приехала его невеста, Надя! Какая всё же она хорошая! Главное – сумела приехать в Германию, где служит Игорь. Сюда ведь никого не пускают.

Он с радостью спешит навстречу любимой, и вдруг сердце в груди приятно замирает: под ногами лежит золотой кулон! Точь-в-точь такой же, как и во сне. Игорь поднимает его и замечает рядом внушительную кипу бумажных денег... Потом – ещё одну, и ещё! Ему уже некуда девать эти деньги. Он сует их за пазуху, в карманы, в вещмешок, а они всё появляются и появляются, словно грибы после дождя...

Они с Надей – на лесной поляне. Он и Она... И густая, сочная трава в половину человеческого роста. Потом они лежат, надёжно скрытые от посторонних взглядов. Игорь всем своим существом чувствует нежное девичье тело, но не забывает время от времени ощупывать набитый деньгами вещевого мешок: при нём ли? Мешок он положил под голову. Но, боже, что это? Вместо вещмешка Игорева рука нащупывает обыкновенную пуховую подушку... Денег нет! Но, постой, где же Надя?..

Игорь, ещё плохо соображая спросонья, да и с похмелья, судорожно шарит под подушкой, с недоумением оглядывает пустое место рядом с собой, где совсем недавно была Надя.

– Приснится же, чёрт побери, такое!..

...В этот день должен был состояться делёж добычи, и сон о бумажных деньгах оказался в руку.

Седой дал им с Соколом по две тысячи каждому и угрожающе предупредил:

– Пока на время припухаем! Будете нужны, найду. И чтобы без базара... Самим – никаких дел. Узнаю – удавлю, как щенков, урки!..

Игорь был рад услышанному. После недавнего случая с разбитым трюмо он окончательно пал духом и очередного «дела» наверняка бы не выдержал. По-видимому, Седой это тоже понимал, а может, просто хотел от них отвязаться... Так или иначе, приятели на время получили относительный покой и свободу. Игорь, тоскуя по Наде, беспробудно запил, пока, в конце концов, не «загремел с машины».

Сокол уволился с работы и, подцепив какую-то кралю, каких хоть пруд пруди по вечерам на улицах, укатил с ней на море, в Сочи.

А ещё через месяц Игоря послали в совхоз...

6

Золотарёв приятно удивился, заметив у райисполкома, среди толпы незнакомых молодых и немолодых людей, отъезжающих на уборку, горбоносую физиономию Андрея Горохова.

- Привет, Андрей! Ты что, тоже в совхоз?

- Ага, в Суховский, а тебя?

- Чёрт побери, меня в Будёновский, - огорчился Игорь, ещё раз заглянув в своё командировочное удостоверение.

Мимо них проходил озабоченный работник райисполкома.

- Можно вас на минуточку? Извините, пожалуйста... - опрометью бросился к нему Игорь...

Через несколько минут всё было улажено.

- Вместе едем, Андрей, в Суховский рисосовхоз, - хлопнул приятеля по плечу Золотарёв. - Ты что, не рад?

Горохов натянуто, без энтузиазма, улыбнулся и первым полез в подкативший к исполкому «пазик». Игорь последовал за ним, на ходу читая Андреевы мысли:

- Что, думаешь, чёрт меня сюда поднёс, не сам я пришёл?! Так ведь? Эх, Андрей, Андрей, одиноличный ты человек. С гнильцой... Но ничего, я тебя в совхозе перевоспитаю!

Несмотря на вчерашние неурядицы, настроение поднималось с каждой минутой. Вчера, блудя гордость, он заслал мать с отчимом на разведку к бабе Лизе... Надя не пришла.

«И вообще, чёрт знает что у нас с ней происходит, - думал, усевшись рядом с Гороховым, Игорь. - На прошлой неделе сама прибежала! Явилась не запылилась в самый неподходящий момент.

Знал я, что ли, что придёт? Ведь поссорились же... Если б знал - не было бы ни Витьки Ковальчука с Косым, ни тех «мочалок»... Откуда только Витька с ними взялся!

Чепуха какая-то получилась... Да и вмазали тогда не слабо. Почти ничего не помню, отключился... Мамаша говорит: Витька с Косым провожать её пошли, Надьку. Сволочь этот Ковальчук... Да и она сама хороша! Первому встречному на шею вешается, тьфу... Одно слово - баба!

Кулон в форточку выбросила, а там, под окном, – малышня в песочнице... Еле отобрал потом. Вещь-то ценная, золотая... Надпись на обороте чудная: «Дорогой внучке Раисе от бабушки в день совершеннолетия»...

Игорь машинально тронул висевшую на шее золотую цепочку, на которой вместо кулона болталось ненастоящее, сувенирное лезвие, купленное вчера в киоске «Союзпечати». Кулон лежал в пистончике брюк, вместе с мелочью.

«С Витькой в тот раз поцапались из-за Надьки. Приревновал, дурак... А впрочем – правильно! Пускай не наглеет. Ему, Ковальчуку, только дай волю... Отобьёт, зараза. А может, уже отбил?.. Ещё этот совхоз так некстати! Ладно, после будет видно...»

Автобус битком набит молодыми девчатами-студентками. У Андрея Горохова даже глаза разгорелись...

Игорь вынул из чёрной кожаной сумки, с которой ходил недавно на «дело» в Новочеркасске, магнитофон «Весна», с удовольствием нажал клавишу. На весь салон щемяще зазвенели переборы цыганских гитар, и гортанные женские голоса затянули что-то длинное, как дорога в степи, и заунывное, как плач по покойнику.

– Здорово поют! – похвалил сидевший напротив Игоря красивый черноволосый парень в очках, по-видимому, студент. Приветливо протянув руку, представился: – Сергей Шварц и компания... в смысле – большинство находящихся здесь девушек... Мы из РГУ. Самое интересное, что я среди них – один, как рыцарь печального образа!

«Свой парень!» – решил в душе Игорь и крепко пожал протянутую руку.

Колёса диктуют вагонные,

Где срочно увидеться нам, –

– звонко затянула вдруг девчонка, сидевшая позади Игоря. Несколько голосов сейчас же подхватили популярную эстрадную песню, заглушая цыганские страдания Игорева магнитофона.

– Вот горластые! А ну-ка, Игорь, прибавь децибелов, – по-свойски посоветовал Золотарёву очкастый Сергей.

Игорь вывернул ручку громкости до предела.

В Москве ночные улицы

В неоновых распятиях.

У ресторанов блудницы

Целуются в объятиях, –

заорал теперь магнитофон на всю левобережную степь, так что от шоссе испуганно шарахнулись пасшиеся неподалеку коровы...

Часа через три непрерывной степной гонки остановились на обед в безлюдном пыльном селе, где на изрытой колеями с засохшей прошлогодней грязью площади кособочилась какая-то забегаловка.

– Андрей, ты как насчёт этого самого?.. – осведомился Игорь, щёлкнув себя пальцами по кадыку, и вынул из сумки аппетитную, белую как слеза, бутылку «Сибирской».

– А может, ну его, Игорь? Жарко, – попробовал увильнуть Горохов, но Золотарёв был неумолим. Так что, в конце концов, Андрей согласился принять «пятьдесят капель».

Сергея Шварца долго уговаривать не пришлось...

– Немец, что ли, по нации? – с любопытством выспрашивал у нового приятеля Игорь, сидя в вышеупомянутом заведении за столиком и дожидаясь, пока Андрей Горохов принесёт закуску.

– Еврей я, – ответил Шварц и зачем-то поправил очки.

– Ну, мне, Серёга, всё равно, – потрепал его по плечу Игорь, – хоть ты еврей, хоть татарин, – лишь бы человек был хороший. Верно?

С соседнего столика, тесно уставленного бокалами с пивом, в их сторону посматривала другая компания ребят, ехавших вместе с ними в «пазике»: щуплый, невысокий, с монгольским типом лица парень и ещё двое. Игорь отметил только то, что один из них был в очках, как Сергей Шварц, и без усов, другой, наоборот, с усами, но без очков.

– Эти чуваки не наши, – перехватив Игорев взгляд в сторону компании, поспешил с объяснением Шварц, – не из нашего университета... Рассказать последний анекдот про Брежнева?..

Между тем Андрей Горохов притащил на подносе закуску. Игорь, быстро откупорив водку, уверенной рукой налил в стаканы и, стукнувшись со всеми, выпил первым.

– Не могу – болею после вчерашнего, – проговорил он затем, как бы извиняясь, и заметно ожил.

– Так говоришь, Серый, эти чуваки не из университета?.. Почему же тогда в очках?! Андрей, разберись сейчас же. Если что не так – по очкам!

Тот промычал что-то нечленораздельное и отмахнулся.

- Ах да, Горохов, ты ведь ещё не прошёл полный курс моего воспитания, - продолжал беззаботно балагурить Игорь и снова налил в стаканы. - А как тебе девочки, Горох? Ничего, а?..

Андрей отмолчался. Однако под влиянием выпитой водки всё чаще посматривал на перекусывающих за соседними столиками студентов.

- Может, с собой прихватим пару пузырьков? Сергей, ты не против? - предложил, запуская руку в карман, Игорь. На свет явился хрустящий, совсем новенький червонец, и Шварц, немного помедлив для приличия, поспешил на улицу, к гастроному...

В Суховский рисосовхоз прибыли под завязку жаркого августовского дня. Привезли их в какое-то отделение совхоза, в дальний степной посёлок. Вышедший из правления мужчина начал переписывать всех в пухлую конторскую книгу. Процедура затянулась надолго.

Когда очередь дошла до Игоря, предпочитавшего всегда оставаться в последних рядах, и произошло вдруг то, что иначе и не назовёшь, как гром среди ясного неба!..

Нет, мужчина с тяжёлым конторским «гроссбухом» не учуял запаха «Сибирской», обильно исходившего от Золотарёва, - в конце концов, от него самого чем-то таким пахивало... Не случилось и других каких-либо непредвиденностей. Игорь просто увидел глаза... Страстные, испепеляющие и в то же время презрительно-гордые глаза девушки - той самой Раисы, с которой они как-то ходили на «Экипаж» в Новочеркасске! Да, да... дом которой они потом ограбили с Седым и Угрюмым. И мало того - чей кулон был сейчас в кармане у Игоря, а цепочка от него - на шее.

Снова, как и тогда, на «деле», когда в доме вдруг появился хозяйский сын, сработал инстинкт самосохранения, и в голове у Игоря мелькнула паническая мысль: «Бежать!» Но, как и тогда - Седой, сжал сейчас его руку новый приятель - студент Шварц, уловив замешательство Золотарёва и поняв его по-своему...

- Ничего девочка, Игорь?! Наша это, из университета. Райка Бараш. Хочешь, познакомлю?

- Сам познакомлюсь, отвали, Ганс! - зловеще прошипел Игорь и так глянул на Сергея, что тот обиженно отошёл в сторону.

Между тем, видя, что все начинают уже разбредаться кто куда, а явно узнавшая его Рая не предпринимает никаких решительных

действий, Золотарёв немного приободрился и начал приходить в себя. Нужно было срочно выпутываться из этой критической ситуации.

Рая, сделав шаг навстречу, заговорила первая. В голосе её слышались презрительные нотки:

- Что ж, здравствуй, научный сотрудник... или как там тебя?.. Фамилию вот только запомнила. Но точно помню, что не Золотарёв и не Игорь.

- Я тоже забыл, - проговорил, через силу улыбаясь, Игорь, - Сокол наспех сбрыхал, а я вот не запомнил. Записать нужно было. - Он решил играть в открытую, а там - будь что будет.

- Кулон-то отдашь, сотрудник? А то в милицию придётся заявлять!

- Бабушкин подарочек?.. - Игорь равнодушно снял с шеи цепочку, отсоединив, выбросил сувенирное лезвие, а на его место повесил кулон.

- Прошу, девушка!.. Только зря вы - насчёт милиции. Нашёл я его, кулончик-то ваш. Как раз на железнодорожной станции. Воры, наверное, в темноте обронили... Вас случаем не обокрали?

- Да, через несколько дней после «Экипажа». Когда родители на море уехали.

- Думаете, что мы, девушка?

- Нет, думаю, что вы сами себя обокрали! - брезгливо взглянула на него Раиса. - Ты и твой дружок Сокол или, как он отрекомендовался, Афиноген Заболоцкий, инженер-конструктор липовый... А как трогательно распрощался он со мной в тот раз на перроне вокзала! Какие сентиментальности... Море слёз, горы обещаний... Поезд «Москва - Баку»... Всё - как в кино. Кто бы мог подумать!.. - В глазах девушки сверкнуло негодование. - А ведь я вас потом видела в Ростове. После всего этого... Вместе с Афиногеном. Вы на Кировском в такси садились с какими-то «машками». Так что не трясись, сотрудник, если б хотела - тогда бы ещё вас в ментовку сдала!

- Побоялась?.. Или Сокола пожалела? Чую, нравился он тебе. - Игорь нервно скривил губы в короткой усмешке. - Только всё равно бы ни черта у тебя не вышло. Улик-то против нас никаких! Докажи попробуй!.. И на цепочку эту плевать - не было её у меня! Не было - и всё тут, свидетелей нет. Докажи! А я сколько хочешь свидетелей себе куплю, что угодно наговорят. Так-то, золотая рыбка!

– Дурак ты, пожалуй, как и твой Сокол-Заболоцкий, – горько вздохнула Рая. – И не пожалела я вас вовсе – очень нужно... Что мне до вас и до денег папиных? Плевать... А ты... если хочешь – кулон этот ты мне продал, согласен? В долг пока, в следующее воскресенье съезжу домой, привезу «бабки»! По госцене...

Крутнувшись на каблучках, Рая поспешила к своим девчонкам...

7

Вновь прибывших «целинников» разместили в двух смежных комнатах невзрачного одноэтажного общежития, больше напоминающего конюшню или лагерный барак для заключённых. Обе мужские компании, благодаря всё тому же вездесущему Сергею Шварцу, объединились, ибо «феодалная раздробленность» в подобных условиях могла привести к тому же, к чему когда-то привёл Киевскую Русь опрометчивый поход князя Игоря на половцев...

А всё дело в том, что во второй же вечер их пребывания в совхозе общежитие окружили несметные полчища поселковых парней – «местных», как их называют приезжие, – прослышавших о новой партии студенток из города. Как водится в таких случаях, завязались мимолетные знакомства, зазвучала музыка из принесённых «местными» магнитофонов. Девушкам вскоре загорелось в поселковый клуб, на танцы. За ними потянулись и приехавшие из Ростова ребята. В общежитии остались только Андрей Горохов с невысоким атлетического телосложения усатым парнем – бывшим десантником, которого звали Женя, да... недопитая бутылка кальвадоса – «напитка богов», как остроумно выразился Сергей Шварц...

Поселковый клуб находился в плачевном состоянии: ступеньки – выщербленные, давно утратившие прямоугольную форму; у входа – ни рекламных щитов, ни объявлений, так что непонятно: клуб это или что иное.

В фойе, на старом бильярдном столе с лохмотьями зелёной обтяжки, мёртвым сном спал взлохмаченный краснорожий парень в грязной спецовке и громадных кирзовых сапогах с кусками засохшей глины на каблуках и подошвах.

– Во, глядите – запорожец за Дунаем, – пошутил Игорь Золотарёв.

Студентки прыснули. С интересом разглядывая помещение, прошли в зрительный зал. Здесь царило такое же дикое запустение: некрашенный пол, низкий, сильно просевший

потолок, грозивший обвалиться на голову, дырявый, как будто по нему палили из малокалиберных винтовок, киноэкран.

Жалкую картину являл собой и так называемый читальный зал, куда заглянул с несколькими девчонками Игорь. Посередине помещения – бывший бильярдный стол с отломанными бортами, покрытый двумя старыми гардинами, имитирующими скатерть. Поверх – несколько январских газет и два изорванных журнала. По стенам – наспех замазанные трещины, дырки от выкорчеванных «с мясом» розеток, на потолке – жёлтые пятна, свидетельствующие о прохудившейся крыше, в углу – целая батарея пустых бутылок из-под кальвадоса.

Одна из девушек, черноволосая смуглянка Марина, которую Игорь приметил ещё в автобусе, лениво полистала журнал и, покачав головой, выразила общее мнение:

– Разруха какая-то, як после войны!

– Или после Мамаева нашествия, – дополнил её высказывание Игорь.

Девчонки снова засмеялись, а Марина внимательно, с интересом взглянула на Золотарёва...

Из танцев, как и следовало ожидать, ничего путного не вышло. В клубе местных парней было ещё больше, чем около общежития. Все они были пьяны и вели себя вызывающе. Так что, в конце концов, вызвав на улицу, за угол клуба, высокого интеллигентного вида мужчину в очках – Вадима, который им чем-то не приглянулся, ни за что ни про что надавали ему по шее. Потом колотили его товарища, худощавого невысокого «татарина», как окрестил парня с монгольским типом лица Игорь. Парень этот, впрочем, был вовсе не татарин, а корейцем Лёшей Цоем.

Сергей Шварц от экзекуции уклонился. Мало того, он весь вечер заводил с местными ребятами какие-то подозрительные знакомства, вероятно доказывая, по своему обыкновению, что он – парняга «свой в доску»!

Игоря тоже пока не трогали. Да он и не лез на рожон. Даже не танцевал на сцене, как это проделывал кореец Лёша. Золотарёв вообще не любил танцевать, тем более – в незнакомой компании. Он незаметно разговорился с симпатичной черноволосой украинкой Мариной и сидел теперь с ней в зрительном зале, у стены, рассказывая анекдоты и всякие забавные случаи из своей жизни. Игорь был блестящим рассказчиком, особенно когда выпьет. Девушка так и покатывалась от хохота, зажимая одной ладонью рот, а другой вытирая слёзы.

- Идёт урок в первом классе грузинской школы, - воодушевлённо говорил Золотарёв, - учитель читает известную народную сказку: «Дэд посадил рэпку...» Маленький Гога не слушает, рассеянно смотрит в окно. «Гога Самхарадзе, что было дальше?» - спрашивает учитель. «Рэпка отсидэл и зарэзал дэда!» - отвечает Гога.

Марина, хохоча, валится на плечо Игорю, умоляет прекратить, но по лицу видно, что ей нравится. Она, как и многие девчонки, тоже выпила в общепитии «сельповского» кальвадоса. Под глазами у неё чёрные пятна от потекшей туши. Девушка промокает их носовым платком.

- Почему камбала плоская? - продолжает балагурить Игорь.

- Ни знаю, - прыснув, качает головой Марина.

- Потому что переспала с китом! А почему у рака глаза вылезли?

- Ну?

- Потому что он это видел!..

Игорь ощущает необычайный прилив радости и внутренней энергии, так как на сцене, среди танцующих, появляется Рая Бараш. Он сам не знает, почему это происходит, но от одной только мысли, что эта девушка - здесь, почти рядом, хочется ликовать, как в детстве, когда купят новую, понравившуюся, давно облюбованную в магазине игрушку.

Неужели - любовь с первого взгляда?..

Боясь признаться себе в этом, Игорь частенько вспоминал по ночам её профиль, каштановые, чуть вьющиеся волосы, строгий румянец, небольшой, с едва уловимой горбинкой, узкий нос...

Раиса танцевала с подругой... Украдкой следя за девушкой, Золотарёв начинал просто сходить с ума от её лёгких, элегантных движений. «Какая грация и женственность, - в восхищении думал он. - Ни малейшего лишнего жеста. Как будто роль в спектакле играет... Королева! Королева красоты...»

Увлёкшись, Игорь не заметил, как постепенно исчезли из клуба все его новые приятели и добрая половина девушек, и он оказался в окружении безбрежного моря «местных». Подобно моменту, описанному в «Слове о полку Игореве», - тучи над степью сгущались. Так сказать, «несметные половецкие рати» плотным кольцом обступали поредевшее Игоревое войско, и «не светило» уже ему «испытать шеломами Дону». Приходилось поскорей убираться восвояси.

Решительная битва произошла на мрачном клубном дворе. Кто-то спросил у вышедшего Игоря закурить, и, пока он лазил в карман за сигаретами, сбоку сильно саданули по уху, а потом ещё – коленом под зад. Игорь тоже кого-то двинул, не оглядываясь, и, увлекаемый своими немногочисленными спутницами-студентками, поспешно ретировался в общежитие.

Там в это время происходил, так сказать, суд чести. Разбиралось персональное дело Сергея Шварца... Обвинения выдвигались самые тяжкие: измена и постыдный сговор с неприятелем в условиях начавшихся уже возле клуба военных действий... О пощаде, естественно, не могло быть и речи.

Главные обвинители – в то же время свидетели и потерпевшие – Лёшка Цой и его товарищ Вадим, поблескивавший единственным оставшимся в оправе очков стеклом, требовали для подсудимого «высшей меры»...

Предоставили последнее слово Шварцу.

– Друзья, – печально обратился Сергей к собравшимся, – я делаю всё от меня зависящее, чтобы предотвратить невыгодную для нас драку, а вам казалось, будто я «шестерю» местным! Но ведь вы же не знаете: вначале они хотели нас всех порезать! Дело в том, что в прошлом году у них в посёлке жили командированные москвичи – одни парни – и здорово им тогда накостыляли. Говорят, что даже участковому досталось... Вытаскивали прямо из домов и били, баб насиловали... Вот они и обозлились. Поверьте, друзья, я перезнакомился с доброй половиной местных орлов... но другая половина оказалась сильнее, а главное, наверно, – пьянее!.. Отсюда и все последующие эксцессы.

– Врёт, подлец, – он им «шестерил»! Он меня из клуба на улицу вызывал, – негодуяще выкрикнул Лёша Цой с огромным и страшным иссиня-багровым синяком под глазом.

– Вызывал. А зачем ты на сцене, как козёл, прыгал? – обиженно возразил Шварц. – Ты скажи спасибо, что именно я тебя вызывал, а не кто другой! Кто тебя после первого же удара со двора вывел и от местных загородил, – не помнишь?! Мне, между прочим, тоже от них досталось.

Это решило исход разбирательства. Сергей был единодушно реабилитирован, восстановлен в правах и снова занял подобающее место в «полку Игоревом».

Всю последующую неделю собирали на совхозных полях помидоры. Игоря, как шофёра, определили вначале в ремзону, помогать ремонтировать трактора и другую сельскохозяйственную технику. Грязный и злой, он до вечера провалялся под старым разобранным «ДТ», а на следующий день решительно пошёл к управляющему и устроил грандиозный скандал. Это подействовало – и Золотарёва вместе со всеми послали на помидоры.

Гордая Раечка, несмотря на все ухищрения Игоря, по-прежнему не желала его замечать, и он, в отместку, переключил своё внимание на новую знакомую – Марину. Она была родом из Прикарпатья и называла себя чудно: Маричкой. Игорю нравилось это имя. Он вообще с детства любил всё украинское, и, хотя сам был по отцу донским казаком, возможно, что в жилах его текла и украинская кровь...

– А как будет по-вашему хлеб? – спросил Игорь у собиравшей рядом помидоры Марички.

– Хлеб, – отвечала она, смеясь.

– А рассвет?

– Свитанок.

– Хорошо, сви-та-нок, – мечтательно произнёс Золотарёв. – А на Украине все такие гарные дивчата, як ты, Маричка?

– А ты приезжай, побачишь!

– А где ты живёшь?

– В Черновцах...

Золотарёв сам не понимал, что с ним происходит. Ему решительно начинала нравиться эта смешливая чернявая украинка. В то же время ничуть не меньше нравилась и Рая Бараш. И это при всём том, что Игорь ни на минуту не прекращал думать об оставшейся в городе Наде! Бывает разве такое?..

Бывает, ещё как бывает! Особенно когда тебе двадцать с небольшим и сердце, настезь распахнутое для поэзии, не успело ещё зачерстветь и ожесточиться в суровых перипетиях жизненной прозы. Всё бывает...

Помимо всего прочего, Игорь активно увлёкся местным кальвадосом, за которым регулярно, каждый вечер, бегал в «дежурку» Андрей Горохов на перемену с Сергеем Шварцем.

Между тем жизнь в совхозе текла своим чередом. Неприятные стычки с поселковыми ребятами больше не повторялись, и

студентки, осмелев, стали снова заглядывать в клуб. Почти с каждой из них уже гулял какой-нибудь ухажер из числа местных или своих. К Раисе подлачился бывший десантник Женя, который приехал в совхоз от геологической экспедиции. За Маричкой увивался совхозный тракторист Володя. Серёжка Шварц и Вадим тоже подружились с какими-то, некрасивыми, на Игорев взгляд, студентками. Даже у Лёшки Цоя завелась подруга – особа на целую голову выше своего кавалера, что вызывало постоянные шуточки товарищей по его адресу. Только Андрей Горохов оставался верен себе и, как всегда, не смог ни с кем познакомиться. Он был слишком стеснителен и, как только замечал рядом с объектом своего внимания что-то напоминающее конкурента, сейчас же отходил в сторону. Андрей руководствовался известным правилом: третий – лишний, как бы монополизировав за собой роль всегдашнего лишнего. Горохов, по меткому замечанию Игоря, был, что называется, ни рыба ни мясо!

Однако лишним неожиданно оказался и Золотарёв...

9

– Ну откуда, откуда у него всё это?..

Мать Игоря, чуть не плача, плюхнулась на жалобно заскрипевшую под тяжестью её грузного тела софу в комнате сына. На софе – аккуратно, как в магазине – были разложены всевозможные предметы и вещи, среди которых были: транзисторный приемник «Океан», дублёнка, новенький джинсовый костюм, ондатровая шапка, свитер толстой вязки, импортная кофта «ферари», кожаный пиджак. На полу стояли модные, на высоком каблуке, полусапожки. Отдельно, на столе, громоздилась ещё целая гора всякой всячины: несколько увесистых часов с браслетами, золотая печатка, духи с заграничными этикетками, на которых были изображены алые розы, колода цветных порнографических карт, пачки иностранных сигарет в пластмассовых коробках, зажигалки, запонки, несколько перочинных ножей и самодельная, с наборной цветной ручкой, финка...

– Ну скажи, откуда? – жалобно взглянула Михайловна на пристроившуюся тут же, на табуретке, бабу Лизу. – И всё это началось после того, как он с Надькой познакомился! Ты, мать, ничего за ней такого... не замечала?

– Ага, мне только за ними смотреть оставалось, – всплеснув руками, недовольно огрызнулась старушка. – Она, Надька-то, всё время, почитай, у вас пропадала... Может, у банду какую

улезли? Ох, господи... Вон тётка Ирка на днях рассказывала...

Когда баба Лиза ушла, Михайловна, так и не придя ни к какому решению, принялась поспешно запихивать все вещи в кладовку. Думала с ожесточением: «Выведу же эту шалаву Надьку на чистую воду. Всё расскажет как миленькая!»

Когда сгребла с софы кожаный пиджак, на пол шлёпнулся завернутый в газету пакет... «Деньги!» – мелькнула мысль.

Подобно сапёру, обнаружившему мину неизвестной конструкции, она стала осторожно, трясущимися руками разворачивать газету. Увы, денег в пакете не оказалось.

Глазам Михайловны предстали старые, потрёпанные письма без марок, с характерным, таким знакомым штемпелем полевой почты. «Из Германии!» – определила, едва взглянув на конверт, – сама два года получала подобные конверты от Игоря.

Первое письмо датировалось двенадцатым июля. Михайловна подошла к столу, села.

«Привет из Галле-Нейштадта!» – прочла она первую строчку и тут же почему-то обрадовалась: «Игорь в этом же городе служил!»

«Здравствуй, Раиса! Извини меня, что так долго молчал – целых восемнадцать дней! Каюсь – и весь в твоей власти. Готов нести самое суровое наказание, вплоть до «высшей меры»... Твой, Раиса, прокурорский голос, изрекающий: «Обжалованию не подлежит!» – прозвучит в моей счастливой голове трелью соловьиной! Хотя ты, кажется, будешь учиться не на прокурора, а на следователя?.. Каюсь, я весьма смутно себе представляю, на кого учат на юридическом факультете.

Видишь ли, Рая, ездили на небольшое ученье. Просто сходил с ума и однажды даже хотел бросить письмо в «камрадовский» почтовый ящик, но Юрка Вдовин остановил. Всё равно не дойдёт, да и замполит взгреет, если узнает, за подобные фокусы. Но как это – не дойдёт, Раиса? Ведь люди же они, камрады, или не люди?! Почему не дойдёт – если я тебя так люблю!

Да, Рая, о Юрке. У него большое несчастье. Я как-то писал тебе о его девушке Наде Яловой – она ему изменила! Но ты не думай, Раиса, что она такая же, как все эти... что, не дождавшись парня из армии, выскакивают замуж за первого встречного, лишь бы был с большими деньгами. Нет, замуж она не вышла, просто написала, что полюбила другого парня. По-честному... Понимаешь, Раиса, парень этот и не думает на ней жениться, а она его всё равно любит! Я её, Раиса, не осуждаю. А Юрка... Если

б ты видела его в ту минуту! Человек, теряющий всё, идущий на плаху, выглядел бы, по сравнению с ним, счастливым. Ты понимаешь, Рая, Юрка человек принципа, он однолюб! Как-никак – за восемь месяцев службы узнал его предостаточно. В армии вообще быстро узнаёшь человека. Особенно здесь, в Германии. Ты представить себе не можешь, что значит для такого парня, как Юрка, письмо с подобным известием!

Я не отхожу от него ни на шаг, успокаиваю, как умею. Он как ребёнок сейчас. В общем, об этом хватит. Рая, как дела с университетом? Сдала вступительные экзамены? Когда в колхоз? Напиши. Целую и жду! Раиса, осталось каких-то семнадцать месяцев. Считаю каждый день, а как взгляну на твою фотографию – день начинает казаться годом! Когда же, когда они пройдут, эти семнадцать месяцев?!

Рая, учись как следует! Я здесь уже буквально всё позабыл. Приеду – будешь меня за уши подтягивать. Мой следователь! Тебе это ужасно идёт, Райка. Следователь Раиса Бараш!.. Хотя, мне кажется, адвокатом быть лучше. Но – смотри сама. Я после службы, возможно, пойду в милицию. Будем тогда на пару искоренять преступность! Я уверен, Раиса, ты возьмёшь этих субчиков в ежовые рукавицы!

На этом пока закругляюсь. Из коридора доносится громоподобный бас нашего любимого (в кавычках) старшины Сатюкова, чтоб он жил на одну старшинскую зарплату, как говорил Папанов в кинофильме «Бриллиантовая рука». Целую ещё раз, Раиса! Пока – только твоё уменьшенное в несколько раз изображение. До скорого – через семнадцать месяцев! Пиши. Жду с нетерпением. Привет твоему брату и родителям! До свидания, а по-здешнему – ауфидэрзейн! Вечно твой Вовка».

10

– За юридический! – торжественно произнёс, поднимая стакан с водкой, заметно уже хмельной Сергей Шварц и подмигнул сидевшей тут же, за столом, в мужской комнате, Рае Бараш.

– И за ваш, Сергей, биолого-почвенный! – поддержала его Раиса, беря со стола водку. Предложила подругам, пришедшим вместе с ней на мужскую половину, в гости: – Давайте, девочки, вздрогнули! Не стесняйтесь.

– А ну, дружно взяли! Раз, два, три, – весело вскричал, пытаясь обнять сразу трёх студенток, Сергей Шварц. В то же время, с сожалением глянув на почти пустую бутылку «Русской», неуверенно добавил: – Кто не выпьет – выльем за шиворот!

- Серёга, а что такое юридический? - поинтересовался также осоловевший уже Игорь. - Для милиции это, да?
 - В принципе, да! - кивнул головой Шварц. - Вон Райка тебе объяснит, она на юридический поступила... Объяснишь, Раиса батьковна?
 - За милицию не пью! - капризно скривился, отставляя стакан с «белой», Игорь Золотарёв.
 - За шоферов! - подал голос Андрей Горохов и незаметно отлил из своего стакана в Игорев.
 - Ценю, - благосклонно взглянул на него Золотарёв и выпил...
Вошёл, стряхивая с кепки капли дождя, Лёшка Цой.
 - Алёха, к ноге! - крикнул, увидев его, разошедшийся ухарем-купцом Игорь, и взял из рук Сергея бутылку.
 - Не хочу я пить, - сердито буркнул, проходя мимо, Лёшка, - и тебе не советую!
 - Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт, - съехидничала одна из девчонок.
- Раиса звонко расхохоталась, она была пьяна. По причине зарядивших проливных дождей в поле не работали уже около недели. Скучали в общежитии, до одури слушали надоевший Игорев магнитофон, пили. Золотарёв, пользуясь отсутствием бывшего десантника Жени, который вместе с Вадимом работал в Сухом на овощной базе, вновь попытался «подъехать» к Раисе...
- Сейчас он сидел рядом с девушкой на неприбранной, со скомканными простынями кровати и, то и дело наклоняясь к ней, пробовал завязать разговор.
- Ты на меня не сердись, Рая?
 - Отстань, Золотарёв.
 - Не отстану, скажи, что не сердись!
 - Не загружай, прошу тебя!.. И давай, пожалуйста, без рук. - Поморщившись, девушка убрала его руку со своего плеча.
 - Эх, не любишь ты меня, не жалеешь, - горько вздохнул Игорь.
 - Я, может, со всей душой... Мне, может, за тот случай... стыдно! А ты - «отстань».
 - Довольно и того, что не заявила на вас. Да и вообще, что тебе ещё от меня нужно? - Рая гневно сверкнула глазами. - Если денег за кулон - привезу, как обещала! Сейчас, видишь,

дожди... Насчёт всего остального – сам, по-моему, знаешь... Если, конечно, это твоя работа, а не кого-нибудь из ваших дружков-уголовников... Уж не знаю, кто из вас такой любитель чужих лирических переживаний.

– Каких переживаний? – ничего не понял Игорь. – Ерунда какая-то...

– А таких, которые в письмах пишутся и из Германии в Союз любимой девушке отсылаются. Сам в армии, наверное, служил, – знаешь.

– Всё равно – не врублюсь, – пожал плечами Золотарёв. – А переживаний у меня и своих по горло, на черта мне ещё чужие! Всё кувыркком катится, Рая. Тону я, понимаешь!

Распалившись, Игорь выхватил вдруг из заднего кармана джинсов бумажник, откуда вместе с двумя пятёрками выпала небольшая фотография...

– Эй, Горох, сгоняйте со Шварцем в «дежурку». А хочешь, один топай, только побыстрее. Вмазать хочу! – приказал, передавая деньги Андрею.

– Ну вот, опять я, – недовольно пробурчал Горохов, но в магазин пошёл.

– Кто это? – подняла оброненную фотографию Рая.

– Так... жена бывшая, – вяло проговорил Игорь. – Не обращай внимания, это всё мелочи жизни. Главное то, что сейчас я совершенно один! – Игорь яростно швырнул под кровать скомканную сигарету, извлёк из пачки другую. – «Предки» у меня – дрянь! Обыватели несчастные. Коптят небо... Сами не знают, для чего живут. Пахана вообще нету – отчим, козёл!.. Мамаша всю жизнь старшую сестричку обхаживает, она в Волгодонске за капитана-речника «выскочила». Я – как пасынок!.. Вон бабуся у тебя, Рая... золото внучке... кулоны... А у моей – снега зимой не выпросишь, удавится за копейку!

– Нет её больше, – вздохнув, прервала его девушка.

– Кого нет? – не понял Игорь.

– Бабушки. Четыре года назад умерла. Кулон вот только и остался на память... Знала она, видно, что не доживет до моего совершеннолетия, заранее подарок приготовила.

Игорю стало не по себе.

– Хорошая была бабка?

– Хорошая. Всю войну с санбатом прошла. Награды имела...

- Сволочь я, Рая! Самая последняя сволочь! - выкрикнул зло Игорь.
- Не надо, - горько вздохнула девушка, - фальшь это всё, притворство! Не верю я в это... Вся наша жизнь - притворство!
- И Женя-усы? - вопросительно взглянул на неё Игорь.
- При чём тут Женя! - окончательно рассердилась Раиса...

Часть третья

«Я вернусь!..»

1

«Рая, ты представить себе не можешь, какой это хороший товарищ - Юрка! Глядя на него, я представляю Надю, его девушку. Не ревнуй, пожалуйста, Раиса, но если бы не ты, я искал бы только такую девушку, как она! Юра читал мне её письма.

Рая, не обижайся, но с Юркой мы делимся всем! Твои письма я ему читал тоже...»

«Здравствуй, Раиса Альбертовна! Вот уже три месяца, как стал я солдатом Группы советских войск в Германии! Ты, Рая, просто представить себе не можешь, как мы все здесь ждём от вас, от девчонок, писем!..»

Утирая обильно струившиеся из глаз слёзы, Игорь читал эти взятые невесть зачем в чужом доме письма...

«Раиса, каждый раз, когда ты мне пишешь о двойке, полученной на уроке, я теряю аппетит и отдаю своё масло Юрке Вдовину. А это!.. О, ты, Рая, наверно, мне не поверишь, но масло для солдата - это всё! Недаром у нас есть такая поговорка: масло съели - день прошёл, старшина домой ушёл...»

«Недавно на моих глазах «бэтээр» задавило одного парня! Я так за тебя испугался, Рая... Пожалуйста, будь осторожнее, переходи улицу только на зелёный свет! Ведь в городе такое движение!..»

«Движение! - эхом отозвалось в Игорева голове. Уронив письмо, он судорожно впился пальцами в длинные волосы. - Да, да, движение... Шоссе... Как из ведра полощут косые

струи ливня... Впереди – крутой поворот... Резкая вспышка фар встречной машины...»

Он всё это помнит с фотографической точностью. До сих пор звучит в его ушах пронзительный визг тормозов. До сих пор, как живое, стоит перед глазами лицо Раисы Бараш, искажённое гримасой ужаса...

Чёрт его дёрнул уговорить девушку ехать вместе в Сухой с одним знакомым командированным шофёром... Из посёлка Сухой регулярно ходил в город рейсовый автобус. Но в Ростов Раиса больше не попала...

Сильный боковой удар при столкновении со встречной потерявшей управление, тяжело гружённой автомашиной на миг лишил Золотарёва сознания. Что было потом? Игорю показалось, что перевернулась земля. Это их «ЗИЛ» опрокинулся в кювет. Что-то острое, как нож, расплосовало кожу на лбу. Да, да, стекло... Игорь снова потерял сознание. Помнится нечто липкое и горячее как огонь, хлынувшее по лицу. Кровь – то ли своя, то ли чужая...

Сознание возвращалось медленно. По днищу перевернутого грузовика отчаянно барабанили крупные дождевые капли. Стояла непривычная звенящая тишина, или это звенело в голове Игоря?.. Золотарёв поднялся... Поднялся сверх своих сил, наверное, при помощи одной только мысли: «Рая!.. Где Рая?» Он чудом успел выскочить из машины. Девушка оставалась в кабине...

Так же, как сейчас слёзы, глаза заливала кровь, текущая из разбитой головы; руки почти по локоть утопали в раскисшем от воды, податливом чернозёме...

Дождь... Туман... Слякоть... Перевернутый, застывший кверху колёсами грузовик в глубине кювета. Другой – поперёк дороги... В кабине сквозь треснувшее при столкновении лобовое стекло видна упавшая на руль голова водителя.

Оскальзываясь и поминутно падая, Игорь обошёл вокруг перевернутой автомашины. Увидел, как из кювета на шоссе по-собачьи, на четвереньках, лез их водитель... Кто-то, возможно пассажир встречной машины, кликушески заголосил на асфальте.

«Рая!.. Где Рая?» – лихорадочно билось в голове у Золотарёва. Он с трудом открыл дверцу перевернутого грузовика и, вздрогнув, в ужасе отпрянул в сторону. К его ногам, в грязь, безжизненно шлёпнулось тело девушки. В застывших,

измазанных кровью полусогнутых пальцев запуталась цепочка золотого кулона... Всё было кончено!

2

Уезжая из Суховского рисосовхоза первым, Лёшка Цой дал Игорю свой адрес.

- Заходи обязательно! В шахматы поиграем... С женой тебя познакомлю, с сыном...

Лёшка последнее время не пил. Да и раньше не сильно увлекался этим делом, просто иногда составлял компанию. Подругу свою бросил, всё больше читал. Уединившись, подолгу рассматривал семейную фотографию, вздыхал...

Когда зачастили дожди и командированные днями околачивались в общежитии, изнывая от лютой скуки, Цой сходил к управляющему, и тот отпустил его домой – делать всё равно было нечего.

Игорь незаметно подружился с Цоем, брал у него почитать книги, которые тот привёз из дому. Лёшка отчаянно журил Золотарёва за пьянство, говорил ему часто по-дружески:

- Пропадёшь, если колдырять не бросишь! Сопьёшься... Жить нужно, Игорь. Жить, а не прозябать за бутылкой! Цель должна быть какая-нибудь!

- Какая? – спрашивал Игорь, веря и не веря Лёшке.

- Не знаю. Наверное, у каждого человека – своя! Я, например, в детстве был очень слабым, болезненным. На улице все обижали, особенно Петька Барин, – был у нас один тип: проходу никому не давал. Вот я и поставил цель – поколотить Барина! В школе спортом заниматься начал, закалялся. Как Суворов, знаешь. И в конце концов, в шестом классе, отлупил-таки Петьку Барина! А спорт с тех пор не бросаю, сейчас карате занимаюсь.

Игорь вспомнил недавний случай у поселкового клуба и улыбнулся.

- Что-то не видно твоего карате... Здорово тебе тогда от местных досталось, помнишь – на второй вечер у клуба?

Лёшка обиженно поджал губы.

- Со шпаной у меня другой разговор, стану я об них руки марать! Да и трусы они – каждый в отдельности, кодлой только герои. Один меня ударил тогда – и за чужие спины спрятался. Я говорю им: «Кто один на один хочет?» Никто не вызвался. Я развернулся и пошёл в общежитие. Больше не тронули!

Вернувшись в Ростов, Игорь сразу же пошёл к Цою, крепко сжимая под мышкой тетрадь со своими стихами... У него тоже была цель в жизни! Это он понял только сейчас, после трагической гибели Раисы. Нет, не ровня был Игорь всякой совхозной шпане, всяким ковальчукам и седым с угрюмыми. Стеной отгородила его от них недавняя смерть Раи! Да и не сама смерть так поразила впечатлительного Золотарёва – жизнь девушки. Тот короткий отрезок времени, пока видел её... так жестоко обманутую Сергеем Соколовым и всё же нашедшую в себе силы простить!

Стихи Лёшке понравились.

– Игорь, ты ведь такой молодец, такой молодец!.. Я даже не знал, право. Что ж ты дурью мучаешься? У тебя же талант, парень!

– Брось, Лёшка. – Игорь в сердцах вырвал у него тетрадку. – Сколько ни посылал – ни одна газета не печатает! Учись, говорят, повышай общеобразовательный уровень. А главное – мысли изменяй. Разве ты в свои двадцать с небольшим лет, в эпоху научно-технической революции, можешь мыслить, как гнилой дореволюционный интеллигент?! А если я действительно по-другому не могу! Если я такой, как Есенин!.. Если не волнует меня их научно-техническая революция?

– Ты не то говоришь, Игорь, – остановил его Лёшка Цой, – ты видишь в окружающей действительности прежде всего плохое! Тебе дела нет, например, до всего солнца, ты говоришь: ага, на солнце пятна!.. Я не спорю, много у нас ещё кругом недостатков – хоть пруд пруди. Но ведь, согласишься, хорошего несравненно больше! Запомни это, парень, и не паникуй. А если увидел где недостатки, так борись с ними, а не сиди сложа лапки. Добрый дядя не поможет... Со злом нужно драться. Не на жизнь, а на смерть драться, а не восхвалять его... И стихи у тебя, Игорь, очень хорошие. Душевные – а это главное! Ты будешь настоящим поэтом, поверь мне. А что не печатают, не отчаивайся. Как говорил Осип Мандельштам – знаменитый поэт, знаешь? – Иисуса Христа тоже не печатали...

– Он жив сейчас, Мандельштам этот? – поинтересовался Игорь.

– Нет, его при Сталине репрессировали, – ответил Лёшка. – Вот тебе ещё пример гражданина: против Сталина не побоялся выступить – правду сказать!.. А если тебе, Игорь, советуют учиться, – так правильно советуют. Учись, больше читай...

– Ну вот, как в редакции, – поморщился Золотарёв, – им бы всё только восхвалять наши свершения... В газетах – одно враньё, читать противно! Книгу возьмёшь – всё про передовиков да

героев труда! Скука... Что мне делать, скажи, Лёха? Куда податься от всего этого – в тюрьму, что ли? Ну как жить, скажи, если я в корне не согласен с политикой нашего теперешнего правительства? Почему все должны плясать под одну дудку? При Хрущёве вон тоже говорили, что всё хорошо и правильно! А пришёл Брежнев – и всё перевернул. Где чёрное, где белое?.. Кому верить? Правда где, я тебя спрашиваю? Чёрных пятен, говоришь, не замечать?.. В школе чему нас учили? – не унимался Золотарёв. – Мы – самая счастливая страна в мире! Молодым везде у нас дорога!.. Учительница у нас была до четвертого класса. Как сейчас помню: Панченко Нина Ивановна. Молодая, сука... Всё правильно учила, по программе, – о счастье и прочем... А чуть что не так – за волосы и головой о парту! Учи, стерва, стишок про Ленина! Об Кирима Тугушева – был у нас во втором классе татарин-второгодник – пять указок сломала, чуть дурачком не сделала... Серёжка Сокол однажды цветочек плохо нарисовал, – она сказала, откуда-нибудь вырезать и приклеить, а дитё само нарисовало... цветочек... Нина его так линейкой избивала, что Сокол из дому убежал, неделю потом милиция разыскивала. В Воронеже с товарняка сняли... Нет, ты не отворачивайся, слушай! – Золотарёв потянул Цоя за рубашку.

– Игорь, не могу, давай на свежий воздух выйдем, – слабо попросил Лёшка...

Вышли на улицу, не торопясь пошли в сторону парка.

– А в армии – хорошо, если кто постоять за себя может, а если нет? Беспредел полный, почти как на зоне, – продолжал изливать душу Игорь. – На работу поступишь – самую раздолбанную машину, клячу какую-нибудь дадут... Вот тебе и – «везде у нас дорога»! Молодым-то... Шлагбаум на этой дороге, Лёха. Ни пройти, ни проехать... Хороши мои мысли? Поэт, говоришь... То и беда моя, что поэт: не могу, дурак, смириться со всем этим бардаком! И главное, как поздно всегда прозреваешь... Чувствовал ведь в школе, что Нина-учительница не то делает, чувствовал, что издевается, а молчал, как и все, – терпел! И так всегда и везде. Чувствую – несправедливость! А бороться – кишка тонка! На поверку слабак оказываюсь... И стихи эти все – ерунда. Кому они нужны? Можешь себе их оставить, мне теперь всё равно. Конченный я человек, Лёха! Знаешь ведь, Рая Бараш разбилась: на мне её смерть! Я её в Ростов уломал ехать... Спал я с ней... понимаешь! В совхозе... Никому не говорил, а тебе скажу, Лёшка! Как вор... А у неё ведь жених в Германии служит, такие письма писал!.. Сволочь я, Алексей, – нет мне пощады. Сам себя не прощу!..

– Ну что ты? – с тревогой взглянул ему в глаза Лёшка, – что с

тобой, Игорёк?.. Странный ты какой-то. Начал за здоровье, а кончил за упокой. Жалко, конечно, Раису, но что поделаешь? Авария... Несчастный случай.

- В душу я к ней залез, Лёшка, - чуть не вскричал от горечи Игорь, - ты понимаешь, грязными лапами - в душу! Она ведь совсем тогда из совхоза уезжала, ко мне ехала... А я!.. Запутался я в этой жизни проклятой, Лёшка! Ничего не пойму, как это... с Раей у нас получилось?.. У меня ведь жена... незаконная, правда, но всё равно... У бабки живёт. Беременная... Кругом я виноват, Лёха, - нет мне никакой пощады! И в смерти Раи - не говори - тоже я виноват! Я - и ещё одни сволочи...

3

Игорь снова запил. Деньги подходили к концу, и он стал понемногу продавать купленные ранее вещи. В этом ему деятельно помогал Витька Ковальчук, который водил дружбу с фарцовщиками и частенько бывал на «чёрном рынке».

Вещи Игорь нередко отдавал по дешёвке - лишь бы сбыть с рук и напиться. Так, у него вскоре не стало транзисторного приёмника «Океан», ондатровой шапки, дублёнки, кожаного пиджака и многого другого. Мать ужасалась, следя за этими исчезновениями, грозилась пойти в милицию. Игорь, в свою очередь, грозился уехать из дому на БАМ или в Воркуту. Мать плакала. Отчим на всё махнул рукой и, так же как Игорь, беспробудно пил.

Когда продавать было уже нечего, Золотарёв понял, что Витька Ковальчук химичил: большая часть выручки оседала в его карманах. В этом он убедился, когда поехал однажды с ним на толкучку.

Игорь ехал просто так, за компанию, вещей у него с собой не было. Витька же вёз целую сумку «импортыги», как он выражался, взятой у какого-то азербайджанца, который жил у его родственников. Игорь видел его один раз. Загадочная личность. Прописан был в Баку, там же числился на работе, однако жил в Ростове, доставая через своего земляка, который работал проводником пассажирского вагона, импортные вещи и перепродавал их на толкучке с помощью Витьки Ковальчука.

- Я тебе, Игорь, как-нибудь импортные журнальчики покажу, - обещал по дороге на рынок Ковальчук и подмигивал ехавшему с ними Тольке Косому, - Косой уже видел. «Плейбой», «Плейгёл», «Мадемуазель»... Там такие девочки - обалдеешь! В чём мать родила...

Косого оставили с сумкой на остановке у Главного железнодорожного вокзала. Витька взял с собой только финские мужские полусапожки, которые продал за сто сорок пять рублей. Игорю доверительно сообщил:

– Видал, брат, как это делается? Госцена – семьдесят «рэ», «хозяину» (так он называл азербайджанца) скажу, что за сто десять толкнул, – тридцать пять колов мне! Не слабо, а?.. В день сотни две набегает...

«Тоже порядочная шкура», – думал после Золотарёв, да это и не было для него большой неожиданностью. Витькины нравы он знал ещё со школьной скамьи... У Ковальчука вечно «не было» денег, и Золотарёв всегда кормил его в школьном буфете за свой счёт. Таким образом Витька экономил на сигареты. Соврать ему ничего не стоило.

Игорь давно уже не видел Мишку Шумей и обрадовался, встретив его однажды вместе с Андреем Гороховым в аэропорту, около Дома культуры авиаработников. Золотарёв с Витькой Ковальчуком только что опорожнили один «огнетушитель» «Иверии» у пивного ларька на аэровокзале и, прихватив другой с собой, шли посмотреть, какой идёт фильм в Доме культуры.

– Здорово, орлы! – поздоровался Игорь. – Опять в кино?

– А что ещё делать? – пожал плечами Шумей.

– Ну и мы с вами...

В кинозале устроились на самом последнем ряду, на так называемой «камчатке». Витька Ковальчук извлёк из внутреннего кармана пиджака бутылку «Иверии».

– Что, Игорь, справимся мы с ней вдвоём? Шумей с Гороховым трезвенники-язвенники, не пьют из мелкой посуды.

Он мастерски вытащил зубами большую белую капроновую пробку и, взболтнув, передал «огнетушитель» Золотарёву. В это время в зале погас свет и начался фильм.

Игорь, не притронувшись, передал бутылку Андрею Горохову.

– Давай, Андрей, вмажь, как в совхозе. Сколько мы кальвадоса там перепили!..

Горохов принял вино и приложился к горлышку.

– Самим мало, Игорь! – недовольно бурчал жадный до выпивки Витька Ковальчук и с жалостью поглядывал на запрокинутую над головой Андрея Горохова бутылку. – Хорош, Горохов, – присосался!

Впереди на него возмущённо зашикали.

- А пошли вы подальше! - огрызнулся вконец рассерженный Ковальчук. - Эй ты, шляпа, если ещё хоть раз оглянешься - пузырьком по башке схлопочешь!

- После сеанса поговорим, - угрожающе пообещала «шляпа».

- Можно, - беззаботно согласился Витька.

Игорь не придавал значения этой перепалке, однако «шляпа» своё обещание сдержала. После фильма Игореву компанию обступило человек восемь...

Витька Ковальчук был не из робкого десятка - это за ним тоже водилось ещё со школы! Недолго думая, он первым врезал «шляпе» между глаз и сразу бросился на другого противника.

«Молодец», - подумал, глядя на него, Игорь и, в свою очередь, ударил невысокого, но плечистого паренька в форме речного училища. В тот же миг, прорвавшись сквозь начавшуюся свалку, Андрей Горохов, как заяц, припустил к невысокому бетонному заборчику, отделявшему клубный двор от технических служб аэропорта. За ним - Мишка Шумей...

Витька Ковальчук, отхаркиваясь кровью, с досадой говорил Золотарёву на обратной дороге:

- Вот, Игорь, друзья называется, - сбежали! Два труса... Я им это припомню, козлам. Морды обоим разукрашу, пусть на глаза теперь не попадаются!

Золотарёв молчал, ощупывая огромный синяк под глазом. Верхняя губа вздулась, зуб в нижнем ряду шатался. Болела не зажившая после недавней аварии в Суховском совхозе рана над правой бровью, которую Игорь регулярно залеплял лейкопластырем. Её тоже задели в драке.

«Ничего себе разукрасили! Как тогда, в роще, у памятника», - думал он.

- Ты тоже это запомни, - не унимался возбуждённый Ковальчук. - Прикинь: разве они похожи на настоящих кентов, как я? Дерьмо, а не кенты! Два придурка жизни. Ходят друг за другом, как голубые... Настоящий друг познаётся в беде, Игорь!

- А ты в тюрягу со мной сядешь? - спросил вдруг ни с того ни с сего Игорь и остановился.

- Ты что, Золотарь, смеёшься? - ошалело выпучил на него глаза Ковальчук. - Что я, дурак, что ли! С каких это чертей я в тюрягу

стану садиться? Во-первых, не за что! А во-вторых, охоты особой нету, хоть даже и с тобой...

4

С работой не ладилось по-прежнему. Из-за постоянных прогулов и «пьянства на производстве» Игоря перевели в слесари и пригрозили тридцать третьей статьёй. Он уволился. Всё продолжало лететь в тартарары... Надя не появлялась. Деньги кончились...

Как-то, от нечего делать, Золотарёв пошёл к Сергею Соколову, который недавно вернулся с моря, оставив там все свои «капиталы». Тот, как всегда, ковырялся во дворе возле своей «Явы». Рядом с ним на корточках сидел Васька Угрюмый.

«Этого ещё не доставало!» – со злостью подумал Игорь, не ожидавший встретить здесь этого типа. Он хотел было уже поворачивать назад, но его удерживало острое, непреодолимое желание выпить. Игорь не пил уже три дня и мучился, как тяжелобольной. Спасти его мог стакан вермута, который, возможно, нальёт Сокол. Золотарёв и сам не заметил, как постепенно пристрастился к спиртному. Но успокаивал себя слабой надеждой, что когда-нибудь бросит пить. Когда – он и сам не знал, главное, что бросит...

– Что вылупился, как на привидение? Проходи, не схаваю, – проговорил, увидев Золотарёва, Угрюмый. – А мы тебя только что с Соколом вспоминали. Лёгок на помине!

– Я тебя тоже вспоминал, даже во сне видел! – сквозь зубы недовольно процедил Игорь, не зная, с чего начать разговор...

– «Бабки» нужны, Золотарь? – подсказал, разглядывая мрачного Игоря, Сокол и швырнул на багажник мотоцикла замасленную ветошь. – Что-то побитый весь, – подрался с кем?

– Было дело под Полтавой, – уклончиво ответил Золотарёв.

– А «бабок» у меня у самого нету. «Яву» вот завтра толкаю, – сообщил Соколов и снова вопросительно взглянул на приятеля.

– Да ты не молчи, Золотарь, говори: что случилось? Что ты как в воду опущенный?

– Веселиться особенно не с чего.

– Что так? Да с кем дрался, рассказывай! Много их было?

– Пятеро. Четверых я зарезал, а один убежал, – пошутил Игорь.

- Да ну-у! - улыбнулся Угрюмый. Наверное, первый раз в своей жизни. - Что, бухнуть небось хочешь, пацан?

- А нальёшь? - сразу же ожил Игорь...

Часов в одиннадцать вечера они, пьяные, шли парком Островского. Игорь вёл дружков в гости к своему новому товарищу Лёшке Цою. В кармане у него была непочатая бутылка водки, купленная за червонец в ресторане «Восход». Платил, естественно, Васька Угрюмый. Игорь сам не понимал спьяну, что творил: не отдавал себе отчёта - обрадуется ли Цой подобной компании.

Сергей Сокол рассказывал о своих похождениях на Чёрном море:

- Там такие девочки, чуваки!.. Я свою биксу на второй же день назад отправил и снял такую кралю! Лаурой звать - ленинградка... Разденется, бывало, - греческая богиня, ни дать ни взять! Ножки!..

Далеко впереди замаячила какая-то фигура в пальто. Вокруг - на аллеях парка - никого... Сергей прервал рассказ на самом интересном месте и, приглядевшись, радостно сообщил:

- Баба! Чувиха...

Васька Угрюмый загорелся:

- А ну, прибавили шагу, пацаны! Поглядим, что за баба.

Женская фигура в пальто стала вырисовываться отчетливее. Приятели почти бежали - шаги их разносились по всему парку. Почувствовав за спиной преследователей, незнакомка пошла быстрее.

- Девушка, дай закурить! - крикнул, почти поравнявшись с ней, Сокол. С другой стороны её настигал Угрюмый.

Вздвогнув, она оглянулась.

- Стоять! - грубо приказал подбежавший Васька Угрюмый и схватил её за руку. - Перепихнёмся, рыжая?

В правой руке Угрюмого зловеще сверкнул нож, который он приблизил к самому лицу обмершей от страха жертвы.левой рукой он привлек её к себе и рванул на груди пальто так, что полетели пуговицы. Девушка вскрикнула и подалась в сторону.

- Куда намылилась, мать? - заступил ей дорогу Сергей Соколов и плотоядно оскалился, - нам с тобой в другую сторону.

Фонари в этой части парка не горели, и Золотарёв не видел лица незнакомки. В голове у него шумело от выпитого,

в возбужденной крови бродил на задних лапах звериный инстинкт... Он сейчас не думал – до чего докатился.

Между тем Угрюмый уже тащил жертву под ближайшее дерево – прочь с асфальтированной аллеи парка. На ходу рвал с неё пальто и расстёгивал кофточку...

– По-мо-ги-те! А-а-а-а!.. – в ужасе закричала та, когда Угрюмый бросил её на землю и сам навалился сверху.

Этот крик как током пронзил Игоря. По голосу он узнал: Надя!!!

– Стойте, вы что, сволочи?! – Игорь заорал почти так же, как перед тем кричала Надя, и одним прыжком очутился возле Угрюмого. Вставший было на пути Соколов мгновенно отлетел в сторону от яростного толчка Золотарёва. Игорь, не владея собой, мёртвой хваткой вцепился в шею Васьки Угрюмого и одним рывком – откуда только взялись силы – отбросил его от Нади.

– Беги, Надька, я его задержу!

Игорь выхватил из кармана бутылку водки и, резко хватив ею о ближайшее дерево, выставил перед собой «розочку».

– Не подходи, Угрюмый, убью!

Бандит легко, ударом ноги, вышиб у него это оружие, кулаком съездил по физиономии. Золотарёв отлетел метра на три и ударился головой о бордюр. Перед глазами поплыли разноцветные круги. Игорь с ужасом понял, что уже не встанет на ноги и Угрюмый его добьёт! Но бандит не стал более заниматься Золотарёвым и вновь устремился за Надей.

Очередной её крик, как будто железной хваткой, взял Игоря за шиворот и поставил на ноги. Сжав зубы, не обращая внимания на текущую из разбитого носа кровь, он, пошатываясь, подбежал к Угрюмому, который опять пытался подмять под себя Надю. Сцепив руки замком, крепко, что есть силы, Игорь врезал того по голове.

– Надя, беги!

Из темноты вынырнул ничего не понимающий Сергей Сокол... Угрюмый в это время оправился от Игорева нападения и, подпрыгнув, страшно ударил его ногами в грудь. Золотарёва унесло куда-то в кусты, и тут в дело вмешался Сокол.

– Ты что же, гад, своих мочишь?! – яростно закричал он и смело шагнул навстречу Угрюмому. Тот рассвирепел не на шутку.

– Ну, суки, держитесь!

Он бросился на Сергея. Тот, ловко увернувшись, двинул Угрюмого по зубам. Подоспевший Игорь ногой выбил из рук уголовного нож. Но и без ножа Угрюмый был страшен. Он, наконец, достал кулаком Сергея, так что тот даже перекувыркнулся в воздухе, проделав своеобразное сальто. Игоря же прижал к дереву и начал душить. Золотарёв хрипел, задыхаясь в страшных, похожих на железные клещи лапах Угрюмого, и тут из темноты вынырнула бегавшая куда-то Надя.

- Вот он, скорее, у него нож! - закричала она, обращаясь к двум появившимся вслед за нею милиционерам. Те быстро скрутили руки Угрюмому.

- Ничего, козлы, мы ещё с вами разберёмся! - с угрозой пообещал он друзьям, отдуваясь и сплёвывая сгустки крови.

- В отделении разбираться будешь! - резко одернул его один из милиционеров с погонами офицера. Он защёлкнул на руках Угрюмого наручники и приказал второму патрульному: - В машину его...

Проводив задумчивым взглядом удаляющиеся фигуры, обратился к приятелям:

- Вас тоже попрошу проехать с нами для составления протокола. Кстати, где нож?

- Тут где-то валяется... А в отделение мы не поедем, нет! - испуганно проговорил Сергей Соколов и отступил на шаг в сторону. - Мы тут совершенно ни при чём, мы просто девушке помогали... Этот гад на девушку напал, мы и заступились.

Вернулся отводивший задержанного милиционер, и они вдвоём со старшим лейтенантом принялись разыскивать нож Угрюмого, посвечивая себе карманными фонариками. Но нож как в воду канул.

- Девушка, он вас хотел изнасиловать? - обратился к пострадавшей старший лейтенант.

Надя растерялась.

- Хотел... Но я не знаю... Я сейчас никуда не поеду, он мне все пуговицы оборвал...

- Вы заявление на него будете писать или нет? - спросил начинавший уже терять терпение старший лейтенант. - Это, конечно, ваше личное дело. Не знаю, что тут у вас произошло, может, вы все - хорошие друзья-приятели... Если надумаете писать, приходите завтра с утра в Первомайский райотдел внутренних дел.

Милиционеры уехали...

Игорь, пошатываясь, приблизился к Наде.

- Ты очень испугалась?

- Чуть с ума не сошла! Особенно когда этот негодяй в темноту потащил. - Она не могла говорить - заикалась, всхлипывала. - Тебе очень больно, Игорь?

- А ты думаешь?.. Голова - как чугунная, живого места нет.

- Бедненький!..

Подошёл, разглядывая разорванную болоньевую куртку, Сокол. Укоризненно покачал головой.

- Подлетели мы с тобой, Золотарь. Нам теперь - крышка! Седой узнает - проколет.

- Игорь, сейчас же пошли отсюда! - Надя смерила Сокола презрительным взглядом. - Пошли! Или, может, останешься?.. С этим...

Золотарёв колебался. Не хотелось обижать приятеля, но разве объяснишь теперь Наде, что Сокол вовсе не ровня подонку Угрюмому?

- Ладно, канай, Золотарь, куда лыжи наострил, - поняв затруднение Игоря, милостиво разрешил Сергей, - потом побазарим. У бабки своей пока поживи, на улицу не показывайся. Я тебя найду.

- Бывай, - простился Игорь.

На душе было двойственное чувство: радовало примирение с невестой и страшила неизвестность. Что-то ещё Николай?..

- Надя, я - подлец и сам знаю, что нет мне прощения! - жарко заговорил он по дороге к бабе Лизе. - Но если найдёшь в себе хоть каплю жалости - прости!

- Не знаю, я подумаю, Игорь...

Она потупила глаза. Шла, всё время придерживая рукой распахивающееся пальто.

- Жизнь ты мне всю искалечил, проклятый! Я даже не знаю - что теперь?.. Куда мне?.. Жить мне теперь как?

- Что ты говоришь, Надька! Да как ты можешь такое?.. Да я теперь!.. - Игорь не находил слов от волнения. - Ты же просто молодец, Надюша, я не ожидал!..

- Оставь, пустое... - Она задумалась.

- Надя, я больше с ними никуда не пойду, вот увидишь. С этим теперь покончено! Вот только Седой... - Золотарёв с ожесточением сжал кулаки. - Рецидивист этот!.. Надя, давай уедем куда-нибудь! Ты видела этого... Угрюмого? Он бы зарезал - глазом не сморгнул! Что теперь будет?.. Седой отомстит, Серый правду сказал! Я... я боюсь, Надя.

- Что же делать, Игорь? - испугалась она. - Завтра же сдавай паспорт на выписку! Я брошу учёбу, и уедем к нам, в Коми. Там они тебя не найдут. Всё забудется. Вот увидишь, всё будет хорошо! У нас будет дочка, Игорёк, - Карина! Будем работать, жить по-человечески... Что же ты натворил, Игорь!.. - Надя заплакала.

- Любишь меня? - спросил вдруг, отчего-то усмехаясь, Игорь. В глазах его мелькнули иронические огоньки. Он вспомнил солдатские письма, прихваченные на новочеркасском «деле».

Девушка, уткнувшись лицом в его рукав, промолчала.

- А я ведь кое-что про тебя знаю! Про Юру Вдовина, например...

- Кто тебе сказал, Анна? - встрепенулась та.

- Угадал, да? Есть, значит, такой? Как же так, Надюша? Нехорошо.

Игоря будто какая блоха укусила. Он понимал, что сыплет соль на ещё кровоточащую рану, но его ничуть не трогало её страдание. Может, это была проснувшаяся вдруг в нём ревность?

- Перестань, Игорь! Не знаю, кто тебе сказал, но ты ровным счётом ничего не понимаешь.

- Я понимаю одно, - что ты бросила парня! - жестоко отрезал Золотарёв.

- Ты эгоист, Игорь! Ты живёшь только для себя, не думая о других. Лишь бы тебе только было хорошо!

- А тебе разве не было со мной хорошо? - съязвил Золотарёв.

- Игорь, тебе доставляет звериное удовольствие причинять людям боль!

- Вообще не вижу вокруг никаких людей. Одни нелюди и обыватели!

- Зачем эта напускная бравада? Ты выставляешь напоказ все свои недостатки.

- А ты хочешь, чтобы я скрывал их, как другие?

- Ты не щадишь и самого себя. Нет, ты даже не эгоист - эгоист любит хоть самого себя. А ты и себя не любишь! Кому это всё нужно, Игорь? Зачем это всё?

- Не знаю, Надя, - это моя беда. Такой уж я человек от природы.
- Игорь задумался и с ожесточением сплюнул себе под ноги.
- Мамаша таким на свет произвела, а может, потом таким сделался, когда на пьяную, разгульную жизнь насмотрелся. «Предки» ведь мои бухают всю жизнь. Ну и я, видно, по их дорожке... Яблоко от яблони недалеко откатывается!

Они шли уже по посёлку Маяковского, где жила его бабушка.

- Но я переборю себя, Надя, брошу пить, устроюсь на работу, учиться начну. Лёшка Цой говорит, что у меня будто бы талант к поэзии.

Мысленно он неожиданно вернулся к недавнему происшествию в парке Островского.

«Чёрт с ним со всем, пойду добровольно в милицию! - думал он, шагая с Надей по притихшему ночному посёлку. - Признаюсь... Всю вину - на себя! Никого не выдам... Кулон Раисин верну, царство ей небесное!.. За чистосердечное раскаяние, может, меньше дадут? Лишь бы поверили, что один... что не групповое... Что им ещё надо будет? Сам ведь явлюсь, и кулон...»

Игорь машинально ощупал задний карман своих вельветовых брюк, где лежал золотой кулон - память о Рае... Но где же он?.. Золотарёв ошалело сунул руку в задний карман, потом в другой, обшарил передние карманы. Кулона нигде не было!

«Потерял? - Он беспомощно опустил руки. Идти в милицию расхотелось. - Но как же мог потерять? Ведь на обоих задних карманах - молнии! Неужели Угрюмый?.. Сокол как-то говорил, что он бывший карманник...»

5

- Откуда у вас, гражданин Рыскаль, эта вещь? - спрашивал у Васьки Угрюмого пожилой усталый следователь в сером гражданском костюме, с большими залысинами на голове. В руке он держал золотой кулон и постукивал карандашом по столу, на котором лежал первый лист протокола. - Я повторяю вопрос: как у вас, гражданин Рыскаль, оказался этот золотой кулон с дарственной надписью, похищенный более трёх месяцев назад из дома товарища Бараш Альберта Константиновича? Отвечайте быстро, Рыскаль: когда? где? при каких обстоятельствах?..

«А следователь – профан, сразу карты свои открывает, – думал, глядя прямо ему в глаза, Угрюмый. – Но какая же сука Золотарь, закосил «рыжее» в Новочеркасске! Седому нужно как-нибудь передать – пришьёт паскуду!»

– Я, гражданин начальник, с «делами» завязал, вы мне «дело» не вешайте! – хрипло заговорил Угрюмый.

– Отвечайте по существу, Рыскаль: как к вам попало краденое золото? – перебил его следователь, а сам подумал со стопроцентной уверенностью: «Он дом в Новочеркасске взял!.. Интересно, что будет врать, – купил, скажет? Или нашел на дороге?»

– Эту вещичку я неделю назад приобрел в Батайске, на толкучке, – как бы вспоминая, заговорил Угрюмый. – Цена – две сотни. У меня были такие «бабки». Цена божеская, вещь приглянулась, отчего ж не купить? Купил.

Следователь внимательно выслушал ответ, подумал, пошептал что-то себе под нос, как молитву, и аккуратно чёрными чернилами занёс показание в протокол.

– Рыскаль, внимательно выслушайте следующий вопрос: кто вам продал золотой кулон?

– Откуда я знаю, тип какой-то. Немолодой... Одет модно, во всё импортное. Русский... В общем, ничего примечательного.

– Вы видели когда-нибудь этого человека?

– Никогда не видел.

– Как вы оказались в Батайске?

– Хотел купить себе дублёнку на зиму, промышленность же не выпускает!

– О промышленности, Рыскаль, будете разговаривать в другом месте, – строго взглянул на него следователь.

– КГБ, что ли, пугаете? – ухмыльнулся Угрюмый.

Следователь промолчал и, вынув из ящика стола какую-то книгу, стал внимательно её листать. Он как будто забыл о допрашиваемом.

«А он не так прост, собака! – думал, разглядывая его, Угрюмый. – Старый волк!.. За таким глаз да глаз нужен».

– Вы говорите, у вас было двести рублей? – спросил неожиданно, оторвавшись от книги, следователь.

- У меня, гражданин следователь, было ровно столько, сколько стоит дублёрка, - больше полтысячи.

- Откуда у вас такие деньги?

- Скопил. Трудовые доходы!

Следователь всё аккуратно заносил в протокол ровным ученическим почерком.

- А во что был одет парень, продавший вам золотой кулон?

- Сказал же, что не помню, - в куртку импортную, на голове - кожаная фуражка... Хорошо, в общем, был прикинут, модно.

- Этот парень первый к вам подошёл?

- Нет, я попросил у него прикурить, разговорились, он и предложил золотишко.

- Не подумали, что вещь может быть краденая?

- Не до этого было, гражданин начальник, - жадность проклятая!

- Не помните, какое было число?

- Кажется, десятое.

- Зачем вы купили кулон у подозрительного молодого человека?

- Почему подозрительного? Я этого не говорил! - испугался Угрюмый.

- Но вы же сказали, гражданин Рыскаль, что вас подтолкнула на покупку этой вещи «жадность проклятая»?!. Вот у меня так и записано слово в слово. Значит, вы сомневались: покупать или не покупать? Почему сомневались? Видимо, вас останавливала цена?.. Ведь кулон стоит, я думаю, намного дороже. Значит, человек этот вам всё-таки оказался подозрительным? Зачем же вы купили у него эту вещь?

- А вы бы не купили, гражданин следователь? - нахально взглянул на него Угрюмый.

- Дублёрку вы в тот день не приобрели? - продолжал вести допрос беспристрастный, казалось, следователь.

Но Васька начал понемногу выходить из колеи. Он чувствовал, что тот, как паук, плетёт какую-то сеть, в которую неминуемо попадёт он, Васька Угрюмый, и стал взвешивать каждое своё слово.

- Нет, не купил, денег не хватило на дублёрку. А попадались хорошие дублёрки.

- Какой это был день недели? Быстро отвечайте, Рыскаль!
 - Отвечаю быстро: среда! Хотя могу и ошибиться.
 - Что вы делали за день до этого случая?
 - Не помню. - Угрюмый вытер со лба испарину. - Кажется, в пивную ходил... вечером. К Филиппу. Днём, конечно дело, на работе...
 - Странно, Рыскаль, вы точно помните, что делали в среду, а вторник почему-то вылетел у вас из головы! Кстати, во сколько вы были в Батайске?
 - Стоп, сбили вы меня, гражданин начальник, - вскрикнул вдруг, хлопнув себя по голове, Васька Угрюмый, - какая к чёрту среда - толкучка ведь в воскресенье бывает!
 - В каком именно месте была толкучка?
 - Не помню, я Батайск плохо знаю. Объяснили - на какой автобус сесть, где выйти... Сейчас уже не найду.
 - На какой автобус вы сели?
 - На левый!
 - Вы бы узнали при встрече молодого человека, продавшего вам краденую вещь?
 - Узнал бы, - кивнул головой Угрюмый, а сам понял, что погорел! В следующий раз нужно срочно менять показания...
 - Опишите его внешность.
 - Молодой, длинноносый, без усов... Непримечательная, в общем, рожа.
 - Чем же он вам так запомнился?
 - А кто говорит, что запомнился? Ничего не запомнился - обыкновенная рожа...
 - Но вы бы узнали его при встрече?! Каким образом?
- Угрюмый, насупившись, молчал.
- Рыскаль, посмотрите внимательно: это не тот человек, который продал вам золотой кулон на толкучке?
- Следователь быстро выложил из стола снимок.
- Нет, не он, - едва глянув на фотографию, отрицательно качнул головой Угрюмый.

- Да вы приглядитесь повнимательнее, возьмите фотокарточку в руки, - настаивал следователь.

Угрюмый покорно взял со стола фотографию своего лучшего дружка Седого, повертел её в разные стороны и положил на прежнее место.

- Нет, это не тот человек. Это Николай Седов с нашего посёлка.

- Вы его хорошо знаете?

- В детстве дружили...

- В прошлом году Седов досрочно освобожден из мест заключения. Скажите, Рыскаль, сколько раз вы встречались за это время с Николаем Седовым?

- Разве я считал? Встречались...

- А в Новочеркасск вы с Седым не ездили?.. - Следователь намеренно назвал Николая по кличке.

- Нет, никогда не ездили.

- Значит, вы утверждаете, Рыскаль, что купили кулон у человека уже немолодого, в годах, не так ли?

- Какой там, я же говорю вам русским языком, что у молодого, - запротестовал, встрепенувшись, Угрюмый, - вы меня на слове не поймаете, гражданин начальник, я за свои слова отвечаю!

- Уже поймал, Рыскаль, - твёрдо проговорил, переворачивая листы протокола, следователь, - вот у меня записано, в начале допроса вы говорили, цитирую почти дословно: «Я не знаю, кто продал мне золотой кулон с дарственной надписью, какой-то незнакомый мне тип. Он был немолодой, по национальности этот тип - русский. Одет он был модно, в импортные вещи...» И так далее. Потом, Рыскаль, вы начали утверждать обратное, будто человек этот был молод, из чего я могу заключить, что на батайской толкучке вы не были. Вы даже не сказали номер автобуса, на котором ехали в Батайск, и не знаете, где именно была толкучка.

Следователь победно взглянул в глаза Угрюмого, немного помедлил и закончил свою длинную речь прежним вопросом:

- Откуда у вас, Рыскаль, краденое золото?..

6

- Угрюмому дело шьют, на чём-то замели, - на Кировском сидит под следствием! - одним духом выпалил Сергей Соколов, едва

переступив порог дома бабки Лизы, где последнее время жил вместе с Надей Игорь.

- Тихо, дурак! - зажал ему рот Золотарёв и с испугом кивнул на дверь в комнату. - Услышат... Погнали на улицу.

Он сразу же понял, на чём именно погорел Угрюмый. Золотой кулон сослужил ему роковую службу!

- Седой про тот мордобой пока ни фига не знает, - сообщил на улице Соколов, - но это пока... Угрюмый, сука, найдёт способ передать на волю. Крышка нам, Золотарь! У них ведь это просто, у бандюг... как в кино: бритвой по горлу - и в колодец! Что делать будем, старик?

- А что, из-под следствия, из тюрьмы можно что-нибудь на волю передать? - с ужасом спросил Игорь. Даже холодным потом покрылся.

- Раз плюнуть! Черкнут «малёвку» и - в другую камеру, а там, может, дело у кого-нибудь закроют или выпустят под расписку... Он «малёвку» и передаст по адресу. А попробует не передать, его и на воле достанут! - объяснил другу Соколов.

- Тогда нам, Сокол, действительно хана! - объявил Игорь, закуривая сигарету и с остервенением бросая под ноги пустой коробок из-под спичек. - Особенно мне теперь несдобровать, Серый, - Угрюмый из-за меня влип! Цепочку я на новочеркасском «деле» заныкал, а Васька её у меня стёрил. Как раз в тот день, когда «махались» в парке Островского. На золотом кулоне он погорел, Серый!

Соколов разозлился.

- Я так и знал!.. Сука ты, Золотарь!.. Из-за тебя всё... Заварил?.. Сам и расхлёбывай!

- Да пошёл ты!.. - Игорь в сердцах сплюнул. Нашёл ведро и, перевернув его кверху дном, устало сел. - Надоело уже всё. И Седой, и всякие угрюмые, да и ты тоже, - не в обиду будет сказано! Я сам себе надоел, Сокол. Жизнь опротивела. Хуже заключения... Смысла нет... Не в деньгах счастье, Серый, и не в бутылке. Вон Лёшка Цой - ты его не знаешь - вот то парень так парень! Живёт, понимаешь!.. А мы гниём заживо... Нет, не романтика всё это - грязь!.. Всю жизнь, дурак, блатным завидовал, тюремные песни слушал... Так ведь тоска одна, Сокол! Выть от мёртвой тоски охота! Доигрались, подружился с блататой?.. Что дальше? За решётку?.. Не могу я в тюрьму, Серый, - не хочу! Я жить хочу по-человечески, не желаю я к этим волкам! И ножа получить тоже не хочу. Ведь от них просто

так не отвяжешься... Уеду я куда-нибудь с Надькой. Ребёнок у нас будет, Сокол. Мой ребёнок – вот смысл!..

– Правильно, Золотарь, сматывайся, пока не поздно. А хочешь, завербуемся куда-нибудь? Вместе рванём, – предложил ему вдруг Серёжка. – В Воркуту давай, на шахту. Мой дядька там пахал, по тыще «колов» заколачивал! Едем, Золотарь, не пожалеешь, «бабок» у нас будет – море! Мне, признаться, тоже здесь всё уже осточертело. Повеситься иной раз охота!

– Вот и поезжай, Серый, – поддержал товарища Игорь, – мы бы тоже с тобой, но сейчас нельзя – Наде скоро рожать. Куда на зиму глядя ехать? Зимой как-нибудь перекантуюсь, а по весне – двинем... Тебе же, как другу, советую: езжай сейчас. Исчезни из города, и чем скорее, тем лучше. Чёрт его знает, может, Угрюмый расколется, сдаст нас в отместку?.. Завербуйся, Сокол, в Воркуту, – хоть в Магадан, но только послушай меня: добром это всё не кончится! Кто тебе этот Седой?.. Друга нашёл. Он же рецидивист, у него три судимости... Уезжай, пока есть возможность. Я одного тебя, Серый, признаю, не то что всякую шпану. Мы с тобой – друзья детства!

Игорь поднялся на ноги.

– Пожалуй, ты прав, – согласно кивнул головой Соколов, – погоню в Воркуту, уломал. А там будь что будет. Седой, если захочет, и в Воркуте найдёт!.. Ты сам-то, Игорь, как? Гляди, поосторожнее здесь... На улицу вечером не выходи, мало ли...

– Ничего, – Игорь крепко пожал руку Сергея, – как говорится, Серый, «помирать нам рановато, есть у нас ещё в жизни дела!..» Перед отъездом зайти, бухнём напоследок.

В конце декабря, перед самым Новым годом, Сергей, распрощавшись, уехал...

Завидую тебе, о страж идеи,

Изгнанник благ людских и тишины.

Услышь мой голос, отзовись скорее

С окраины заснеженной страны! –

писал ему позже стихами Игорь.

Живот у Нади был уже, что называется, выше носа, в техникуме ей оставалось учиться до марта, а там – преддипломный отпуск, но она боялась, что не успеет закончить учёбу. В женской консультации ей установили срок родов в феврале.

Игорь временно, на два месяца, устроился работать на ближайший завод грузчиком-водителем в автотранспортный цех. О Кольке Седом, с тех пор как уехал Сокол, не было ни слуху ни духу, и Золотарёв немного приободрился. Всё как будто начинало входить в привычную колею, всё устраивалось как нельзя лучше. Пить он стал гораздо меньше прежнего: не с кем, да и Надя отчаянно боролась с этой его привычкой. Настаивала, чтобы бросил совсем, плакала... Игорь горячо клялся, что бросит, но после смены нет-нет да и выпьет кружку-другую пива «с подогревом», а то и раздавит с новыми друзьями на работе бутылочку...

По ночам ему не давали уснуть тревожные мысли о прошлом да отчасти и о будущем... Он не верил, что ему сойдут с рук все прежние «дела». Пугался любого стука, шороха – ждал, что вот-вот за ним приедут... из милиции. Или придёт Седой!

Надя, видя его состояние и всё прекрасно понимая, успокаивала как могла, ласкалась маленьким, беззащитным котёнком...

– Игорёк, послушай, как Она дышит! – жарко шептала иной раз, и Золотарёв, покорно приложившись ухом к её полнеющему не по дням, а по часам животу, жадно вслушивался, силясь различить в его недрах слабое биение сотворённой им крошечной человеческой жизни.

– Не думай ни о чём, Игорь, – ты самый хороший и добрый во всём мире! – Улыбаясь, Надя гладила и перебирала его жёсткие спутанные волосы маленькими, как у ребёнка, руками. Мечтательно вздыхала: – Милый мой... Любимый...

Голос её постепенно переходил на шёпот, глаза смыкались, но полуоткрытые в счастливой улыбке губы произносили чуть слышно заветную мысль:

– Счастье – это когда ты – женщина, будущая мать... и рядом с тобой – любимый! Сильный и... такой беспомощный. Счастье...

Однажды мать напомнила им о свадьбе. Она пришла к бабе Лизе одна, Водолаз в это время пропивал где-то получку...

«Вот те раз!» – приятно удивился Игорь, услышав такую новость. До этого он даже не задумывался о подобной формальности, считая, что Надя его законная жена и без всякой там регистрации в загсе! Такой «брак», по его понятиям, был куда крепче официального, как бы закрепляющего молодожёнов друг за другом, как, например, на заводе закрепляют станок за рабочим. Но приходилось подчиняться, по выражению Игоря, обывательским предрассудкам!

Большую свадьбу решили не устраивать, просто небольшой вечер – все свои. Сходили с Надей в Загс, подали заявление, расписались. На регистрацию как ни в чём не бывало явились и Мишка Шумей с Андреем Гороховым. Игорь, не забыв позорного предательства возле Дома культуры авиаработников, хотел их вообще не приглашать, но мать настояла. Всё-таки друзья детства. Были на вечеринке и Витька Ковальчук, и Лёшка Цой, с которым задружил последнее время Игорь. Пришли даже оба Игоревых дядьки: Валентин и заметно сдавший, осунувшийся Толик, недавно вышедший из ЛТП. Не было только Сергея Соколова...

7

«Привет из Заполярья! Здравствуй, Игорёк, – великий поэт и прозаик! Ты присылаешь мне свои стихи, как в редакцию. Что ж, согласен дать на них «нашу» рецензию. Стихи, Игорь, написаны неплохо, но кем? Пушкиным, Лермонтовым или ещё чёрт знает кем... Золотарь, если хочешь быть поэтом, так пиши, по крайней мере, своё! А то – так и я сумею, вот послушай, к примеру:

Мой друг, дорогой и прилежный,

От грусти меня разгрузи.

В больницу, где лечат надежды,

Ты утром меня отвези!

К скрипучим дверям магазина

Пройду я с тобою, спеша,

И в роце мы вмажем пол-литра

Той краски, что красят забор!

Ну как, Игорь, получается у меня кое-что? В общем, это всё мура! Я слышал, ты женился? Поздравляю, старик! Приезжай поскорее к нам в Воркуту – нажрёмся до потери пульса! Я недавно тоже на свадьбе был... То ли меня там били, то ли я кого-то – не помню! Проснулся в ванной... Понимаешь, старик, чуть не утонул: ночью какой-то козёл все краны открыл... Вот погуляли!

Как там у вас (вернее – у нас) в Ростове? Что нового? Говоришь, зима в полном разгаре? Ну что там у вас за зима, Золотарь! Здесь, в Воркуте, лето такое, как у вас зима, старожилы рассказывают. У нас морозы – от сорока до шестидесяти градусов! Кайф, скажу тебе, обалденный.

На улице остановишься – в статую превратишься! Пионеры цветы к подножию начнут возлагать... Однажды забыл закрыть форточку в общежитии. Прихожу с работы – в комнате снегу по колено, как в тундре. Всю ночь чистил! Трудился, как папа Карло, – даже на шахте, в забое, так пахать не приходилось! Как там С., Игорёк? Сам знаешь, кто... Не встречаешься с ним? Посылай его к чёрту, заразу! Пока писать заканчиваю, скоро на работу, во вторую смену. В шахте, Золотарь, холод обалденный! Нужно хоть чуть-чуть «ударить по массе», как в армии говорили. Короче, пиши письма. Жду. До свидания! Твой друг Серый».

– Вот послушай-ка, Надь, – от Соколова, – с улыбкой подсел к жене счастливый Золотарёв, – стихи пишет, бродяга. Ну, учудил! – Игорь заразительно расхохотался. – Ну, я же ему отвечу, Серому! Придумаю что-нибудь... стихами! «В больницу, где лечат надежды...» Ха-ха-ха! Убил Сокол! Ну, я ему сочинию!..

8

Как-то в феврале, возвращаясь с первой смены, Золотарь встретил около кинотеатра «Юбилейный» Витьку Ковальчука.

– Игорь, привет! – обрадовался тот.

– Здорово, коли не шутишь! – недовольно пробурчал Игорь и хотел было пройти, не останавливаясь. От Витьки сильно разило спиртным, и Золотарёву неприятно было разговаривать с пьяным. Сам он не пил уже две недели и думал завязывать совсем.

– Подожди, Игорь, дело есть, побазарим!

– Нет, Витёк, я с делами завязал! – невесело пошутил Золотарёв, но всё же остановился, как бы для того, чтобы прикурить сигарету.

– Может, выжрем? – лукаво подмигнул Игорю Ковальчук и высунул из внутреннего кармана куртки запечатанное горлышко бутылки. – Угощаю!

– Нет, жена ждёт, – отказался Игорь и поморщился.

– Давай отойдём в сторону, – предложил Витька и потянул приятеля за угол кинотеатра. – Я не треплюсь, Игорь, ты мне позарез нужен! Три дня уже тебя вылавливаю...

Ковальчук завёл Золотарёва за угол «Юбилейного», воровато оглянулся по сторонам и, откупорив бутылку, стал жадно, прямо из горлышка, пить красное холодное вино. Игорь наблюдал за ним с нескрываемой брезгливостью.

Опорожнив поллитровку, Витька заметно повеселел, закурил и продолжил прерванный разговор:

- Я слышал, вы с Сергеем Соколом раньше - того... Помнишь, бухали как-то у Сокола, он трепался по пьянке... насчёт этого?.. А шмотки твои загоняли... Откуда у тебя всё это? Ведь грабанули вы тогда что-то, Игорь? - Витька понизил голос до шёпота. - Сокол мне признался раз, что вы на «дело» ходили! С Седым, с вашего посёлка... Так ведь, Игорёк? Было ведь? Сознавайся, бандитская харя! - Витька, развязно улыбаясь, потрепал Игоря по щеке. - Шутю, конечно, не обижайся.

Игорь со злостью оттолкнул Ковальчука, зашептал в свою очередь:

- Замолчи, Коваль, не брешь о том, чего не знаешь! Не было ничего. Забуди, что тебе Сокол натрепался по пьяни. Он теперь в Воркуте, с него взятки гладки, а ты - здесь. Понимаешь?.. - Золотарёв вплотную приблизился к Ковальчуку. - Я ничего не знаю, запомни! Калымил я на автобусе. Отсюда и «бабки»... Про Седого тоже ничего не знаю. Он уголовник, понимаешь?.. Жить хочешь - молчи! Не дай бог кому-нибудь ляпнешь... Или уже сболтнул где-нибудь?

- Могила, Игорь, - побожился хмельной Витька, - ты же меня знаешь! Помнишь, как в морге на пару покойников разгружали?.. Я за тебя всегда, Золотарь!.. Вот увидишь, - бессвязно бормотал Ковальчук. Потом вдруг полез обниматься. - Выручай, брат, на тебя вся надежда. Гибну я! «Полкуска» позарез нужно. В аварию я попал, Игорёк, «жигулёнка» стукнул!

- На чём? - опешил Золотарёв, - на велосипеде, что ли?

- Какой там велосипед, на «газоне». Не знал, что ли, - я на курсах шоферов всю осень учился, от РСУ. Только права получил - и на тебе!.. Везёт как утопленнику! Бедствую сейчас, сам понимаешь... Я виноват в аварии: дистанцию не соблюдал, весь зад ему - в лепёшку! Поцеловались... Договорились - уладить без милиции. Я с перегаром был... Всю ночь перед тем бухали! Сотенную на месте ему отстегнул. В гараже две недели слесарей поил, пока свою машину делал. В долги влез, отдал хозяину «Жигулей» тысячу, а он, падла, ещё «полкуска» потребовал! Чтоб они у него поперёк горла стали, эти «бабки», - там делов-то всего рублей на семьсот, не больше! Специалисты сказали. Жена на развод подала, суд двадцать третьего, как раз на праздничек. Скандалы каждый день... Выручай, короче, Игорь, - на тебя вся надежда! Завтра нужно «бабки» отдать.

Золотарёв задумался... Денег у него у самого не было, тем более

- таких. Занять негде. А Витьке помочь хотелось: действительно
- беда!

- Может, сходишь к своим... чувакам на посёлке? - робко
намекнул Витька.

«К Седому?» - огнём ожгла Игоря страшная мысль.

- Нет, к ним не пойду, - торопливо проговорил Золотарёв, - с этим
покончено!..

Стали перебирать разные варианты, но все они, по тем или иным
причинам, отпадали; денег взять было решительно негде.

- Может, того... пару шапок снимем? - отчаявшись, предложил
под конец Ковальчук и сам понял, что сморозил глупость. - Эх,
был бы здесь «хозяин»... - так Витька называл азербайджанца,
жившего у его родственников на квартире. - Жаль, в Москву
укатил - за товаром... Может, сходишь всё же, Игорь, к своим?..

- Пошли! - решительно произнёс вдруг Золотарёв. Иного выхода
не было.

По дороге купили бутылку водки (покупал Игорь). Тут же, в
какой-то подворотне, «раздавили». Пили прямо из горлышка,
как воду: стаж у обоих был немалый. Золотарёв сознательно
хотел захмелеть, чтобы утвердиться в своём решении, чтобы
залить сорокаградусной голос разума...

Седого дома не оказалось. Престарелые Колькины родители
вообще не знали, где он обитает. Младший брат, десятиклассник
Петька, доверительно шепнул, что приходила милиция... Игорь
быстро разыскал в «аксайских» домах Юрку Канторовича.

- Не знаешь, где Седой?

- Ищи иголку в сене!

- Что случилось?

- Не слыхал - Угрюмый под следствием!

- До сих пор сидит?

- Следствие... - Юрка подозрительно смерил взглядом
стоявшего поблизости Ковальчука и шепнул Игорю на ухо:
- Угрюмого по нашему делу раскручивают! Седой слинял...
Васька не расколется, но всё-таки... бережёного бог бережёт.

- Где он? - не отставал от Канторовича Золотарёв.

Юрка снова подозрительно покосился на Витьку.

- Это со мной, - свой парень. Говори!

- А что надо, Золотарь, что передать?..
- «Бабки» нужны, Сатана!
- Много?
- Полтыщи.
- Много! - Канторович задумался...
- Ты что - мне не веришь? - разозлился выведенный из себя Игорь.
- А этот?..
- Говорю - со мной. Я отвечаю!
- Похияляли.

Втроём они быстро миновали крайние дома посёлка и вышли на шоссе, ведущее в Александровку. Мела позёмка. Порывистый ветер пробирал до костей. По-зимнему рано напоздали сумерки... Шли долго. Игорь раньше не раз проезжал этой дорогой на своём автобусе, и она ему казалась очень короткой. Сейчас дорога была невыносимо длинна. В Александровке сели в подошедший ветхий троллейбус, битком набитый пассажирами. Канторович смело нырнул в толпу и потащил за собой Игоря. При этом он отчаянно работал локтями, а иногда, при сильных толчках троллейбуса, чуть не валился на пассажиров. Золотарёв еле поспевал за ним, слыша позади отчаянное пыхтенье Ковальчука.

Когда на Нахичеванском базаре вышли из троллейбуса, Канторович увлёк приятелей в глубь парка и там, загадочно скалясь, вытащил из кармана своей чёрной искусственной шубы бумажник. Быстро пошарив в нём, он вынул какие-то деньги, полистал паспорт, затем, сунув его обратно, ловко швырнул бумажник на скамейку. Игорь ровным счётом ничего не понял.

- Я-то думал!.. Всего два червонца, - с досадой пожаловался Сатана, когда вышли из парка. Видя, что приятели продолжают пребывать в полнейшем недоумении, пояснил:
- «Лопатник» я у одного фраера в троллейбусе стырил; думал, «бабки», а там одни документы! «Бабок» всего двадцать колов.
- А ловко ты! - искренне удивился Витька.
- Дурная привычка, - небрежно бросил Канторович...

Приехали на Новое поселение. Игорь знал, что это - Новое поселение или, по-уличному, Нахаловка, но бывал здесь очень

редко. Почти не бывал. Знал – один из самых бандитских посёлков!

Канторович оставил их возле овощного ларька и, сказав: «Ждите!», исчез в переулке.

– Завёз он нас к чёрту на кулички, – поёжился Ковальчук, – я здесь, на Нахаловке, однажды, перед армией ещё, по морде здорово получил. Вот били!..

Мимо прошли, с опаской покосившись на подозрительных молодых людей, две старушки. Да и то правда: беспокойно в городе по ночам! Бродят по тёмным улицам изнывающие от скуки пацаны, встретят такую же компанию с другого посёлка – подерутся. Всё развлечение!

Канторович вернулся минут через сорок, так что оба приятеля не на шутку продрогли, стоя на лютom морозе.

– Канайте за мной, чуваки, – приказал Юрка.

Он завёл их в какие-то дебри, сознательно петляя по многочисленным нахаловским переулкам, чтоб не запомнили дорогу. Остановились перед саманной развалюхой, прошли во двор. По пути Канторович угрожающе предупредил:

– О том, где были, – никому ни слова! Седой предупредил: заделает!..

Едва переступив порог ярко освещённой комнаты, Игорь опешил. Позади, в немом оцепенении, застыл Ковальчук. Зрелище, которое предстало их взорам, действительно было из рук вон выходящим! В углу комнаты, на высокой, застеленной цветным пледом кровати лежала совершенно голая женщина с некрасивым, испитым лицом, но гладким телом. Двое мужчин, неопрятно одетых, нечёсанных и небритых, дымя папиросками, играли у неё на животе в карты. Голая также курила. В другой руке она держала яблоко и надкусывала его между затылками.

У стола, заставленного бутылками и тарелками, сидел раздетый, в одних только плавках, пьяный Седой, держа на коленях красивую молодую особу. Она была также раздета и пьяна. Увидев вошедших, встала и, покачивая крутыми бёдрами, удалилась в другую комнату, откуда вскоре вышла уже в халате. Колька так и остался сидеть в чём был. Игорь первый раз видел его без одежды и с интересом разглядывал наколки, сплошь покрывавшие всё его тело.

С холодильника, где стоял старый, пожелтевший кассетный магнитофон «Карпаты-250», хрипел о своих привередливых конях Владимир Высоцкий.

- Откуда мальчики, Коля? - спросила у Седого подруга, снова устраиваясь у него на коленях.

Картёжники, не обращая внимания на приятелей, продолжали заниматься своим делом. Женщина на кровати повернула голову в их сторону.

Юрка Канторович присел к столу возле Седого. Не спрашивая, плеснул в стакан водки, выпил. Было ясно, что он на этой «ховире» - свой. Игорь с Ковальчуком продолжали несмело жаться у входа.

- Что, Золотарь, стоишь, как король на именинах? Садись, - пригласил Колька. - Ты тоже, - кивнул он Витьке Ковальчуку.

- Какие хорошенькие мальчики! - изрекла, наконец, с кровати долго смотревшая на них голая женщина. - Седой, я их хочу!.. Обоих сразу.

Колька Седой улыбнулся, видя смущение парней.

- Давненько не виделись, Золотарь, где припухал?

- Дела...

- Дела у прокурора, у нас - делишки!

Седой дал знак сидевшей у него на коленях «даме», и та, поднявшись, налила всем водки.

- Кстати, как там Сокол в Воркуте гужуется, ничтяк, а? - внезапно спросил, принимая стакан с водкой, Седой.

- Живёт, на шахте пашет, - угрюмо ответил Игорь.

- Письма пишет?

- Пишет.

- Черкни, - пусть не забывает старых корешей. Должок за ним, кстати... - Седой тяжело «вытянул» водку, пошарил по тарелкам и, ничего не отыскав, с раздражением крикнул своей подруге: - Похавать что-нибудь сгоноши, стерва!

Та, надув губы, быстро юркнула в коридор.

- Все они, жёны, так: жрать - хоть шаром покати! - пожаловался Золотарёву Седой. - Моя жена!.. Да-а...

Дождавшись, пока «жена» принесёт закуску и неторопливо пожевав, Седой кивнул на игравших в карты:

- Во бабы!.. Ни стыда ни совести! - И затем уже - женщине на кровати: - Рыжая, у тебя есть совесть?

- А что это такое, Седой? - нахально улыбаясь, спросила та в свою очередь.

- Как бы тебе доступнее объяснить... Ну, это когда перепихнёшься, скажем, с кем-нибудь и «бабок» за ночь не возьмёшь.

- Смеёшься!

Игорь, слушая всю эту галиматью о стыде и совести, сидел как на иголках. Не нравилась ему эта компания, ох как не нравилась! Не нравился пьяный Колька, зачем-то валяющийся дурака... А что, если - специально? Что, если передал ему записку из тюрьмы Угрюмый?.. И всё - из-за проклятого Ковальчука! Сам, как дурак, полез в ловушку!

Седой между тем продолжал куражиться. Он выпил ещё водки и велел «жене» вырубить, как он выразился, «Володьку».

- Сатана, на гитаре играешь? Светка, притащи гитару, Сатана нам что-нибудь изобразит.

Та исполнила приказание «мужа», и Юрка Канторович принял инструмент - старую поцарапанную семиструнку.

- Давай «Манушак», Сатана, знаешь? - заказал Седой известную армянскую песню.

- Можно! - Юрка, пощипав струны и настроив гитару, жалобно, с надрывом затянул:

В том большом са-аду, где цветут цве-е-ты-ы,

Ранним утром вдруг распустилась ты...

Седой, подперев щеку кулаком, долго молча слушал, а потом вдруг заплакал. Игорь удивился, не ожидая от этого рецидивиста подобной сентиментальности. Или это плакала водка?

Когда Юрка закончил пение, Седой полез к нему целоваться.

- Сатана, брат!.. Дай я тебя поцелую, падла!

Дотянувшись через весь стол и смачно, взасос, облобызав его (опрокинув при этом бутылку водки), Колька решительно приказал «жене»:

- Светка, будешь сегодня спать с Сатаной! Я так хочу. - Потом вспомнил о Золотарёве. - А ты с кем хочешь спать, Золотарь? Бери Рыжую... Рыжая, к ноге!

- Николай, я к тебе по делу, - робко напомнил Игорь и, не утерпев, во все глаза посмотрел на подходившую к столу голую женщину.

- Никаких дел, я нынче бухаю! – отрезал Седой и хлопнул подошедшую Рыжую по толстому квадратному задку. – У-у разъелась, стерва, на дармовых харчах!.. Пей – угощаю!

Ковальчук делал Игорю знаки, что пора уходить, – толку не будет. Игорь и сам это понимал, но как теперь отвяжешься от Седого?

Приблизились к столу и закончившие играть картёжники. Светка притащила новую партию «Русской» и «Столичной». Пьянка закипела ещё пуще... Игорь, в конце концов, забыл о цели своего прихода и глушил водку наравне со всеми. Потом Юрка Канторович снова жалобно пел под гитару: сначала «Колыму», а потом «Голубей». Седой вновь его лобызал, орошая Юркино лицо хмельными слезами. Потом танцевали под магнитофон, потом дрались... Седой, отчего-то рассвирепев, гонялся с ножом за Светкой. Впятером еле его успокоили и уложили спать. После этого ещё пили... Игорь сам не заметил, как очутился в постели с Рыжей... В общем, было дело на Нахаловке!

9

После первого же «дела» («взяли» квартиру) Витька Ковальчук с восторгом признался Игорю:

- Вот это да, Золотарь, я и не знал, что это так просто! Обнесли в лучшем виде. И ведь пронесло же, чёрт побери, – не вляпались! Я, когда на шухере стоял, чуть не подох со страха. Шутка ли, в чужую хату залезть!..

Игорь не разделял Витькиного восторга. Взяв у Седого деньги для Ковальчука, он понимал, что попадает в новую кабалу, что Седой заберёт своё сторицей – ему теперь терять было нечего. По этой причине Золотарёв и не смог отказаться от предложенного «дела»...

Слушая сейчас Ковальчука, Игорь отрешённо молчал. Вспоминалась прошлогодняя весна, когда он, так же как Витька, впервые пошёл с Серёгой Соколовым... Много воды утекло с тех пор, но, как и тогда, он мучительно искал выход из тупика.

«Проклятый Ковальчук! Проклятый Николай! Проклятый Сокол!» – думал с ожесточением Игорь, обвиняя в бессильной злобе всех и вся! Жить не хотелось, но и покончить самоубийством было страшно... Да, Золотарёва навещали и такие мысли, но он тут же гнал их прочь. Нет, только не это! Игорь не хотел жить и в то же время боялся смерти. Но как же, как развязаться?!

Надя ни о чём не догадывалась. Она по-прежнему училась в техникуме, со дня на день готовилась лечь в роддом. Игорю страшно было подумать, что может случиться, если она обо всём узнает!..

Как-то встретил Мишку Шумей. За разговором тот неожиданно ошарашил новостью:

- Ну, вы даёте, Игорь!.. Молодцы, черти. А я поначалу не верил...

- Во что не верил, в бога, что ли? - недовольно спросил Золотарёв. Он не любил недомолвок.

Мишка понизил голос, понимающе подмигнул:

- Ты давай, не ломайся, - все знают, что вы с Ковальчуком по квартирам лазите! А Саня Пермяк с нашего посёлка сам мне признался: был с вами на «деле»! Деньги показывал - целый целлофановый кулёк! «ВЭФ» как-то купил, сидим в подъезде, «Голос Америки» ловим. Он крутил-крутил ручку - ничего хорошего не попадается. Разозлился и транзистором - о ступеньку!.. Только брызги полетели. А недавно у нас на посёлке Авиаторов квартиру обворовали. Матюшевских помнишь, может, - их обчистили. Я и думаю, не ваша ли с Ковальчуком работа?

- Что за мура, Шумей, какие квартиры? - ужаснулся Игорь. - Что ты гонишь, в натуре?.. Кто тебе это сказал?

- Говорю же, Пермяк трепался. Да и вообще, все болтают, - обиженно протянул Мишка.

- Кто - все? Ты что, с ума сошёл? Что говоришь?! - Золотарёва затрясло мелкой дрожью при одной только мысли, что всё могло быть действительно так.

- Весь посёлок говорит, вот кто! - вышел из себя Мишка. - Все пацаны... Пальцами на Ковальчука с Пермяком показывают - они, мол, квартиры чистят! Дзяпко ещё с нашего дома с ними... Максим Беспалов...

В этот же день, вечером, Игорь поехал на посёлок Авиаторов к Ковальчуку. По дороге вспомнил, что Витька как-то упоминал о разводе и, возможно, у жены его не будет. Так оно и оказалось... Красивая, но заметно сдавшая за годы замужества Витькина супруга с неприязнью поглядела на Золотарёва.

- Ушёл он, а куда - не докладывал, алкоголик несчастный! Видеть его больше не могу! - На глаза у неё навернулись слёзы.

Золотарёв съезжился. Ему показалось, что она всё знает, потому и смотрит на него так осуждающе. Но ведь не знает же она, что

Витька сам пришёл к нему за деньгами и чуть ли не на коленях умолял съездить к Седому! Но как ей это расскажешь?..

Витьку Игорь разыскал за гаражами, в сарае его дружка, Толяна Косого. Здесь постоянно собирались местные любители «колдырнуть». Пили, резались под деньги в карты, «метали банк», «забивали косяки», щупали девок...

В сарае было полно народу – яблоку негде упасть. Накурено так, что хоть топор вешай – не шелохнётся! Игорь еле различил в сизой полумгле Витьку Ковальчука, вызвал на улицу.

– Ты что делаешь, гад? – не владея собой, закипел Золотарёв. Глаза его сузились от ярости, кулаки сжались. – Какую ты тут «квартиру на уши поставил» – весь Ростов знает! Ты что, Коваль?.. Седой узнает – в землю зароет! Меня первого, потом – тебя. В случае чего его ищи-свищи, а нам крышка!

– А пошёл ты!.. – пьяно выругался Ковальчук. – Что пристебался? Плевать мне на тебя с Седым! Я сам себе Седой. Сейчас вон свистну своим орлам, они самого тебя закопают!

– Что ты сказал? – Игорь с ненавистью схватил Витьку за грудки.

– Руки, Золотарь! – оттолкнул его Ковальчук. Размахнулся, намереваясь ударить.

Он был неменяемый, Игорь это понял. Должно быть, накурился «дури». Разговаривать с ним было бесполезно.

– Сволочь ты, Витька! – сказал только на прощание Игорь и с презрением глянул в его пустые, бессмысленные глаза. – Опusti руку, что замахиваешься? Знал бы, что ты такой гад, – не связывался бы... Из-за тебя же во второй раз в это дерьмо полез! – Игорь, не договорив, сплюнул под ноги Ковальчуку и, повернувшись, пошёл прочь.

– Толай, толай, пока по шее не схлопотал! У меня своя банда, – бубнил ему вслед Витька.

Из сарая выглянул Косой и ещё несколько парней.

– Витёк, что за базар? Кого «отмочить»?

– Да был тут один деятель...

Вернувшись на Октябрьскую к бабе Лизе, где они жили с Надей, Игорь обо всём ей рассказал.

– Я чувствую, это уже конец, Надька! Прости меня – не удержался... Ковальчук, сволочь!.. Хотя сколько ты можешь прощать, бедная... Какой же я подлец, Надька, какой подонок!

- Игорь упал лицом в её колени. - Надя, я погиб, за мной скоро придут. Меня посадят. Я боюсь их, Надька, - и тех, и других...

- Иди сам в милицию, Игорь, - обняла его за шею Надя, - иди пока не поздно, сознайся во всём. За признание - меньше наказание! Иди сам, понимаешь? С повинной...

- В милицию?.. С повинной?.. Добровольно в тюрьму, к «хозяину»? - Вскинув голову, он с ужасом посмотрел на неё. - Ни за что, Надя! Не смей!.. Я их тоже боюсь, так же, как и Седого! Не могу... Лучше убежим, уедем! В Воркуту уедем, к Сереге Соколу. Там сам чёрт не найдёт. Сейчас же... Собирайся, Надя, поедем!

- Замолчи, Игорь, что ты плетёшь! - вскрикнула она, встряхивая его за плечи. - Куда ехать - у меня роды на носу! Да ведь и там найдут! Везде найдут, Игорь, - где спрячешься? Лучше отсиди...

- Ты мне такое желаешь? Ты!.. - Игорь задохнулся. - Я уеду. Сам. Сию же минуту! На край света... В тайгу к медведям, в горы пастухом устраюсь - ни в жизнь не найдут! Только не в тюрьму, к этим зверям.

- Трус несчастный! Что говоришь!.. Ну куда ты уедешь, - в какую тайгу, к каким медведям? И в тайге найдут, миленький! Лучше иди в милицию - иного пути нет. Мы тебя дождёмся... с дочей. Иди! А если боишься, я сама пойду и всё, всё им расскажу.

- Не смей и думать об этом! - вскричал Игорь и схватился за голову. - Что же делать? Что же делать?.. Седой меня убьёт! Нет, нет, нет! Пусть лучше сами - сами пусть заберут!

- Как ты жидок на расплату, Игорь. Ты же мужчина!

- Молчи, дешёвка, что ты понимаешь! - вышел из себя Золотарёв и изо всей силы ударил её по лицу. В ту же секунду, опомнившись и ужаснувшись от содеянного, обнял Надю, прижал к себе, орошая её лицо слезами и чувствуя на губах вкус её слёз.

Всё было тщетно. Она отшатнулась от него, как от чумного. С плачем, закрыв ладонями лицо, выбежала из комнаты на бабкину половину...

10

Они пришли за ним прямо на работу... Николай Седов с Канторовичем. Непонятно, кто их пустил на завод без пропусков, хотя... через въездные ворота мог зайти любой желающий... Едва увидев их у гаража, Игорь понял: пропал! Должно

быть, Угрюмый передал Седому весточку из следственного изолятора... Но он ошибся. Колька Седой снова замыслил «дело».

«Дело» Золотарёву сразу не понравилось. Николай решил ограбить сберкассу. В тот же день поехали «на место» – в Таганрог. Сначала – на электричке, но потом, предупредил Седой, будет машина.

«На место» попали, когда сберкасса уже закрылась. Долго бродили вокруг да около, изучая окрестности. Канторович сказал, что они готовятся уже около месяца, в Таганроге бывают чуть ли не каждый день. Седой в основном помалкивал. Он понимал, на что замахнулся... В то же время давно видел: с Золотарём пора завязывать. Последний раз – на сберкассу... и шабаш! Дело опасное, мало ли что... Вдруг с водителем что случится? Главарю нужен был запасной.

На «дело» поехали через четыре дня. Как раз выдалась непогода. Седой всегда выбирал такие моменты. Игорь, сидя на заднем сиденье «Москвича» между Юркой Канторовичем и незнакомым мужиком, которого он, кажется, видел на Нахаловке, горько перебирал в памяти страницы прошлого. «Надя!.. Где-то она теперь?..»

В тот памятный февральский вечер она ушла от него, не сказав напоследок ни слова... Собрала вещи и ушла. Опомившись, Игорь побежал следом (Наде помогала нести чемодан её подруга Анна), но увидел только «хвост» удаляющегося такси... Вернувшись на следующий день Анна, не отвечая на его расспросы, также собрала чемодан, расплатилась с бабой Лизой и пропала.

Игорь не спал три ночи кряду. Курил у окна, нервничал... Потом поехал в техникум, где учились подруги. Вышедшая после занятий Анна грустно сообщила, что Надя в роддоме...

– Встречаются два мужика, – рассказывал между тем анекдот сидевший на переднем сиденье Седой, – вместе в институте учились. Ну и давай старых знакомых перебирать. А ты помнишь этого?.. А того?.. Вот один у другого и спрашивает: «А ты Эдика Цукермана помнишь?» – «Какого Эдика?» – «Ну как ты можешь его не помнить?! Шухерной такой был чувак, анекдоты всё политические рассказывал!» – «Нет, не помню». – «Ну как же, – он ещё жил напротив тюрьмы». – «Ага, вспомнил», – говорит. – «Так вот, он теперь живёт напротив своего дома!»

Игорь любил анекдоты, сам был заядлым рассказчиком, но сейчас даже не улыбнулся. Не до этого было. Ехал – как на

плаху! Машинально сжимал в руках модную спортивную сумку на молнии, куда предстояло класть украденные деньги.

В Таганрог прибыли задолго до закрытия сберкассы. Оставив машину за два квартала, пошли разведывать обстановку. Игорь видел: Седой нервничает... Он, знаменитый Колька Седой, главарь, – тоже робеет! Кто бы мог подумать... Непокойно, видимо, было на душе и у Канторовича. Жёг его, наверное, сквозь одежду Колькин наган, с которым предстояло идти на «дело». Юрка не хотел никого убивать, – но что, если придётся?!

Золотарёва стал «пробивать мандраж»... Аж зубы во рту заклацали – так затрясло.

– Не понтуйся, козёл! – просипел, зыркнув на него, Колька. Но у самого тоже слегка задёргалась нижняя челюсть, он жадно хватанул снега и дал знак возвращаться к машине.

Золотарёв с ужасом посмотрел на часы. Так и есть! До приезда инкассаторов оставалось ровно тридцать минут... Юрка говорил, что они всё рассчитали.

За несколько минут дошли до «Москвича», покурили...

– Ну, чуваки, – ни пуха! – проговорил Седой с неестественной для него дрожью в голосе.

– К чёрту, к чёрту, Седой, – накаркаешь, – испугался водитель.

Подъехали к дому, где на первом этаже располагалась сберкасса, вчетвером вышли из машины. Первым в помещение нырнул Седой, за ним – Золотарёв с Канторовичем. Четвёртый, незнакомый Игорю, участник «дела» повесил на ручку двери табличку, на которой было написано чёрной тушью: «Санитарный день» и остался на улице.

Людей в сберкассе было немного: старички, женщина с девочкой, мужчина... Все стояли в основном возле окошка уплаты за коммунальные услуги. Пожилой, хорошо одетый гражданин отправлял посылку (почта располагалась в другом конце помещения).

Игорь мельком окинул взором сберкассу – и помертвел! Каким же изгоем и отщепенцем он показался сам себе здесь – среди этих мирных, занимающихся повседневным привычным делом людей – со своей дурацкой спортивной сумкой, в компании с Седым и Канторовичем! Провались он сию же секунду сквозь землю, было бы, казалось, легче.

В ту же минуту Седой выхватил из кармана пистолет и, наведя его на очередь около окошка, громко скомандовал:

- Ни звука, стреляю без предупреждения! Всем лечь на пол, руки за голову, быстро!

Сатана навёл свой наган на почтовое отделение.

Все попадали на пол как подкошенные. На миг воцарилась гробовая тишина.

- Ложись, руки за голову, убью! - зарычал Седой на замешкавшуюся кассиршу, потрясая оружием.

- Гос-по-ди-и! - протяжно вскричала та и сползла со стула. Но, как она ни старалась, ей никак не удавалось лечь на пол в своей тесной, зажатой между четырьмя перегородками келье. Остальные работницы сберкассы и почты лежали, боясь пошевелиться.

- Сатана, давай!.. - продолжал командовать Седой.

Все происходило в считанные доли минуты, но Игорю казалось, что время тянется невыносимо медленно. Он почти ничего уже не соображал и не слышал от парализовавшего его страха.

Канторович вихрем влетел за барьер сберкассы и потребовал у распростёртых на полу сотрудниц ключи от сейфа. В это время в зал из коридора, ведущего в подсобные помещения, выглянула женщина. Ахнув и всё сразу поняв, она бросилась назад.

- Сатана! - вскрикнул, кивнув на неё, Седой.

Юрка метнулся за женщиной, и в этот самый момент с улицы донёсся предостерегающий свист стоявшего «на шухере» налётчика.

- Ходу, чуваки! - испуганно закричал Седой и, пряча пистолет в карман, первый поспешил на улицу.

Игорь направился было вслед за ним, но там, у входа, происходила уже какая-то борьба. Громко зазвучали голоса, подающие резкие команды... Скрипнули тормоза машины... Раздался пронзительный вой милицейской сирены... Потом, очень близко, хлопнул пистолетный выстрел, зазвенело витринное стекло.

Золотарёв машинально упал на пол и зажал пальцами уши. Он не видел, как из внутреннего помещения сберкассы вывели Канторовича в наручниках, не знал, что произошло на улице. Помещение заполнили милиционеры и люди в штатском, стали записывать перепуганных посетителей. На улице разносилось: «Товарищи, очистите проезжую часть, не подвергайте свою жизнь опасности!.. Гражданка с мандаринами, вас что, - не касается?!»

Игоря тронули за плечо, несильно встряхнули:

- Вставай, парень, заснул?

Золотарёв ошалело глянул в глаза склонившегося над ним капитана милиции.

- Что смотришь, живой? Подходи к остальным свидетелям. Быстрее, быстрее, не задерживай!

Игорь не верил своим ушам!.. Он, как пьяный, поднялся на непослушные, как будто ватные, ноги, сделал шаг - и чуть не упал. Над ним засмеялись.

- Ноги не держат от страха. Герой!

Через полчаса Золотарёв был свободен...

Он быстро пошёл прочь от проклятой сберкассy, возле которой густо толпился народ и стояло несколько милицейских «Жигулей» и «уазиков». По пути чуть не сбил с ног женщину, глянувшую на него во все глаза и повертевшую у виска пальцем. Игорь не обратил на неё внимания, да он, собственно, и не видел её. Он вообще ничего не видел. Переходя проезжую часть, чуть не попал под машину и, даже не взглянув на матюкающегося таксиста, побрёл дальше. Прикуривая у киоска «Союзпечати», выронил на снег сумку, но не заметил и этого. Липкий горячий пот, обильно струившийся из-под шапки, заливал лицо. Руки и колени дрожали. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит и, как бомба, разорвётся на части!

Игорь подцепил на ладонь снега, жадно припал к нему судорожно ловившими воздух губами. Его вырвало...

- Эх, такой молодой!.. Залил zenки, - осуждающе проворчала проходившая мимо старушка.

«Ушёл! Ушёл! Ушёл!.. Ведь смылся, чёрт побери! - скакала в разгоряченной Игоревой голове радостная мыслишка. - Нет, мы ещё поживём на свободе! Порадуемся. Помирать нам рановато!.. Врёшь, кореш, - хрен догонишь, а догонишь - хрен возьмёшь!.. Куда я иду, дьявол... на вокзал, домой!»

Он быстро остановил такси и поехал к вокзалу, до которого было рукой подать. И постепенно в сознании укоренялось другое, то, о чём и говорила не так давно Надя: «Ушёл, говоришь, смылся?.. А что дальше? Куда теперь идти, - домой? Но там ведь, наверно, уже караулит милиция!.. Куда бежать-то, что делать? Чуваков повязали - найдут и меня как пить дать. Прятаться?.. От кого и зачем? От себя разве спрячешься? Вся жизнь кувырком пошла! Нет друзей, родителей, любимой жены. Всё - прахом!.. Так

что ещё может быть хуже?.. Зачем я здесь?! Не лучше ли было остаться там, возле сберкассы, вместе со всеми?.. Трус паршивый! Страшно, да? Тюрьмы боишься, уголовников? А зачем же лез в эту кашу, на что надеялся? Даром всё пройдёт?.. Даром ничего не проходит, за всё нужно платить!..»

Расплачиваясь с водителем, сунул тому десятку и, даже не посмотрев на сдачу, пошёл к вокзалу. Таксист проводил парня долгим удивлённым взглядом.

«Так пусть – суд, пусть – тюрьма, зона – поделом! Так тебе и надо, сволочь! – бичевал себя безжалостно Игорь. – Сам к этому шёл, сам захотел тюремной романтики. Получи теперь! Романтик...»

Золотарёв уже почти решил, что ему делать. Здесь, в здании железнодорожного вокзала, есть отделение милиции...

Игорь зашёл на телеграф и быстро, трясущейся рукой, нацарапал на голубоватом телеграфном бланке: «Мама, я уезжаю, – так надо. Как-нибудь напишу. Наде передай, что всё будет в порядке (она в роддоме на Западном, разыщи её). Обо мне не беспокойся, со мной ничего не случится. Игорь».

Подумав, Золотарёв поставил «P.S.» и дописал: «Я вернусь, Надя!»

Молоденькая девушка-телеграфистка равнодушно сосчитала слова, взяла деньги и кинула в тарелочку сдачу. Игорь смотрел на неё и думал: «Счастливая! Есть у тебя, конечно, дом, родители... Быть может, встречаешься с парнем... Какая же ты счастливая, дорогая моя девчушка!.. Ты и сама, верно, этого не представляешь».

Зайдя в буфет, Игорь взял три бутылки «Жигулевского», стал за высокий столик. Потягивая прямо из горлышка холодное, освежающее пиво и ощущая небывалое наслаждение, вдруг понял: ещё немного – и передумает идти... куда решил! Ничем тогда не заманишь...

«Но я вернусь, Надя! – скрипел зубами Игорь. – Обязательно к тебе вернусь, – вот увидишь! Только дождись... О боже, что я наделал!»

В буфет зашли какие-то молодые люди, почти мальчишки, с магнитофоном. Золотарёв вздрогнул, услышав знакомую песню: «Чередой, за вагоном вагон...» Ребята взяли пива и пристроились за соседний столик. Игорь прислушался к разговору.

– Чуваки, слышали, у нас в районе сберкассу грабнули! Я из дома выпуливаюсь, слышу – стрельба, вяжут кого-то... Милиции – прорва! Говорят, – новые «фантомасы»!

- Не гони, Крыса, «фантомасам» вышак втулили!

- А молодцы были – никого не боялись...

- Нам так не жить.

Игорь с интересом поглядел на ребят – и вдруг признал в них, в их рассуждениях... самого себя! Прежнего, семнадцатилетнего... Тогда это всё началось...

«Так пусть – тюрьма, так и надо! – с ожесточением подумал Золотарёв и, допив вторую бутылку пива, вышел на перрон. – Доигрался, дурак! Сгниёшь в зоне. Так тебе и надо! За Раису, за Надьку... Пусть срок – заслужил! Кончено... Приговор окончательный и обжалованию не подлежит! Но я вернусь, Надя...»

На перрон, хлопнув дверью, вывалила из буфета давешняя компания. По ушам резануло словами песни:

Как бы ни был мой приговор строг,

Я вернусь на родимый порог...

Игорь докурил сигарету, резко швырнул в урну окурок и решительно зашагал в отделение милиции.

1980 – 1989

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>